

another one

Том 3 №2 2024

ЕЩЕ ОДИН философский журнал

Том 3 № 2 2024

Биополитика

Можайск
Издательство РЕС ПРЕСС
2024

ЕЩЕ ОДИН

философский журнал

Издается с 2023 года, выходит 2 раза в год

ISSN 2949-5202

eISSN 3034-2376

Учредитель — Издательство «РЕС ПРЕСС»

Том 3 №2 2024

Главный редактор: Максим Ухин

Редактор-составитель: Мария Романюк

Редакционный совет

Екатерина Алексеева (Москва, Россия); Никита Архипов (Москва, Россия); Александр Бикбов (Париж, Франция); Рэй Брасье (Бейрут, Ливан); Диана Гаспарян (Москва, Россия); Василий Кузнецов (Москва, Россия); Владислав Карелин (Москва, Россия); Александр Писарев (Москва, Россия); Мария Пророкова (Москва, Россия); Матье Рено (Париж, Франция); Оксана Тимофеева (Берлин, Германия)

Редакционная коллегия

Лолита Агамалова, Павлина Казакова, Мария Романюк

Дизайн, верстка: Татьяна Павлова

Дизайн обложки: Майя Стародумова

Обложка: «Тени Маньчжурского ореха» (февраль 2022 года). Фотограф Андрей Кинйело. Камера Kodak Brownie 1915 года, плёнка Fomapan 100. Фотография сделана на исторической реконструкции в честь столетия Волочаевской Битвы.

Корректор: Марина Стрепетова, Екатерина Софьина

Редактор сайта: Павел Петров

E-mail редакции: ao.philos.journal@gmail.com

Сайт: anotheronejournal.com

Регистрация: ПИ № ФС 77 — 85481 (01.03.2023)

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора.

Тираж 200 экз.

© Издательство РЕС ПРЕСС, 2024

18+

СОДЕРЖАНИЕ

- 8 От выпускающих редакторов
- 12 Кибернетический децизионизм академика Глушкова
Игорь Кобылин
- 40 Методы дискурсивного производства «нормального субъекта»
и практики дестигматизации на примере самиздат-прессы
гендерных диссидентов в 1989–1999 гг.
Анна Головина
- 67 Пси-функция по-советски: субституты психоанализа
в позднем СССР
Роман Мамин
- 84 Неприрученная онтология
Давиде Тариццо
- 103 Тоталитаризм или биополитика? К вопросу о философской
интерпретации XX века
Роберто Эспозито
- 122 Политический историзм Мишеля Фуко
Антон Прокопчук
- 148 По(э)литическая анархеология Внешнего: Эссе о Фуко,
истине и свободе
Егор Дорожкин
- 186 Некрополитика
Ашиль Мбембе
- 236 Низовая биополитика. Интервью с Джорджо Агамбеном
Стани Греле, Матье Потт-Бонневиль

ANOTHER ONE

Philosophical Journal

Published since 2023, frequency — two issues per year

ISSN 2949-5202

eISSN 3034-2376

Establisher – LLC RES PRESS

Volume 3 No 2 2024

Editor-in-Chief: Maxim Ukhin

Issue editor: Maria Romaniuk

Editorial Council

Ekaterina Alekseeva (Moscow, Russia); Nikita Arkhipov (Moscow, Russia);

Aleksandr Bikbov (Paris, France); Ray Brassier (Beirut, Lebanon);

Diana Gasparian (Moscow, Russia); Vasilii Kuznetsov (Moscow, Russia);

Vladislav Karelin (Moscow, Russia); Aleksandr Pisarev (Moscow, Russia);

Maria Prorokova (Moscow, Russia); Matthieu Renault (Paris, France);

Oksana Timofeeva (Berlin, Germany)

Editorial Board

Lolita Agamalova, Pavlina Kazakova, Maria Romaniuk

Design, layout: Tatiana Pavlova

Cover design: Maya Starodumova

Cover: «Shadows of the Manchurian Walnut», February 2022. Photographer Andrei Kinyelo. Kodak Brownie camera from 1915, Fomapan 100 film. The photo was taken at the historical reconstruction in honour of the centenary of the Volochaevskaya Battle.

Proofreader: Marina Strepetova, Ekaterina Sof'ina

Website editor: Pavel Petrov

E-mail: ao.philos.journal@gmail.com

Website: anotheronejournal.com

State Registration №: ПИИ № ФС 77 — 85481 (01.03.2023)

All published materials passed review and expert selection procedure.

Print run 200 copies.

© LLS RES PRESS, 2024

18+

CONTENTS

- 8 Editors' Introduction
- 12 Cybernetic decisionism of academician Glushkov
Igor Kobilin
- 40 Methods of discursive production of the «normal subject» and practices of destigmatization using the example of samizdat press of gender dissidents in 1989–1999
Anna Golovina
- 67 Psy-function in Soviet Style: Substitutes for Psychoanalysis in the USSR
Roman Mamin
- 84 The untamed ontology
Davide Tarizzo
- 103 Totalitarianism or Biopolitics? Concerning a Philosophical Interpretation of the Twentieth Century
Roberto Esposito
- 122 Political Historicism of Michel Foucault
Anton Prakačchuk
- 148 Po(e/li)tical Anarchaeology of the Outside: Essays on Foucault, Truth and Freedom
Egor Dorozhkin
- 186 Necropolitics
Achille Mbembe
- 236 A minor biopolitic. Interview with Agamben
Stany Grelet, Mathieu Potte-Bonneville

От выпускающих редакторов

Что позволяет нам сказать о *современности* концепция биополитики? И как сегодня осуществляется политический контроль над *жизнью*? Об этом — тематический номер *еще одного*, посвященный биополитике.

В статье, открывающей номер, *Игорь Кобылин* рассматривает проект ОГАС, созданный академиком Виктором Глушковым, в контексте теории гвернаментальности Мишеля Фуко и показывает, что кибернетическое управление Глушкова выходит за рамки технократического подхода, объединяя элементы суверенного вмешательства с автоматизированным контролем. В центре внимания *Анны Головиной* — исследование самиздат-прессы конца 1980-х/начала 1990-х годов, являвшейся важным инструментом для формирования новой не маргинализованной идентичности, а также местом развития альтернативного дискурса сексуально-гендерных диссидентов. Проанализировав 115 экземпляров самиздат-прессы из частного архива с помощью дискурс-анализа Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф, а также критического дискурсивного анализа Нормана Фэркло, Анна Головина приходит к выводу, что в советском контексте дестигматизация реализовывалась по типу нормализации в модели управления стигмой, в то время как, например, в США аналогичное сообщество выстраивало собственную самоадвокацию в соответствии с стратегией дифференциации. *Роман Мамин* обращается к позднесоветским психотерапевтическим теориям и практикам и рассматривает возможность их анализа сквозь призму концепта «пси-функции» Мишеля Фуко, который традиционно используют для описания дисциплинарной роли психологических практик в западных обществах и их связи с «дискурсом истины». В рамках критического подхода он исследует появление альтернатив психоанализу на фоне его официального запрета в СССР и показывает, что субституты психоанализа можно обнаружить и в теориях, внешне не связанных с фрейдизмом (таких, как «школа установки» Узнадзе и «патогенетическая психотерапия» Мясищева).

Давиде Тариццо, в свою очередь, ставит вопрос о современных способах политического контроля жизнью, обращаясь к работам Мишеля Фуко, благодаря которому — здесь можно лишь согласиться с Томасом Лемке — биополитическая перспектива обрела принципиально новое теоретическое значение. Изобретение современности и современного понятия «жизнь», согласно Мишелю Фуко, происходят одновременно — в одной и той же онтологической рамке, которую он называет «неприрученной онтологией». Каковы основные черты этой онтологии? Как она влияет на наше представление о «жизни»? И как она связана с биополитическим поворотом? По мнению Давиде Тариццо, чтобы ответить на эти вопросы, мы должны прежде всего спросить себя, не содержит ли наше представление о «жизни» метафизические допущения, которые все еще частично скрыты под нашими научными и политическими утверждениями. Он предлагает расширить рамки неприрученной онтологии и соединить семантику автономной воли с семантикой автономной жизни, поскольку именно *автономия*, на его взгляд, является метафизическим порогом современности. *Роберто Эспозито* обращается к двум способам философской интерпретации XX века — парадигме тоталитаризма и парадигме биополитики, указывает на невозможность функционирования традиционной демократии в условиях биополитического поворота и ставит вопрос о том, что могла бы представлять из себя новая *биополитическая демократия* — или *демократическая биополитика*.

Антон Прокопчук исследует структуру отношений между историческим знанием и политической философией суверенитета в позднем творчестве Мишеля Фуко: он рассматривает понятие «политического историзма», введенного в курсе лекций «Нужно защищать общество», и утверждает, что, хотя оно и не получило дальнейшего развития, принципы политического историзма легли в основу генеалогического метода. Фуко не только рассматривает политический историзм как явление, но и опирается на него в собственной критике модели государственного суверенитета — именно поэтому, в отличие от более известных исследований генеалогии техник индивидуализации, в лекциях «Нужно защищать общество» Фуко ближе всего подходит к чисто социологической проблематике. В эссе «По(э)литическая анархеология Внешнего» Егор Дорожкин предпринимает попытку экспликации философских оснований проекта археологии знания Мишеля Фуко с целью вывести этот проект за пределы «критического варварства» современных культуралистов и предложить

формально-материалистическое толкование. Он утверждает, что такого рода основанием является *проблема невозможного Внешнего* как дифференциальной имманентности и вытекающая из нее *гетерогенность истины*: именно гетерогенность, а не нейтральность истины выступает, по мнению автора, главным предметом археологических изысканий, и она же обуславливает фундаментальное для Фуко (не)совпадение истины со свободой, определившее его исследования власти и сексуальности.

Камерунский теоретик постколониализма *Ашиль Мбембе*, опираясь на рассуждения Джорджо Агамбена о *homo sacer*, а также на критику Мишелем Фуко понятия суверенитета и его связи с войной и биовластью, помещает в политическое пространство постколонии фигуру суверенитета и голой жизни, созданной чрезвычайным положением. Мбембе вводит понятие *некрополитики*, или *некровласти*, для объяснения различных способов, посредством которых оружие используется в современном мире для создания «*миров смерти*», то есть новых и уникальных форм социального существования, в которых огромные массы населения оказываются в жизненных условиях, придающих им статус живых мертвецов. Мбембе описывает постколониальный локус как место, где диффузная и не всегда исключительно государственная власть вписывает «экономику смерти» в отношения управления и производства, и утверждает, что если в колониальную эпоху насилие выступало исключительно в качестве средства достижения прибыли, то в пространстве постколонии оно становится самоцелью. Эти наблюдения, как отмечает Элизабет Аршамбо, актуальны не только для Третьего, но и для Четвертого мира — для тех, кто принадлежит Первому миру, но живет в состоянии абсолютной неустроенности: для изгоев, которые не были окончательно изгнаны из общества благосостояния и занимают его окраины (улицы, транзитные зоны, лагеря для беженцев, хосписы). Однако, возможно, именно группы, которые наиболее подвержены воздействию биовласти, из собственного опыта и из того сопротивления, которое они способны оказать ей на ее же территории (в органах государственной власти, медицинских учреждениях, судах) изобретают новую — *низовую* — биополитику, способную противостоять господствующей, и являются провозвестниками «*грядущей политики*». Об этом — интервью с *Джорджо Агамбеном*, данное им французским политическим активистам Стани Греле и Матье Потт-Бонвилю (последний также является исследователем философии Фуко и главным редактором журнала *Usarame*, в котором интервью и было опубликовано в 1999 году).

Редакция благодарит авторов, переводчиков, редакторов, рецензентов, Николая Кшевина, Павла Петрова, Михаила Журавлева, Майю Стародумову, Ирину Рыбакову, Евгения Ершова, Марину Ярославцеву и Павла Одинцова, а также научный комитет всемирного конгресса «World Congress: Foucault 40 years after», под эгидой которого 1-2 июня 2024 года в Москве состоялась конференция «Мишель Фуко: знание и власть», и, конечно, коллег из МВШСЭН.

Мария Романюк

Кибернетический децизионизм академика Глушкова

Игорь Игоревич Кобылин — кандидат философских наук; доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания РГГУ, преподаватель программы «Политическая философия» МВШСЭН, доцент Приволжского исследовательского медицинского университета; e-mail:kigor55@mail.ru

Ключевые слова: гувернаментальность, кибернетика, децизионизм, советская философия, политическая теология, аутопоэзис, диалектическая негация

Статья посвящена анализу проекта ОГАС академика Виктора Глушкова в контексте теории гувернаментальности Мишеля Фуко. Обычно Глушков рассматривается как чистый технократ, пытавшийся создать тотальную систему машинного управления и часто подозревавшийся даже своими коллегами в исключительном внимании к техническому контролю над социально-экономическими процессами. Однако исследование показывает более нюансированную картину. Новое кибернетическое управление, по Глушкову, предполагало не только полюс машинной аналитики, но и полюс «суверенного» решения. При этом двухполюсная управленческая машина обладает свойствами самоподобия: она сама становится «суверенным» органом по отношению к сложившейся системе администрирования экономики, где автоматическое следование нормативам и циркулярам порождает в свою очередь неформальный «суверенный» процесс. Это проявляется и в историософских размышлениях Глушкова: решая проблему перехода второго информационного барьера, он показывает, как ОГАС диалектически снимает дуализм иерархической политики и товарно-денежной экономики предыдущего периода, воспроизводя в новом единстве киберуправления их ключевые свойства. Такое использование диалектического (гегелевского) языка как раз и позволяло сделать акцент на необходимости суверенного волевого вмешательства. При этом чувствуя уязвимость «полюса» решения, Глушков планировал — через техническое управление социальной средой — и производство новой субъективности.

Статус кибернетики как дисциплины изменялся в Советском Союзе от одной крайности к другой. До середины 50-х годов она оценивалась в некоторых идеологических статьях как «буржуазная наука». В 60-х и начале 70-х годов кибернетика заняла в Советском Союзе намного более престижное положение, чем где-либо еще в мире. В конце 70-х и в 80-х годах ее статус значительно понизился, хотя она и продолжала сохранять определенную популярность¹.

Эти слова американского историка советской науки Лорен Р. Грэхэма кратко суммируют приключения кибернетики и в публичном советском дискурсе, и в институциональном контексте. Действительно, из «науки» мракобесов», тоскующих по «механическим солдатам», кибернетика довольно быстро превращается в один из главных инструментов, призванных «значительно повысить темпы строительства коммунизма»². Этот инструмент оказывается настолько важен, что удостоивается специального упоминания в новой Программе КПСС, принятой Пленумом ЦК летом 1963 года.

Эпоха кибернетических «бури и натиска» хорошо задокументирована и описана — и самими действующими лицами, и историками-исследователями. Так, Борис Малиновский — руководитель одного из отделений Института кибернетики, возглавлявшегося Виктором Глушковым, главный конструктор «управляющей машины широкого назначения» «Днепр», один из разработчиков компьютеров «Электроника С5» и «Нейрон», — написал несколько книг, посвященных истории советской вычислительной техники, ценных как раз внутренней оптикой непосредственного участника и свидетеля³. В качестве образцового исторического исследования можно назвать работу Славы (Вячеслава) Геровича «От новояза к киберязы: история советской кибернетики» (2002), ревизионистски пересматривающую советский кибернетический бум и его последствия в духе ревизионистского же направления в американской историографии, пересмотревшего тоталитарную версию советской истории в целом⁴.

¹ Грэхэм Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе / Л. Р. Грэхэм. — М.: Политиздат, 1991. — С. 266.

² Берг А. Кибернетику — на службу коммунизма / А. Берг // Возможное и невозможное в кибернетике. Сборник статей / под ред. академиков А. Берга и Э. Кольмана; составитель В. Д. Пекелис. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — С. 220.

³ См.: Малиновский Б. История вычислительной техники в лицах / Б. Малиновский. — Киев: фирма «КИТ», ПТОО «А. С. К.», 1995. — 384 с. — SBN 5-7707-6131-8; Малиновский Б. Н. Нег ничего дороже... / Б. Н. Малиновский. — К.: Горобець, 2005. — 336 с. — ISBN 966-8508-04-1.

Однако в последнее время — в связи с обострившимися дискуссиями о новых возможностях искусственного интеллекта, о цифровой экономике и дигитальной демократии (на глазах оборачивающейся дигитальном же тоталитаризмом), об алгоритмической гвернаментальности и ее последствиях для будущего политики как таковой — интерес к истоку нынешней цифровой культуры, и особенно к альтернативному, советскому, варианту этого истока, ощути-мо усилился. Появляется большое количество работ — и научных, и популярных, — не только с долей ресентимента оплакивающих упущенный «последний шанс» перезапуска (на этот раз технократического) советского проекта⁵, но и пытающихся разглядеть в социалистическом прошлом кибернетики семена достойного будущего.

Вышедшая в 2016 году книга американского исследователя Бенджамина Питерса о проектах создания советского интернета — и прежде всего о проекте ОГАС (Общегосударственная автоматизированная система учета и обработки информации) Виктора Глушкова⁶ — спровоцировала целую волну дебатов о потенциальных перспективах ОГАС и для позднесоветской экономики (которая, как полагают некоторые, потому и развалилась, что ее руководители не воспользовались идеями Глушкова), и — в каком-то, конечно, модифицированном виде — для современной. Нам уже приходилось писать об этой работе, так что ее подробное реферирование представляется излишним⁷. Но важно напомнить о том, чего у Питерса в эксплицитном виде нет, но что так или иначе вытекает из его исследования. Глушковский ОГАС и другие советские кибернетические наработки стоит рассмотреть в контексте исследований гвернаментальности, начатых Мишелем Фуко в середине 70-х⁸.

Крайне плодотворные попытки описать советскую кибернетику и системный анализ в качестве значимого эпизода истории

⁴ Gerovitch S. *From Newspeak to Cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics* / S. Gerovitch. – Cambridge: MIT Press, 2002. – 369 p. – ISBN 0-262-07232-7. Из недавних исследований кибернетического управления см.: Сироткина И. От контроля сверху к самоорганизации: от тепель и теория управления движениями / И. Сироткина // *Философско-литературный журнал «Логос»*. – 2020. – №2 (30). – С. 129–156.

⁵ Об этом жанре см.: Абрамов Р. Советские технократические мифологии как форма «теории упущенного шанса»: на примере истории кибернетики в СССР / Р. Абрамов // *Социология науки и технологий*. – 2017. – Том 8. № 2. – С. 61–78.

⁶ Peters B. *How Not to Network a Nation: The Uneasy History of the Soviet Internet* / B. Peters. – Cambridge: MIT Press, 2016. – 312 p. – ISBN 9780262534666.

⁷ См.: Кобылин И. «Правда», «Время» и кибернетика: непростая история позднесоветских медиа / И. Кобылин // *Новое литературное обозрение*. – 2019. – № 4 (158). – С. 306–319.

губернаментальности уже предпринимались. Так, например, Эгле Риндзевичуте в работе «Власть систем» анализирует советское научное управление в терминах Фуко и даже вводит специальное понятие «системно-кибернетическая правительственность» (*system-cybernetic governmentality*)⁹. Согласно Риндзевичуте, это системно-кибернетическое управленчество сыграло роль исчезающего посредника: используя кибернетику, авторитарное партийное руководство стремилось усилить собственную власть, но в итоге кибернетика и системные исследования способствовали краху этой власти. Отталкиваясь от сформулированного Николасом Роузом, одним из ключевых современных исследователей губернаментальности, тезиса о том, что свобода — это не отсутствие какого-либо контроля вообще, а скорее эффект работы сложного, исторически подвижного комплекса дисциплинарных техник и механизмов¹⁰, Риндзевичуте наделяет импортированное «научное управление» перформативным измерением:

Согласно Теодору Портеру, производство и использование безличных числовых данных служит важным источником доверия в демократических системах. Портер показывает это на примерах Франции, Великобритании и США. Лорен

⁸ Фуко использует термин *gouvernementalité*. Российские переводчики так и не пришли к консенсусу, как именно стоит это слово переводить. В настоящее время встречаются три основных варианта: губернаментальность, управленчество и правительственность. Мы будем пользоваться всеми тремя в зависимости от стилистического контекста. См.: Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2011. – 544 с. – ISBN 978-5-02-037115-6.; Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2010. – 448 с. – ISBN 978-5-02-025439-8. Губернаментальности у Фуко посвящена огромная исследовательская литература. См., например: Дин М. Правительственность: власть и правление в современных обществах / М. Дин. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. – 592 с. – ISBN 978-5-7749-1190-5.

⁹ Риндзевичуте полагает, что само понятие губернаментальности возникает у Фуко – пусть и опосредованно – как интеллектуальная реакция на развитие и широкое применение системно-кибернетических методов управления на послевоенном Западе: «Я не утверждаю, что Фуко просто использовал системно-кибернетические идеи в своем интеллектуальном проекте по переосмыслению изменившейся природы управления в современном государстве (хотя он вполне мог так сделать). Скорее само появление исследований губернаментальности нужно понимать как результат фиксации реальных перемен в практиках управления <...> В своем исследовании я предлагаю путешествие по ленте Мёбиуса, где фукольдианская перспектива губернаментальности может быть рассмотрена в качестве составной части системно-кибернетического мира управления». Rindzeviciute E. *The Power of Systems: How Policy Sciences Opened Up the Cold War World* / E. Rindzeviciute. – Ithaca; London: Cornell University Press, 2016. – 306 p. – ISBN 9781501703188.

¹⁰ См.: Rose N. *Powers of Freedom: Reframing Political Thought* / N. Rose. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 334 p. – ISBN 0521659051.

Грэхем выдвигает аналогичный аргумент в отношении Советского Союза — цифровые данные играли здесь сопоставимую роль, но несколько иным образом. Хотя советская статистика подвергалась печально известным манипуляциям, тем не менее квантификация и технонаучный рационализм создавали пространство для реформ. Растущая институциональная мощь научного управления оказало разрушительное воздействие на во многом иррациональную сталинскую систему¹¹.

Однако такой подход имеет свои ограничения. Безусловно, версия Риндзевичуте далека от той линейной траектории — от тоталитарного рабства к свободе, — которая слишком часто рисуется в упрощающих реальное положение дел исследованиях и популярных изложениях. Либерализация — это не долгожданное обретение от века данной естественной свободы, а переход от одной конфигурации дисциплинарных техник к другой. Тем не менее сам переход описывается как подготовленный технонаучной нормативностью переход от *иррационального* авторитарного зазеркалья к *рациональному* в своей основе устройству общества. Отождествленный с иррациональным авторитаризмом советский проект лишается тем самым того внутреннего противоречия, который ему, несомненно, присущ. В конце концов, он не только задумывался в качестве прогрессивно-освободительного, но во многих аспектах действительно реализовался в качестве такового, так что быть антисоветчиком и отвергать «совок» в его тотальности часто означало симпатизировать карикатурно гипертрофированной «буржуазности», включавшей в себя и обскурантизм, и элитизм, и антифеминизм¹². Книга Питерса как раз и хороша тем, что она показывает парадокс советского общества на более глубоком уровне: не системно-кибернетическое управление развалило советское идеологизированное государство, а наоборот — последнее не смогло вобрать в себя кибернетические достижения именно потому, что было недостаточно советским: министерства и ведомства вели себя как частные акторы на административных рынках, отстаивая свои партикулярные интересы в противовес общему благу.

¹¹ Rindzeviciute E. Op. cit. P. 14.

¹² О специфической «буржуазности» перестроечных советских программистов, своего рода «неверных наследников» кибернетиков-утопистов 60-х, см.: Конрадова Н. Археология русского интернета. Телепатия, телемосты и другие техноутопии холодной войны / Н. Конрадова. — М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2022. — 288 с. — ISBN: 978-5-17-136499-1.

Еще более проблематичным является акцент на антиперсоналистском характере кибернетического управления. На первый взгляд, этот антиперсонализм представляется очевидным: действительно, только машина способна защитить общество от эксцессов культа личности и волюнтаристских перегибов со стороны «партийных суверенов». А уж там, где, как у Глушкова, речь идет о тотальной системе автоматизированного управления, машинном «динамическом планировании», банках данных не только на производственных предприятиях, но и на уровне потребительских сообществ в жилых микрорайонах — антиперсоналистский технократизм достигает своего апогея, вызывая законные подозрения в существенном перехлесте. Глушков часто неодобрительно изображался чистым технократом не только его «гуманитарными» противниками¹³, но и коллегами по «управленческому» цеху — например, академиком Никитой Моисеевым.

Но как будет продемонстрировано ниже, технократизм Глушкова имел и «суверенный» персоналистский полюс — децизионистский полюс «решения», который в общем функционировании управленческой машины¹⁴ оказывается не менее важным, чем полюс «аналитики» и алгоритмической регуляции. Концепция Глушкова, взятая в ее целостности, с большим трудом встраивается в готовые идеологические нарративы — будь то консервативно-советский, леволиберальный или анархо-либертарианский — и в его левом, и в его правом изводах. Однако если мы действительно хотим, стряхнув пыль с кажущихся нам привлекательными концепций прошлого, воспользоваться ими для построения будущего, то мы должны четко представлять себе их во всем их реальном (и часто неудобном для нас) объеме — для того, чтобы их возвращение

¹³ Известный среди прочего и своей жесткой позицией по отношению к излишнему увлечению кибернетикой философ Эвальд Ильенков написал довольно злую пародию, в одном из персонажей которой узнается Глушков. См.: Моголь Г. Записки Б. С. Безумцева, кандидата неких наук / Г. Моголь // Философия Э. В. Ильенкова и современность. Материалы XVIII Международной научной конференции «Ильенковские чтения». Белгород, 28–29 апреля 2016 г. / под общ. ред. А. Д. Майданского. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. – С. 10–15.

¹⁴ Используемое здесь понятие «управленческой машины» с ее полюсами отсылает к концепции «провиденциальной машины» Джорджо Агамбена, выдвинутой им в работе «Царство и слава», посвященной теологическим истокам современной гвернаментальности (см.: Агамбен Дж. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления / Дж. Агамбен. – М.: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. – 552 с. – ISBN 978-5-93255-521-7). Однако концептуальная связь между этими понятиями здесь только намечается, но подробно не разрабатывается – этот сюжет, безусловно, требует отдельного исследования.

было возвращением избирательного отличия, а не тоскливым возвращением Того же самого.

«Управление собой» советского кибернетика

В книге «Маленькие рассказы о больших ученых» (2013) раздел о Глушкове открывается коротким вступлением, которое задает специфическую тональность дальнейшему повествованию, представляющему собой монтажную сборку мемуаров самого Глушкова и воспоминаний о нем его коллег. В этом вступлении, написанном, по всей видимости, кем-то из авторов-составителей сборника, цитируются названия статей о Глушкове в западной прессе: так, интервью с ним в берлинской «Neues Deutschland», взятое в апреле 1969-го, вышло под заголовком «Человек, который пришел из будущего»; чуть раньше «Washington Post» назвала Глушкова «царем советской кибернетики», а спустя некоторое время он из царя превратился в «Бога кибернетики». Прозвища эти квалифицируются в «Маленьких рассказах...» как неудачные, но далее «политтеологическая» (царь/Бог) метафорика¹⁵ не столько отвергается в принципе, сколько примечательным образом корректируется: «Он был типичным представителем своей эпохи, когда уверенность в том, что человек “своею собственной рукой”, вооруженной силой науки, может добиться всего, была своеобразной религией»¹⁶.

В данном контексте не так важно, насколько адекватно язык политической теологии описывает специфику советской власти вообще и советской науки в частности. Важно, что он с завидной регулярностью используется и что в данном случае эта «своеобразная религия» предполагает определенный способ субъективации, если угодно — определенную «аскетичность». Базовые параметры этой субъективации — на примере жизненного пути Глушкова — задаются буквально в следующем абзаце: с одной стороны, цели должны быть неизмеримо выше

¹⁵ Конечно, подобные эпитеты широко распространены в масс-медиа и могут относиться к спортсменам или поп-звездам. Однако то, с какой готовностью авторы вступления подхватывают идею советской «религии», и то, какое место в ней занимает мотив широко понятой «суверенности», позволяет нам все-таки воспользоваться термином «политтеология», хотя и взятом в кавычках. Краткий обзор «религиозных» концепций советского коммунизма см. в: Рыклин М. Коммунизм как религия: Интеллектуалы и Октябрьская революция / М. Рыклин. — М.: Новое литературное обозрение, 2009. — 136 с. — ISBN 5867937240.

¹⁶ Маленькие рассказы о больших ученых. Юбилейный сборник избранных публикаций Н. Амосова, С. Лебедева, В. Глушкова и воспоминаний современников / под ред. Б. Н. Малиновского. — Киев: Горобец, 2013. — 400 с.

узко понимаемого личного интереса, а с другой — при всей грандиозности и даже фантастичности поставленных задач их нельзя оставлять на уровне пустого прожектерства. Чтобы достичь целей, необходима самодисциплина — практически все мемуаристы подчеркивают исключительную работоспособность Глушкова:

Он был очень компанейским, располагающим к себе своими знаниями, эрудицией, простотой, а главное — титанической работоспособностью. Все вечера, а зачастую и ночи он просиживал над учебниками, особенно математическими, исписывая множество тетрадей всевозможными вычислениями и выкладками. Бывало, заглянешь в его книгу, а там — сплошные интегралы, дифференциалы, в тетрадях — то же самое. Для нас это было непостижимо и трудно понимаемо. При всей его исключительно высокой теоретической подготовке, буквально по всем дисциплинам, он этим не кичился и очень много занимался¹⁷.

Понятно, что свой отпечаток на все подобные воспоминания накладывал жанровый канон советской «агиографии». Но и сам Глушков постоянно подчеркивает кантианский мотив самопринуждения — не доверяя автоматизму склонности и таланта, он буквально заставлял себя заниматься тем, что получалось плохо или интересовало меньше. Это суверенное владение собой он демонстрировал потом всю жизнь. Сам переход Глушкова от чистой математики к куда более практически ориентированной кибернетике многими рассматривался именно как акт своеобразной аскезы. Академик Борис Патон в статье «Уроки Глушкова», опубликованной в «Правде» в августе 1983 года (к 60-летию юбилею Глушкова, умершему годом ранее), писал:

Да, переход в кибернетику был патриотическим актом, ибо в алгебре Глушков уже обладал мировым именем. Не ради личной славы пошел Виктор Михайлович на этот труднейший участок, ступил на неизведанный путь, где его ждали колоссальные трудности. Он исходил из глубокого понимания кардинальных направлений научно-технического прогресса, жизненных интересов и нужд страны¹⁸.

Примерно так же писал о Глушкове и Виталий Моев — сотрудник «Литературной газеты», специальный корреспондент отдела «Человек и экономика». В выдержавшей несколько изданий книге «Бразды управления. Диалог с акад. Глушковым» он подчеркивает,

¹⁷ Там же. С. 172. Цитируется воспоминание сокурсника Глушкова Г. Н. Мокренко.

что кибернетически-хозяйственные заботы академика не объясняются ни стремлением к наслаждению (наслаждение приносит доказывание математических теорем), ни стремлением к славе (славу ему уже принесла теория цифровых автоматов). Далее Моев переходит на метафорический язык — речь идет о строительстве «мостов», связывающих «башни» (чистой науки) и друг с другом, и с миром, и с будущим. Эти метафоры мало что проясняют в мотивах, но понятно, что речь идет о некоем испытании – хочется остаться в башне, но нужно строить мосты.

Преодолевать, впрочем, приходилось не только собственное, но и внешнее сопротивление. Рассказ Малиновского о разработке и внедрении в серийное производство первых УМШН (управляющих машин широкого назначения) напоминает сводки с фронтов — нечеловеческое напряжение, героизм, борьба с саботажем заводского начальства и непрофессионализмом рабочих:

...Когда получили с завода первый комплект устройств машины, нас объял ужас. Это было скопище деталей – и только. Многочисленные паянные соединения между ними были выполнены самым отвратительным образом и постоянно отказывали. ... Помню, в те тяжелые дни я собрал всех сотрудников моего отдела и сказал: — Понимаю, что исправить все дефекты в машине — работа очень нелегкая. Но на фронте было тяжелее. Поверьте мне: вы же не хуже фронтовиков! ... Мои слова возымели действие: сотрудники работали, не щадя сил (А. Г. Кухарчук, В. С. Каленчук, Л. А. Корытная, В.Г. Пшеничный, И. Д. Войтович, В. В. Калашников и др.), и с исправлением брака, а также с отладкой УМШН, затратив огромный труд, мы все же справились¹⁹.

Конечно, ОГАС задумывался именно для того, чтобы избежать подобной штурмовщины: героизм и самопожертвования на производстве – это, как правило, следствие плохо организованного управления. Но, как мы сейчас увидим, «суверенный» полюс, по Глушкову, предполагался и в новой управленческой системе, в качестве ее необходимого элемента. В уже упоминавшейся книге Моева, которая послужит нам материалом для дальнейшего анализа, Глушков много и подробно говорит об этом.

¹⁸ Там же. С. 189.

¹⁹ Там же. С. 178–179.

Пирамиды и сети, «решение» и «аналитика»

Популярно объясняя широкой публике устройство ОГАС и ее преимущества для экономики страны, Глушков подчеркивал, что автоматизированная система — это не только сами автоматы, но и люди. Более того, прежде всего — люди. Новая система востребует и новый тип управленцев. Управленческий корпус будущего должен иметь два полюса — полюс аналитики и полюс «решения». С аналитикой все более или менее понятно — Глушков подробно описывает управленческие задачи, встающие перед учеными-системщиками (исследователями операций) на реальных предприятиях. Главной из этих задач является снижение неизбежной неопределенности ситуации, в которой приходится действовать. Глушков приводит пример, связанный с конкретной проблемой, — необходимо вдвое увеличить перевозки грузов торговым флотом. Первое, и самое тривиальное, что приходит в голову плохому управленцу — или, вернее, управленцу, работающему в старом, «административном» режиме, — это увеличить число судов. Однако самое первое и очевидное — не значит самое эффективное. Системные аналитики, разложив проблему на составляющие, показали, что ключевым фактором замедления работы флота является плохо организованная погрузка-разгрузка в портах. Корабли подолгу простаивали без дела. Если наладить соответствующие портовые службы, можно существенно ускорить перевозки без дорогостоящего пополнения флотилии.

Вместе с тем системно-аналитическая работа с данными не отменяет необходимость принятия решения. Более того, эта необходимость только возрастает. Как это ни парадоксально, неопределенность, в которой оказывается любой руководитель, после всех научных выкладок не только не снижается, но скорее даже повышается. Как показывает Глушков, она меняет свой характер: вариантов становится больше (следует учитывать множество параметров — экономическая эффективность может иметь слишком высокую социальную цену или потребовать невыполнимых на месте технических операций), но теперь мы с уверенностью можем сказать, что среди них действительно есть наилучший. Возможность ошибиться растет вместе с количеством вариантов, но появляется и гарантия существования самого правильного — в данных условиях, конечно²⁰.

²⁰ Моев В. Бразды управления. Диалог с акад. В. М. Глушковым. Изд. 2-е, доп. / В. Моев. — 2-е изд. — М.: Политиздат, 1977. — 254 с.

Отсюда и критическая важность «суверенного» полюса управленческо-кибернетической машины. Соответствующие страницы в «Браздах управления» — это настоящий гимн *децизионизму*, заставляющий вспомнить едва ли не Карла Шмитта. У занимающего суверенный полюс руководителя три основные функции — постановки задачи, организация «выполнения решения» (суметь заставить находящийся в подчинении коллектив довести выполнение до конца) и, наконец, самая сложная, по Глушкову, функция — функция *принятия* решения. Этот «момент решения» мобилизует совсем другие человеческие качества, нежели аналитическая работа. Ученый может бесконечно выдвигать новые гипотезы, искать оптимальные средства их проверки, спорить с другими аналитиками, уточнять собственную позицию и так далее. Но в какой-то момент все дебаты и обсуждения должны быть прекращены волевым вмешательством руководителя. Если он на такое вмешательство не способен, то машина забуксует в непрерывных дискуссиях.

Подобный руководитель теряется перед несовершенством, так сказать, любого из предлагаемых вариантов. Теряется и медлит... Вот поистине ультрасовременная ошибка, вызываемая не капризами субъективизма, а проистекающая из-за “перегиба научности” — фактически же из-за недостатка решимости, готовности принять и нести бремя ответственности²¹.

В беседах Глушкова и Моева напрямую цитируется только Брежнев, но недвусмысленные намеки и на эпоху культа Сталина, и на волюнтаристские перегибы Хрущева, безусловно, присутствуют. Так, Глушков — в небольшом подразделе диалогов с характерным названием «С особыми полномочиями» — предостерегает:

Самой большой опасностью мне кажутся скороспелые меры, попытки разрубить гордые узлы одним махом. ... Мы осудили волюнтаризм, пренебрегавший научным подходом к народнохозяйственным проблемам. Но порою отголоски волюнтаризма еще чувствуются. Только теперь проявляются не в чисто административной форме, а как бы под маской²².

В общем волюнтаризм — будь то в форме эксцесса «научности» или, напротив, в форме ее недостатка — однозначно отвергается, но отвергается именно в качестве негативного двойника подлинного

²¹ Там же. С. 61.

²² Там же. С. 51.

волевого руководства. Более того, самая новая управленческая машина, по всей видимости, с обоими ее полюсами (и аналитическим, и «децизионистским»), должна получить определенную автономию по отношению к отраслевым министерствам и ведомствам и иметь право «суверенного» вмешательства в их дела. Глушков настаивает на создании специального централизованного управленческого органа (с теми самыми «особыми полномочиями», вынесенными в заголовок), который стал бы не «бессильным» придатком уже существующих административных иерархий, а «руками», держащими бразды управления на всех уровнях и во всех структурах экономики страны. Должен быть создан Госкомитет по совершенствованию управления на базе электронно-вычислительной техники. Это штаб разработки проекта ОГАС с Главным конструктором системы координационно-вычислительных центров у руля. У такого Госкомитета, по замыслу Глушкова, будут подразделения во всех министерствах, — и необходимо, чтобы возглавляли эти подразделения «люди инициативные, с повышенным чувством творческого беспокойства». И у этих инициативных и беспокойных людей (вместе с подчиненными им аналитиками) появляются крайне широкие полномочия для вмешательства:

Прежде все право обращаться к работникам министерства любого уровня за объяснением всех приемов управления. Аналитикам обязаны предоставлять все материалы, помогать выяснять механизм прохождения бумаг, степень загруженности работников, распределение ответственности, порядок принятия решений и так далее²³.

Глушков не поясняет, как конкретно будут строиться взаимоотношения министерств и нового Госкомитета²⁴, но многозначительное «и так далее» в конце цитаты, говорит о серьезных экспансионистских планах разработчиков киберруководства²⁵.

²³ Там же. С. 53.

²⁴ Из рассуждений Глушкова в «Браздах управления» не очень понятно, как именно должны соотноситься полномочия хозяйственного руководителя и руководителя ведомственного подразделения «специального органа» и кто конкретно принимает итоговое решение. Судя по дальнейшему направлению беседы, это все-таки должен быть «хозяйственник», но изначально обладающий необходимыми личными качествами, соответствующим образом обученный (управленец — это не должность, а особая профессия) и управленчески индоктринированный: «Как и всякая профессия, руководство требует определенных природных данных, специальной подготовки, и она, профессия, конечно, накладывает на личность свою печать. А главное, что требуется от руководителя, — уметь выдвигать плодотворные идеи, ставить задачи и организовывать их решение. Требования к хозяйственному руководителю и ответственность его при наличии АСУ резко возрастают». (Там же. С. 65).

Кибернетическая историософия

В определенном смысле можно сказать, что двухполюсная система киберуправления, разрабатывавшаяся академиком Глушковым, обладает свойствами самоподобия: управленческая машина с ее режимами «аналитики» и «решения» сама становится «суверенным» органом по отношению к сложившейся системе администрирования экономики, где в свою очередь автоматическое следование нормативам и циркулярам порождает свой неформальный «суверенный» эксцесс — вынужденный произвол руководства, лавирующего между спускаемыми планами и реальными возможностями предприятий.

Это свойство проекта, призванного лишить «суверенность» ее полукриминального характера, сделать ее элементом системы, но элементом именно суверенным, то есть способным на творческое решение, нарушающее сложившиеся правила, проявляется и в подходе Глушкова к истории.

Говоря о внедрении ОГАС, Глушков вписывает ее в мировой исторический процесс на правах фундаментального изобретения человечества — ну, или, вернее, одного из вариантов такого изобретения. Речь в буквальном смысле идет об исторической необходимости. Скрывая за полушутливой формой вполне серьезное содержание, Глушков говорит о двух кризисах управления в человеческой истории. Первый кризис отделил первобытную эпоху (общинно-родовой строй) от эпохи раннегосударственной. Усложнение форм хозяйственной жизни и, соответственно, увеличение информации, которую необходимо запомнить лидеру той или иной общины для успешного управления ее жизнью, могло вызвать перегрев и коллапс родовых форм власти.

Человеческий мозг – и мозг того старейшины тоже — ведь это живая кибернетическая машина довольно большой, хотя и ограниченной мощности. Так вот, до поры до времени одного

²⁵ Эти экспансионистские планы, умело использованные противниками Глушкова, в конечном итоге и погубили ОГАС. Глушков вспоминал: «Да, я забыл сказать, откуда взялось отрицательное решение по нашему предложению. Дело в том, что Гарбузов сходил к Косыгину и сказал, что Госкомупр есть организация, с помощью которой ЦК будет смотреть, правильно ли Косыгин и Совет Министров в целом управляют экономикой. А мы в проекте специально подчеркивали, что Госкомупр должен работать под непосредственным управлением ЦК КПСС. И возражения последовали от А.Н. Косыгина, а раз он возражал, то, естественно, это принято быть не могло. Но мы тогда этого не знали, это стало известно мне года через два по нескольким независимым каналам, прежде всего через помощников А.Н. Косыгина». (Там же С. 206).

мозга вполне хватало для управления примитивным хозяйством. Но постепенно оно все усложнялось, ветвилось. ... Мощности одного среднего мозга стало мало, чтобы хранить в памяти модель производства²⁶.

Человечество справилось с первым кризисом, ответив на исторический вызов двумя «великими открытиями» — политическим и экономическим. Политическое состояло в изобретении властной иерархии — пирамиды, в которой между верховным правителем и непосредственными исполнителями располагались опосредующие бюрократические звенья, существенно облегчавшие управленческие задачи. Экономическое — это внедрение товарно-денежных отношений. Ценой выхода из информационного кризиса было появление классового неравенства, частной собственности, эксплуатации человека человеком, но проблема на долгое время оказалась решенной.

Люди выработали экономические критерии и механизмы, целый аппарат разного рода заинтересованностей (я беру это слово в широком смысле), благодаря которым удалось заставить согласованно работать многочисленные умы. Параллельно с мозгом старейшины «включились» и другие, мощность живой «кибернетической машины» возросла, как это бывает и с системами ЭВМ²⁷.

Второй кризис, как не сложно догадаться, приходится на актуальную современность. Количество экономических единиц, а главное — связей между ними растет теперь в геометрической прогрессии, так что традиционные политические институты и рынок в качестве экономического инструмента перестают справляться с бешеным информационным потоком. Начало приближения ко второму информационному барьеру в истории человечества приходится на 30-е годы XX века. Осознавать это стали и в капиталистических странах, и в СССР. Хотя, конечно, Глушков об этом впрямую не говорит, но все его рассуждения подводят читателя к тому, что не сама по себе Октябрьская революция открыла новый исторический этап — скорее, социалистические преобразования, ею начатые, служат лишь созданию благоприятных условий для следующего, подлинно революционного, рывка, заключающегося в разработке и масштабном развертывании универсальной кибернетической сети.

²⁶ Там же. С. 86–87.

²⁷ Там же. С. 88.

Действительно, то, что полноценное применение достижений кибернетики возможно только в социалистических странах, стало общим местом в советских дебатах о кибернетической науке со времени ее официальной реабилитации в публичном поле. Так, например, академик Аксель Берг в статье «Наука величайших возможностей» (1962) писал:

В стране намечено построить управление всем народным хозяйством по единой системе, через специально создаваемые для этой цели мощные вычислительные центры, снабженные современными сверхбыстродействующими электронными вычислительными машинами и связанные с планирующими, финансирующими, транспортными и промышленными организациями единой системой так называемой технологической автоматической связи. Это позволит обеспечить получение руководящими органами своевременной полноценной информации о ходе и развитии хозяйственной деятельности в стране и даст возможность оперативно, непрерывно и в наивыгоднейшем режиме управлять им... *С такой системой управления не сможет соперничать ни одна капиталистическая система, так как она всегда построена на противоречивых, антагонистических интересах разных групп населения* (курсив мой. — И.К.)²⁸.

Примерно так же размышлял и Глушков. Рыночная экономика — это тоже кибернетический механизм. С управленческой точки зрения главное в ней — сигналы обратной связи. Однако сегодня эти сигналы становятся все более ненадежными. Глушков называет три ключевых фактора, обрекающих рынок на запаздывание: радикальное увеличение самой номенклатуры товаров, ее непрерывное обновление и одновременно инертность структуры массового производства. Здесь не ставится задача выяснения, насколько точным был диагноз, поставленный советским кибернетиком рыночной экономике. Важно проследить саму логику его размышлений. Рынок обеспечивает автоматизм обратной связи, но ее скорость недостаточна. «Автоматически — это хорошо, но медленно — это очень плохо. Сигналы запаздывают, а если быть точным, приходят с такой скоростью, которая вчерашнюю экономику устраивала, а для нынешней уже не годится»²⁹.

²⁸ Берг А. Наука величайших возможностей / А. Берг // Природа. — 1962. — № 7. — С. 16–22

²⁹ Моев В. Бразды управления. Диалог с акад. В. М. Глушковым. Изд. 2-е, доп. / В. Моев. — 2-е изд. — М.: Политиздат, 1977. — С. 84.

Безусловно, в более широкой перспективе будет заметно, как социалистический акселерационизм компенсирует кибернетические сверхскорости радикальным замедлением, но пока необходимо зафиксировать саму общую тенденцию на ускорение, сдерживаемое неповоротливой рыночной системой. А она не просто неповоротлива — это нереформируемый пережиток, анахронизм, активно сопротивляющийся появлению нового глобального кибермеханизма. Конкуренция (и сопутствующая ей коммерческая тайна) в качестве основной движущей силы капиталистической экономики активно препятствует становлению единой сети управления. Рациональность электронно-кибернетического менеджмента наталкивается на стихийную иррациональность рынка. Впрочем, это касается не только ОГАС. Эгле Риндзевичуте подробно писала об интересе советского руководства к западным новинкам в области технологий управления — в послесталинский период появляется и огромное количество переводов западной литературы, и научно-популярных пересказов, и пересказов под видом идеологической критики, и, наконец, просто идеологической критики с минимум пересказа. И практически везде, хотя и в разной — в зависимости от жанра — стилистике, подчеркивался мотив «прерванной революции» — в данном случае революции менеджериальной: капиталистический Запад не выдерживает проверку собственной наукой. Какими бы достижения теории организации он ни демонстрировал, они находят применение только на уровне отдельных фирм или корпораций. Вот характерная цитата из разоблачительной книжки Самуила Эпштейна «Капитаны большого бизнеса»:

Элементы организации и планирования соседствуют с хаосом капиталистической анархии. Эта анархия усугубляется общим ростом нестабильности современного капитализма. Среда, в которой действует капиталистическое мероприятие, в важнейших своих аспектах становится все более непредсказуемой. Буржуазного управляющего выбивает из колеи неустойчивость не только экономическая, но также социальная и политическая. ... Этот элемент неопределенности в особенности характерен для решений на самом высоком уровне. В итоге, несмотря на растущее применение электронно-вычислительной техники и другие приемы научного управления, бизнес остается азартной игрой с чрезвычайно возросшими ставками³⁰.

Здесь не без умысла приводится отрывок из сугубо пропагандистской работы, фактически целиком написанной на идеологическом языке «авторитетного дискурса» (Алексей Юрчак)³¹. При этом он почти совпадает с тем, что говорит Глушков, которого сложно заподозрить в перформативной игре с этим дискурсом — жесткая критика рыночного анархизма является диагностически важной для всего его проекта в целом. Наверное, имеет смысл говорить, что даже после смерти Сталина авторитетный дискурс не просто воспроизводился, попутно легитимируя множество по-настоящему интересных занятий через описанные Юрчаком механизмы, но и был ставкой в реальной и серьезной идейной борьбе. О том, как такая борьба за метадискурс шла в позднесоветской историографии, подробно писал Тимур Агнашев. В статье «Михаил Гефтер, Павел Волобуев и другие мастера позднесоветского дискурса. Дополняя Алексея Юрчака» Агнашев пишет:

Я постараюсь на примере позднесоветской историографии показать, что как минимум в течение двадцати лет после смерти Сталина вокруг потенциально пустого места хозяина публичной речи шла активная интеллектуальная, публичная и административная борьба. Мне представляется, что для более адекватного и полного понимания как антропологических изменений постсталинского периода, так и перестройки важно дополнить оптику перформативного сдвига встречной интерпретацией, которая обращает внимание на значимость констатирующих актов и методологически исходит из логики языкового реализма и рационального дискурса...³²

По всей видимости, что-то похожее наблюдается и в случае с Глушковым. Меньше всего, конечно, его можно заподозрить в циническом

³⁰ Эпштейн С. Капитаны большого бизнеса: социальный портрет менеджера / С. Эпштейн. — М.: Политиздат, 1979. — С. 110, 112.

³¹ См. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. Согласно Юрчаку, после смерти Сталина никто из советских руководителей не решался творчески редактировать «авторитетный дискурс» (дискурс советской идеологии). Этот дискурс просто бесконечно воспроизводился: «повсеместное копирование и цитирование ... стандартных форм авторитетного дискурса превратилось в самоцель». При этом он подвергся перформативному сдвигу, который «открыл возможность для возникновения в советской повседневности огромного числа новых, неожиданных смыслов, способов существования, видов субъектности, форм социальности и типов общения».

³² Агнашев Т. Михаил Гефтер, Павел Волобуев и другие мастера позднесоветского дискурса. Дополняя Алексея Юрчака / Т. Агнашев // Неприкосновенный запас. — 2023. — № 2 (148). — С. 43–63.

двоемыслии и скрытом диссидентстве. Но и в схему, предложенную Алексеем Юрчаком, его публичная стратегия укладывается не слишком хорошо. Глушков не просто использовал перформативный сдвиг авторитетной речи для того, чтобы спокойно заниматься своим делом. Скорее, вполне разделяя ее фундаментальные принципы, он стремился к тому, чтобы отредактировать эту речь в, как ему казалось, необходимом кибернетическом ключе. Впрочем, этот сложный вопрос, безусловно, требует отдельного исследования – здесь нам было важно лишь указать на общий топос советской критики западного научного менеджмента.

Кибернетика и диалектика, аутопоэзис и негация

Если вернуться к историософским спекуляциям Глушкова, то обнаруживается, что за гладкой советской речью (не)скрывается ее радикальное содержание. Сами того не зная, большевики «суверенным» революционным жестом расчистили поле для подлинной революции — кибернетической:

Электронно-вычислительная техника — вот современное изобретение, которое позволяет перешагнуть через второй порог. Происходит исторический поворот по знаменитой спирали развития. Когда появится государственная автоматизированная система управления, мы будем легко охватывать единым взглядом всю экономику. На новом историческом этапе, с новой техникой, на новом возросшем уровне мы как бы проплываем над той точкой диалектической спирали, ниже которой, отдаленной от нас тысячелетиями, остался лежать период, когда свое натуральное хозяйство человек без труда обозревал невооруженным глазом. Люди начали с первобытного коммунизма. Большой виток спирали поднимает их к коммунизму научному³³.

Выражение «научный коммунизм» приобретает здесь явную двусмысленность – это не только раздел марксизма-ленинизма, «выясняющий две группы проблем: а) всемирно-исторической роли рабочего класса, условий и форм его классовой борьбы за победу социалистической революции; б) закономерностей путей и способов

³³ Моев В. Моев В. Бразды управления. Диалог с акад. В. М. Глушковым. Изд. 2-е, доп. / В. Моев. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1977. – С. 92.

построения социализма и коммунизма»³⁴. Это еще и технонаучный коммунизм в прямом смысле — установленный и «подключенный» учеными-кибернетиками в ответ на фазовый скачок информации. Но путь к такому киберкоммунизму прокладывался рискованным октябрьским восстанием 1917 года и кровавой гражданской войной, которую выиграли совсем неученые рабочие и крестьяне.

Глушков часто переходит с кибернетического способа мышления (и соответствующего языка) на диалектический, самым актом такого перехода устанавливая между ними отношения эквивалентности. В относительно недавно переведенной на русский язык работе «Расчет и страсть» немецкий литературовед Йозеф Фогль подробно анализирует то, что он называет «романтической экономикой». Следуя в своем анализе за гувернаментальными штудиями Мишеля Фуко, Фогль показывает, что в пронизанных диалектикой социальных концепциях немецких романтиков (Фихте, Новалиса/Гарденберга, Шеллинга, Адама Мюллера) впервые демонстрирует себя автономная и саморегулируемая экономическая система, избегающая как суверенного произвола, так и непрерывной полицейской регламентации. Так, у Новалиса экономика становится языком, на котором описываются другие системы, вернее — «экономическое мотивирует дистрибуцию дискурсов и их энциклопедическое переплетение, обеспечивающееся самореферентным удвоением...»³⁵. При этом описание систем у Новалиса квалифицируется Фоглем в качестве кибернетического. Речь идет о своего рода романтической диалектике органического аутопоэзиса, где «цели и средства, причины и действия взаимно определяют друг друга, и каждый продукт одновременно есть нечто продуцирующее и тем самым демонстрирует замкнутую на себя каузальность и аутопоэтическую организацию»³⁶. Примерно также — кибернетически — Фогль описывает и диалектику раннего Шеллинга³⁷.

³⁴ Основы научного коммунизма. Академия общественных наук при ЦК КПСС / П. Н. Федосеев (руковод.), Е. И. Бугаев, Ф. М. Бурлацкий [и др.]. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1967. – С. 4–5.

³⁵ Фогль Й. Расчет и страсть. Поэтика экономического человека / Й. Фогль. – М.: Издательство Института Гайдара; СПб.: Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2022. – С. 441.

³⁶ Там же. С. 483.

³⁷ Фогль кратко останавливается на натурфилософском тексте Шеллинга «О мировой душе».

В надиктованных перед самой смертью воспоминаниях Глушков говорит, что «перед десятым классом ... прочел “Историю философии” и “Натурфилософию” Гегеля». И далее — «В первые годы учебы (в Новочеркасском индустриальном институте. — И.К.) я стал известен как студент, знающий досконально все области математики, а также основные сочинения Гегеля и Ленина»³⁸. Как можно заметить, глушковская кибернетическая концепция менее всего напоминает беспроблемный органический аутопоэзис — акцент на разрыве, на работе негативности, на «суверенном» полюсе решения делает его нестандартное кибернетическое мышление близким (до известного предела) скорее именно гегелевской диалектике. У Гегеля — если вспомнить диалектику раба и господина в «Феноменологии духа» — суверенность всегда связана с экзистенциальным риском, с возможностью реальной гибели, со становлением радикальной субъективности как «чистой негацией своего предметного модуса»³⁹.

Конечно, тексты Глушкова — и сугубо научные, и научно-популярные — дают слишком мало собственно философского материала, чтобы выстроить серьезную генеалогию его спекулятивной мысли. Но обращение к диалектике — явно не просто дань официальной идеологии. Процесс перехода от родового строя к современности с ее вторым информационным порогом можно описать на языке кибернетики второго порядка, в терминах аутопоэзиса, а можно на диалектическом языке снятия — раздвоение единого на две противоположности (политику и экономику, иерархическую вертикаль и сетевую горизонталь) и их последующее снятие в новом единстве управленческой киберсети, у которой, впрочем, на качественно новом уровне опять появляются полюса «решения» и «авторегуляции». Но именно этот второй — диалектический — язык и позволяет сделать акцент на необходимости суверенного волевого вмешательства, причем двойного: сначала революционная расчистка поля для киберуправления (освобождение от слишком медленного капиталистического рынка и его политической инфраструктуры, отягощенных в случае

³⁸ Маленькие рассказы о больших ученых. Юбилейный сборник избранных публикаций Н. Амосова, С. Лебедева, В. Глушкова и воспоминаний современников / под ред. Б. Н. Малиновского. — Киев: Горбоец, 2013. — С. 169, 172.

³⁹ Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель. — СПб.: Наука, 1992. — 442 с. — С. 101. Более подробно о трансгрессивной суверенности у Гегеля в контексте европейской политической теологии см.: Ямпольский М. Физиология символического. Книга 1. Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима / М. Ямпольский. — М.: Новое литературное обозрение, 2004. — С. 658–662.

с Россией еще и феодальными пережитками), а затем – кибернетический рывок, также требующий, до поры до времени во всяком случае, «суверенной» поддержки. Не зря Глушков слыл знатоком и Гегеля, и Ленина. Понятно, что заверения в верности ленинской мысли и ленинскому делу — необходимый ритуал советской публичной речи практически во всех ее вариантах. Но в контексте затрагиваемых Глушковым тем цитируемая им фраза Ленина о том, что любая политика лучше политики колебаний, звучит совсем не ритуально.

Отвечая на вопрос Моева, как лучше вводить ОГАС — «круто» или «постепенно», Глушков вновь формулирует «децизионистское» решение проблемы:

Начинается с принципиального и радикального решения – быть посему! В нем очерчивается весь объем задуманной перестройки⁴⁰ и — что очень важно — полный срок, в течение которого она должна быть осуществлена. Это заставляет всех настроиться решительно, отбивает охоту ставить палки в колеса, кивая на разного рода трудности, шероховатости, встречающиеся по ходу дела. Когда программа защищена таким основополагающим решением (в этом “крутизна”!), все силы исполнителей направляются к последовательному (в этом “постепенность”!) достижению поставленной изначально цели и в намеченный срок. ... От ошибок, конечно, никто не застрахован. И все же кардинальное решение необходимо. Если в нем обнаружится впоследствии крупная ошибка, принципиальное решение должно быть изменено не потихоньку, а также решительно и открыто⁴¹.

Новая субъективность?

Бенджамин Питерс убедительно показал в своей книге, что предполагавшаяся внедрением ОГАС децентрализация советской экономики могла быть осуществлена только централизованно, а как раз централизация была, как это ни парадоксально, слабым местом советской системы, давно превратившейся в дерегулированный административный рынок. Стараясь играть по правилам этого рынка,

⁴⁰ Стоит отметить, что слово «перестройка» одно из наиболее часто встречающихся в «Браздах...». Напомним, что второе издание книги, которое здесь цитируется, вышло в 1977 году.

⁴¹ Моев В. Бразды управления. Диалог с акад. В. М. Глушковым. Изд. 2-е, доп. / В. Моев. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1977. – С. 175–176.

Глушков проиграл. Или его суверенный напор был слишком сильным, или, напротив, слишком слабым — в любом случае именно полюс «решения» оказался наиболее уязвимым. Речь в данном случае не идет о внешней оценке эффективности ОГАС — мы пытаемся реконструировать точку зрения самого Глушкова, а он в эффективности своей автоматизированной системы был абсолютно уверен. Но будучи уверенным в ОГАС, он заранее подозревал «человеческий фактор» в некоторой ненадежности. Рассказывая Моеву о самых разных функциях своей системы, он довольно подробно останавливается на воспитательном-дисциплинарной аспекте ее работы. Если бы ОГАС удалось запустить, то косвенно — буквально по Фуко, через управление средой — удалось бы запустить и производство новой не-либидинальной советской субъективности. Процесс бы тогда замкнулся, став по-настоящему аутопоэтическим, и нам пришлось бы столкнуться с целой серией парадоксов. Однако рассмотрение этих парадоксов требует дополнительного исследования и отдельного обстоятельного разговора. Но уже сейчас можно с уверенностью сказать, что археологические «раскопки» советских киберуправленческих проектов сулят множество находок, чье значение и для современной ситуации сложно переоценить.

Библиография

1. Грэхэм Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе / Л. Р. Грэхэм. — М.: Политиздат, 1991. — 480 с. — ISBN 5-250-00727-9.
2. Берг А. Кибернетику — на службу коммунизма / А. Берг // Возможное и невозможное в кибернетике. Сборник статей / под ред. академиков А. Берга и Э. Кольмана; составитель В. Д. Пекелис. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — 224 с.
3. Малиновский Б. История вычислительной техники в лицах / Б. Малиновский. — Киев: фирма «КИТ», ПТОО «А. С. К.», 1995. — 384 с. — SBN 5-7707-6131-8.
4. Малиновский Б. Н. Нет ничего дороже... / Б. Н. Малиновский. — К.: Горобець, 2005. — 336 с. — ISBN 966-8508-04-1.
5. Gerovitch S. From Newspeak to Cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics / S. Gerovitch. — Cambridge: Mit Press, 2002. — 369 p. — ISBN 0-262-07232-7.

6. Абрамов Р. Советские технократические мифологии как форма «теории упущенного шанса»: на примере истории кибернетики в СССР / Р. Абрамов // Социология науки и технологий. – 2017. – Том 8. № 2. – С. 61–78.

7. Peters B. How Not to Network a Nation: The Uneasy History of the Soviet Internet / B. Peters. – Cambridge: MIT Press, 2016. – 312 p. – ISBN 9780262534666.

8. Кобылин И. «Правда», «Время» и кибернетика: непростая история позднесоветских медиа / И. Кобылин // Новое литературное обозрение. – 2019. – № 4 (158). – С. 306–319.

9. Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2011. – 544 с. – ISBN 978-5-02-037115-6.

10. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2010. – 448 с. – ISBN 978-5-02-025439-8.

11. Дин М. Правительность: власть и правление в современных обществах / М. Дин. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. – 592 с. – ISBN 978-5-7749-1190-5.

12. Rindzeviciute E. The Power of Systems: How Policy Sciences Opened Up the Cold War World / E. Rindzeviciute. – Ithaca; London: Cornell University Press, 2016. – 306 p. – ISBN 9781501703188.

13. Rose N. Powers of Freedom: Reframing Political Thought / N. Rose. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 334 p. – ISBN 0521659051.

14. Конрадова Н. Археология русского интернета. Телепатия, телемосты и другие техноутопии холодной войны / Н. Конрадова. – М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2022. – 288 с. – ISBN: 978-5-17-136499-1.

15. Моголь Г. Записки Б. С. Безумцева, кандидата неких наук / Г. Моголь // Философия Э. В. Ильенкова и современность. Материалы XVIII Международной научной конференции «Ильенковские чтения». Белгород. 28–29 апреля 2016 г. / под общ. ред. А. Д. Майданского. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. – С. 10–15.

16. Агамбен Дж. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления / Дж. Агамбен. – М.: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. – 552 с. – ISBN 978-5-93255-521-7.

17. Рыклин М. Коммунизм как религия: Интеллектуалы и Октябрьская революция / М. Рыклин. – М.: Новое литературное обозрение,

2009. – 136 с. – ISBN 5867937240.

18. Маленькие рассказы о больших ученых. Юбилейный сборник избранных публикаций Н. Амосова, С. Лебедева, В. Глушкова и воспоминаний современников / под ред. Б. Н. Малиновского. – Киев: Горобец, 2013. – 400 с.

19. Моев В. Бразды управления. Диалог с акад. В. М. Глушковым. Изд. 2-е, доп. / В. Моев. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1977. – 254 с.

20. Берг А. Наука величайших возможностей / А. Берг // Природа. – 1962. – № 7. – С. 16–22.

21. Эпштейн С. Капитаны большого бизнеса: социальный портрет менеджера / С. Эпштейн. – М.: Политиздат, 1979. – 256 с.

22. Атнашев Т. Михаил Гефтер, Павел Волобуев и другие мастера позднесоветского дискурса. Дополняя Алексея Юрчака / Т. Атнашев // Неприкосновенный запас. – 2023. – № 2 (148). – С. 43–63.

23. Основы научного коммунизма. Академия общественных наук при ЦК КПСС / П. Н. Федосеев (руковод.), Е. И. Бугаев, Ф. М. Бурлацкий [и др.]. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1967. – 576 с.

24. Фогль Й. Расчет и страсть. Поэтика экономического человека / Й. Фогль. – М.: Издательство Института Гайдара; СПб.: Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2022. – 656 с. – ISBN. 9785932555828.

25. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 1992. – 442 с. – ISBN 5-02-028167-0.

26. Ямпольский М. Физиология символического. Книга 1. Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима / М. Ямпольский. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 800 с. – ISBN 5-86793-279-6.

Cybernetic decisionism of academician Glushkov

Igor Kobilin — associate professor of the Department of Theory and History of Humanitarian Knowledge at the Russian State University for the Humanities, lecturer of the Political Philosophy program at the Moscow School of Social and Economic Sciences, associate professor at PIMU; candidate of philosophical sciences; e-mail: kigor55@mail.ru.

Keywords: governmentality, cybernetics, decisionism, Soviet philosophy, political theology, autopoiesis, dialectical negation

The article analyzes the OGAS project led by academician Viktor Glushkov through the lens of Michel Foucault's theory of governmentality. Glushkov is often seen as a strict technocrat aiming to create an all-encompassing system of machine control, and his colleagues sometimes suspected him of focusing exclusively on technical regulation of socio-economic processes. However, this study reveals a more nuanced view. Glushkov's vision of cybernetic management involved not only a system of machine analytics but also a «sovereign» decision-making element. This dual-structured management model exhibits self-similarity, becoming a «sovereign» authority over the established economic administration system, where adherence to automated regulations and circulars in turn generates an informal «sovereign» excess. This fractal nature of the OGAS project is further reflected in Glushkov's historiosophical insights: by addressing the challenge of crossing the second information barrier, he illustrates how OGAS dialectically sublates the dualism between hierarchical politics and the commodity-money economy of the previous era, integrating their core aspects into a new unity of cyber-governmentality. Through this dialectical (Hegelian) approach, Glushkov underscores the necessity of sovereign, volitional intervention. At the same time, recognizing the vulnerability of this «sovereign» element, he proposed that a technically managed social environment could foster the emergence of a new form of subjectivity.

References

1. Graham L. R. Estestvoznanie, filosofiya i nauki o chelovecheskom povedenii v Sovetskom Soyuze [Science, Philosophy, and Human Behavior in the Soviet Union] / L. R. Graham. – Moscow: Politizdat, 1991. – 480 p. – ISBN 5-250-00727-9. (In Russian)
2. Berg A. Kibernetiku – na sluzhbu kommunizma [Cybernetics in the Service of Communism] / A. Berg // *Vozmozhnoe i nevozmozhnoe v kibernetike. Sbornik statey [Possible and Impossible in Cybernetics. Collection of Articles]* / Ed. by Academicians A. Berg and E. Kolman; Compiler V. D. Pekelis. – Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1963. – 224 p. (In Russian)
3. Malinovskiy B. Istoriya vychislitel'noy tekhniki v litsakh [The History of Computing in Personalities] / B. Malinovskiy. – Kyiv: Firma «KIT», PTOO «A. S. K.», 1995. – 384 p. – ISBN 5-7707-6131-8. (In Russian)
4. Malinovskiy B. N. Net nichego dorozhe... [There Is Nothing More Precious...] / B. N. Malinovskiy. – Kyiv: Gorobets, 2005. – 336 p. – ISBN 966-8508-04-1. (In Russian)
5. Gerovitch S. From Newspeak to Cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics / S. Gerovitch. – Cambridge: MIT Press, 2002. – 369 p. – ISBN 0-262-07232-7.
6. Abramov R. Sovetskiye tekhnokraticheskiye mifologii kak forma «teorii upushchennogo shansa»: na primere istorii kibernetiki v SSSR [Soviet Technocratic Mythologies as a Form of «Missed Opportunity Theory»: The Case of Cybernetics in the USSR] / R. Abramov // *Sociology of Science and Technology*. – 2017. – Vol. 8. No. 2. – P. 61–78. (In Russian)
7. Peters B. How Not to Network a Nation: The Uneasy History of the Soviet Internet / B. Peters. – Cambridge: MIT Press, 2016. – 312 p. – ISBN 9780262534666.
8. Kobylin I. «Pravda», «Vremya» i kibernetika: neprostaya istoriya pozdnesovetskikh media [«Truth», «Time», and Cybernetics: A Complex History of Late Soviet Media] / I. Kobylin // *New Literary Review*. – 2019. – No. 4 (158). – P. 306–319. (In Russian)
9. Foucault M. Bezopasnost', territoriya, naseleniye. Kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1977–1978 uchebnom godu [Security, Territory, Population: Lectures at the Collège de France, 1977–1978] / M. Foucault. – St. Petersburg: Nauka, 2011. – 544 p. – ISBN 978-5-02-037115-6. (In Russian)
10. Foucault M. Rozhdeniye biopolitiki. Kurs lektsiy, pročitannykh v

Kollezh de Frans v 1978–1979 uchebnom godu [The Birth of Biopolitics: Lectures at the Collège de France, 1978–1979] / M. Foucault. – St. Petersburg: Nauka, 2010. – 448 p. – ISBN 978-5-02-025439-8. (In Russian)

11. Dean M. Pravitelnos: vlast' i pravleniye v sovremennykh obshchestvakh [Governmentality: Power and Rule in Modern Societies] / M. Dean. – Moscow: Izdatel'skiy dom «Delo» RANHiGS, 2016. – 592 p. – ISBN 978-5-7749-1190-5. (In Russian)

12. Rindzeviciute E. The Power of Systems: How Policy Sciences Opened Up the Cold War World / E. Rindzeviciute. – Ithaca; London: Cornell University Press, 2016. – 306 p. – ISBN 9781501703188.

13. Rose N. Powers of Freedom: Reframing Political Thought / N. Rose. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 334 p. – ISBN 0521659051.

14. Konradova N. Arkheologiya russkogo interneta. Telepatiya, telemosty i drugie tekhnoutopii kholodnoy voyny [The Archaeology of the Russian Internet: Telepathy, Telebridges, and Other Techno-utopias of the Cold War] / N. Konradova. – Moscow: Izdatel'stvo AST: CORPUS, 2022. – 288 p. – ISBN 978-5-17-136499-1. (In Russian)

15. Mogol G. Zapiski B. S. Bezumtseva, kandidata nekiikh nauk [Notes of B. S. Bezumtsev, a Candidate of Certain Sciences] / G. Mogol // Filosofiya E. V. Il'enkova i sovremennost'. Materialy XVIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Il'enkovskiy chteniya». Belgorod. 28–29 aprelya 2016 g. [The Philosophy of E. V. Ilyenkov and Modernity. Materials of the XVIII International Scientific Conference «Ilyenkov Readings»]. – Belgorod: ID «Belgorod» NIU «BelGU», 2016. – P. 10–15. (In Russian)

16. Agamben G. Tsarstvo i Slava. K teologicheskoy geneologii ekonomiki i upravleniya [The Kingdom and the Glory: For a Theological Genealogy of Economy and Government] / G. Agamben. – Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara; Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg State University, 2018. – 552 p. – ISBN 978-5-93255-521-7. (In Russian)

17. Ryklin M. Kommunizm kak religiiia: Intellektualy i Oktiabrskaya revoliutsiia [Communism as Religion. The Intellectuals and the October Revolution] / M. Ryklin. – Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. – 136 p. – ISBN 5867937240. (In Russian)

18. Malen'kie rasskazy o bol'shikh uchenykh. Iubileyniy sbornik izbrannykh publikatsii N. Amosova, S. Lebedeva, V. Glushkova i vospominanii sovremennikov [Little Stories About Great Scientists: Anniversary Collection of Selected Publications by N. Amosov, S. Lebedev,

V. Glushkov, and Memories of Contemporaries] / B. N. Malinovskii (ed.) – Kyiv: Gorobets, 2013. – 400 p. (In Russian)

19. Moiev V. Brazdy upravleniia. Dialog s akad. V. M. Glushkovym. Izd. 2, dop. [The reins of power. Dialogue with Academician V.M. Glushkov. 2nd ed., revised] / V. Moiev. – Moscow: Politizdat, 1977. – 254 p. (In Russian)

20. Berg A. Nauka velichaiших возможностей [The Science of the Greatest Opportunities] / A. Berg // Nature. – 1962. – No. 7. – P. 16–22. (In Russian)

21. Epshtein S. Kapitany bol'shogo biznesa: sotsial'nyi portret menedzhera [Captains of Big Business: A Social Portrait of the Manager] / S. Epshtein. – Moscow: Politizdat, 1979. – 256 p. (In Russian)

22. Atnashev T. Mikhail Gefter, Pavel Volobuev i drugie mastera pozdnesovetskogo diskursa. Dopolniaia Alekseia Iurchaka [Mikhail Gefter, Pavel Volobuev, and Other Masters of Late Soviet Discourse. Supplementing Alexei Yurchak] / T. Atnashev // Neprikosnovennyi zapas [Emergency Ration]. – 2023. – No. 2 (148). – P. 43–63. (In Russian)

23. Osnovy nauchnogo kommunizma. Akademiia obshchestvennykh nauk pri TsK KPSS. Izd. 2. [Fundamentals of Scientific Communism. Academy of Social Sciences under the CPSU Central Committee. 2nd ed.] / P. N. Fedoseev (lead), E. I. Bugaev, F. M. Burlatskii [et al.]. – Moscow: Politizdat, 1967. – 576 p. (In Russian)

24. Vogl J. Raschet i strast'. Poëtika ekonomicheskogo cheloveka [Calculation and Passion: The Poetics of Economic Man] / J. Vogl. – Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara; St. Petersburg: Fakul'tet svobodnykh iskusstv i nauk SPbGU, 2022. – 656 p. – ISBN 9785932555828. (In Russian)

25. Hegel G. W. F. Fenomenologiya dukha [The Phenomenology of Spirit] / G. W. F. Hegel. – St. Petersburg: Nauka, 1992. – 442 p. – ISBN 5-02-028167-0. (In Russian)

26. Iampolskii M. Fiziologiya simvolicheskogo. Kniga 1. Vozvrashchenie Leviafana: Politicheskaiя teologiya, reprezentatsiia vlasti i konets Starogo rezhima [The Physiology of the Symbolic. Book 1. The Return of Leviathan: Political Theology, the Representation of Power, and the End of the Old Regime] / M. Iampolskii. – Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. – 800 p. – ISBN 5-86793-279-6. (In Russian)

Методы дискурсивного производства «нормального субъекта» и практики дестигматизации на примере самиздат-прессы гендерных диссидентов в 1989–1999 гг.

Анна Владимировна Головина — стажер-исследователь Центра прикладной истории Института общественных наук РАНХиГС, Москва, Россия; e-mail: golovina-av@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-0310-1128

Ключевые слова: дискурс, дискурсивные практики, нормализация, девяностые, гендерный режим, сексуально-гендерные диссиденты

В историографии девяностые годы часто рассматриваются как так называемый «переходный» или транзитный период, во время которого кардинальной трансформации подвергалась не только политико-экономическая сфера, но и дискурсивное пространство. Внутри него нормы, посредством власти-знания гегемонного дискурса, должны были смениться большим плюрализмом позиций в том числе и в сфере гендерных отношений, в частности, за счет более либерального отношения к теме сексуальности и телесности. Одним из ресурсов формирования нового дискурса, связанного с проблематикой гендера, стала самиздат-пресса, широко распространившаяся в 1990-е годы. Для представителей ранее маргинализованных сообществ, например, сексуально-гендерных диссидентов, такая пресса становилась пространством дискурсивного формирования новой не-маргинализованной идентичности и местом развития альтернативного дискурса. В статье представлены результаты анализа 115 экземпляров самиздат-прессы сексуально-гендерных диссидентов посредством дискурс-анализа Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф, а также критического дискурсивного анализа Нормана Фэркло. В результате анализа источника были определены узловые точки дискурса

подобной прессы, среди которых можно выделить такие точки, как: «гомосексуализм», «сообщество», «Запад», «уголовное преследование». Для каждой из точек были выделены ключевые знаки, а также понятия, касающиеся формирования идентичности и социальной группы. В статье приведены результаты по узловой точке «гомосексуальность», так как именно она стала основным дискурсивным пространством формирования альтернативного дискурса. Основным вывод заключается в том, что дестигматизация реализовывалась по типу нормализации в модели управления стигмой, в то время как аналогичное сообщество в США выстраивало собственную самоадвокацию в соответствии с стратегией дифференциации.

Благодарности: Миськовой Елене Вячеславовне и Архиповой Марьяне Николаевне за помощь и поддержку в работе с темой практик маргинализации сексуально-гендерных диссидентов в позднесоветское время и в 1990-е годы. А также владельцу частного архива, предоставившему источники для анализа.

НЕСМОТЯ НА ТО, НАСКОЛЬКО ЧАСТО термины «дискурс» и «дискурсивный» фигурируют в социальных науках, сформулировать единое определение для этого слова все еще вряд ли представляется возможным. Введенный в 1953 году постструктуралистом Зелигом Харрисом¹ «дискурс» продолжил свою жизнь внутри многих слов, а особенно широко известен стал после обращения на него прицельного внимания со стороны Мишеля Фуко. Для него дискурс выступал в качестве некой системы идей/знаний, которая могла существовать вне зависимости от конкретного субъекта говорения². Внутри него присутствуют практики, которые позволяют буквально создавать с помощью слов знание о реальности³, нормирующие наше представление о том, кто и что вообще может быть помыслено в качестве объекта или феномена, кто имеет возможность говорить, какими

¹ Скребцова Т. Г. Лингвистика дискурса: структура, семантика, прагматика. Курс лекций / Т. Г. Скребцова. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. – 312 с. – ISBN 978-5-907290-15-0.

² Stoddart M. C. J. Ideology, hegemony, discourse: A critical review of theories of knowledge and power / M. C. J. Stoddart // Social Thought & Research. – 2007. – No. 28. – P. 191–225. – <https://doi.org/10.17161/STR.1808.5226>.

³ Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик / В. В. Волков, О. В. Хархордин. – СПб.: Изд-во. Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. – 298 с. – ISBN 978-5-94380-078-8.

понятиями он может оперировать, каким образом проводить границу между ними⁴. Дискурсивные практики не существуют сами по себе, они тесно связаны с властью (так называемые власть-знание) и ее контролем над поведением и желаниями индивидов⁵. Так называемые серьезные речевые акты, впоследствии получившие название «гегемонных дискурсов» у Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф⁶, часто воспринимаются в обществе как «истина» и не подвергаются кардинальному пересмотру.

Однако гегемонные дискурсы все же главенствуют не всегда. Даже в ситуациях, когда длительное время один тип дискурса был господствующим, наступают исторические ситуации и периоды, способствующие возникновению дискурсивного плюрализма и выстраиванию контргегемонистских позиций. Сам Мишель Фуко утверждал, что любой гегемонный дискурс одновременно с тем, что он является механизмом власти, может стать и отправной точкой для формирования сопротивления противоположной стратегии⁷. Его идею впоследствии развила Джудит Батлер. Размышляя о воздействии гегемонного дискурса, она обратила внимание на то, что любое нахождение «под запретом» внутри гегемонных представлений позволяет обрести место субъекта, пусть даже и «запрещенного», из позиции которого может быть «артикулировано нечто вроде противодействующего дискурса», то есть дискурса, оппонирующего гегемонным и предлагающего альтернативные точки зрения⁸.

В недавней отечественной истории существует наглядный пример эпохи, в которой произошел кардинальный слом и перестройка дискурсивных практик, — так называемые девяностые. Часто они рассматриваются в качестве транзитного периода, наступившего после завершения существования авторитарного политического режима⁹, временем установления рыночной экономики, демократических

⁴ Там же.

⁵ Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. — М.: Касталь, 1996. — 448 с. — ISBN 5-85374-006-7.

⁶ Stoddart M. C. J. Ideology, hegemony, discourse: A critical review of theories of knowledge and power / M. C. J. Stoddart // *Social Thought & Research*. — 2007. — No. 28. — P. 191–225. — <https://doi.org/10.17161/STR.1808.5226>.

⁷ Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. — М.: Касталь, 1996. — 448 с. — ISBN 5-85374-006-7.

⁸ Батлер Дж. Имитация и гендерное неподчинение / Дж. Батлер // *Техника «косого взгляда»*. Критика гетеронормативного порядка / Градинари И. (сост.). — М.: Издательство Института Гайдара, 2015. — С. 77–119. — ISBN 5-91129-410-4.

институтов, политического плюрализма. Именно в это десятилетие произошло изменение и дискурсивного порядка, который еще в советское время успел стать источником поддержания господствующей идеологической парадигмы. Как отмечал Алексей Юрчак, падение Советского Союза привело к крушению сформировавшегося ранее авторитетного дискурса¹⁰, что создало пространство для критики и появления плюрализма мнений. Постсоветский дискурс 1990-х годов должен был стать местом для проявления альтернативных позиций, которые предлагали бы иные представления о «хорошем» и «плохом», «нормальном» и «ненормальном», ведь даже на государственном уровне ранее критикуемый западный путь развития, непредставимый в качестве образца для подражания, стал рассматриваться не только как желаемый, но и как обязательный для целого государства. В результате в 1990-е годы в дискурсе происходили многочисленные изменения оценок, позиций, распространяемого «экспертного мнения». И поэтому дискурс «девяностых» стал пространством, где субъекты, ранее лишенные права публичного говорения или обладавшие стигматизированной идентичностью, могли создать собственную дискурсивность, направленную в том числе на нормализацию своего статуса и обретения влияния.

Действительно уникальным статусом в позднесоветское и транзитное время обладали сексуально-гендерные диссиденты¹¹ — люди, обладавшие негетеросексуальной сексуальной ориентацией или сексуальным поведением и нецисгендерной гендерной идентичностью¹². Бывшие ранее маргинализированными советской властью,

⁹ Карл Т. Л. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) / Т. Л. Карл, Ф. Шмиттер // Полис. Полит. исслед. – 2004. – № 4. – С. 6–27. – <https://doi.org/10.17976/jpps/2004.04.02>.

¹⁰ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось / А. Юрчак. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 664 с. – ISBN 978-5-4448-0190-1.

¹¹ Термин «сексуально-гендерные диссиденты» используется наравне с термином «квир» в качестве зонтичного. Первое употребление термина встречается в пионерской работе историка Дана Хили «Гомосексуальное влечение в революционной России. Регулирование сексуально-гендерного диссидентства», кроме того, понятие встречается и в западной литературе в формулировке *sexualdissidence* в работах как о сексуальных перверсиях, так и о квир-повестке.

¹² 30 ноября 2023 года по решению Верховного суда РФ «Международное общественное движение ЛГБТ» было признано в Российской Федерации экстремистской организацией. Настоящий материал не содержит в себе призыва к участию в деятельности экстремистской организации, не является пропагандой отдельных взглядов, форм поведения, самоидентификации.

в 1990-е они получили возможность, с одной стороны, публично заявить о себе, а с другой — открыто противостоять маргинализации. В связи с этим для того, чтобы больше понять о столкновении ранее гегемонного и нового, альтернативного, дискурсов, а также проанализировать, как именно дискурсивная нормализация могла работать в постсоветское время, актуально проанализировать то, как сексуально-гендерные диссиденты создавали противоборствующий альтернативный дискурс и к каким стратегиям они прибегали для нормализации своей идентичности.

Чтобы достичь этого, было проведено исследование, цель которого состояла в выявлении и описании дискурсивных методов нормализации идентичности сексуально-гендерного диссидента, которые практиковались в самиздат-прессе этого сообщества в 1989–1999 годах. Источником для анализа стали материалы прессы, хранящейся в частном архиве, который включает в себя 100 отдельных изданий газет и журналов, а также многочисленные вырезки статей и заметок, датированных 1990–2000 годами. Источники были проанализированы с помощью метода критического дискурс-анализа Нормана Фэркло, что предполагало обращение внимания на то, как создаваемые гендерными диссидентами политические высказывания распространялись, создавались и потреблялись читателями прессы.

Ранее маргинализованные. Советский дискурс о сексуально-гендерных диссидентах

Еще в советское время те стратегии поведения, которые не соответствовали распространенным гендерным контрактам, то есть правилам взаимодействия прав и обязанностей, определяющих разделение труда по признаку пола в сферах производства и воспроизводства¹³, подвергались негативным социальным санкциям и воспринимались в качестве девиантных¹⁴. Все гендерные контракты, распространенные что в позднесоветское время, что в 1990-е годы, нормировали

¹³ Здравомыслова Е. А., Темкина, А. А. Государственное конструирование гендера в советском обществе / Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина // Журнал исследований социальной политики. – 2003. – № 1–3(4). – С. 299–321.

¹⁴ Темкина А. А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России / А. А. Темкина, А. Роткирх // Российский гендерный порядок: социологический подход / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. – СПб: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. – 169–200 с.

не только деятельность, но и форму чувствования: предполагали возникновение романтических отношений и сексуального влечения к лицам противоположного пола. Кроме того, без соответствия этому была невозможна полноценная реализация некоторых из них, например контракта «работающей матери», для которого женщина должна была иметь ребенка, а значит, точно иметь опыт гетеросексуальных отношений¹⁵. В связи с этим негетеросексуальная сексуальная ориентация автоматически становилась девиантной, а индивиды, имеющие ее, подвергались социальному исключению. Однако маргинализация негетеросексуальной ориентации, так же как и нецисгендерной идентичности, проистекала не только из их несоответствия господствующим гендерным контрактам, но и из ряда дискурсивных практик и нормативных ограничений.

В первую очередь добровольные однополые контакты между мужчинами преследовались в соответствии с уголовным законодательством в период с 1934 по 1993 год. В Российской империи первое прямое упоминание запрещения добровольных сексуальных контактов между мужчинами содержалось в Артикуле воинском Петра I¹⁶. Позднее эта норма была закреплена в статье 995 Уложения о наказаниях¹⁷. Но все изменилось с Февральской, а после — Октябрьской революций и установлением советской власти, обладающей своим, отличным от патриархального имперского, взглядом на сексуальность. В 1917 году царское законодательство было отменено, а вместе с ним — и статья 995. Однако уже в сентябре 1933 года заместитель председателя ОГПУ Г. Г. Ягода направил докладную записку И. В. Сталину, в которой сообщал о раскрытии «объединения педерастов» в Москве и в Ленинграде. Им вменялось в вину «создание сети салонов, очагов, притонов, групп и других организованных формирований педерастов, с дальнейшим превращением этих объединений в прямые шпионские ячейки»¹⁸. Эта докладная записка была прочитана И. В. Сталиным, который расценил угрозу как достаточную и утвердил

¹⁵ Здравомыслова Е. А., Темкина, А. А. Государственное конструирование гендера в советском обществе / Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина // Журнал исследований социальной политики. – 2003. – № 1–3(4). – С. 299–321.

¹⁶ Хили Д. Гомосексуальное влечение в революционной России / Д. Хили. – М.: Ладомир, 2008. – 620 с. – ISBN 978-5-86218-470-9.

¹⁷ Козловский В. Аргументы русской гомосексуальной субкультуры: материалы к изучению / В. Козловский. – Benson: Chalidze Publications, 1986. – 228 с.

¹⁸ Хили Д. Гомосексуальное влечение в революционной России / Д. Хили. – М.: Ладомир, 2008. – 620 с. – ISBN 978-5-86218-470-9.

возможность внесения изменений в законодательство. Уже 16 декабря 1933 года возник Проект Постановления Президиума ЦИК СССР, который предполагал введение наказания за добровольное мужеложество в виде заключения на срок до пяти лет, а в случае применения насилия — восьми лет. 7 марта 1934 года Постановление было обнародовано, и в скором времени соответствующая статья возникла в Уголовных кодексах союзных республик, в том числе РСФСР¹⁹.

Уголовная статья за добровольные однополюые контакты между мужчинами просуществовала с 1934 по 1993 год и была отменена лишь в «современной» России. В сумме по статье, по подсчетам Владимира Володина, было осуждено более 38 тысяч человек, большая часть из которых была приговорена на территории РСФСР²⁰. Определенная доля из этого списка приходилась на второй пункт статьи 121 УК, которая предполагала наказание за принуждение к совершению сексуального контакта, однако установить точное соотношение осужденных по различным пунктам не представляется в настоящий момент возможным из-за недоступности ряда данных. Негетеросексуальная ориентация подвергалась криминализации и освещалась в рамках криминализирующего дискурса, который понимал гомосексуальность в качестве преступления, которое было опасно для правопорядка, установленного в советском государстве.

Во-вторых, негетеросексуальная ориентация и нецигендерная идентичность освещались в рамках дискриминирующего медиализирующего дискурса. Еще в 1920-е годы одни психиатры стремились объяснить происхождение гомосексуальности через гормональные и психические аномалии, а другие настаивали на нормальности однополюого влечения²¹. В позднейшие годы медиализирующий дискурс продолжал распространяться. В 1960-е годы было опубликовано несколько книг о сексуальности, в которых гомосексуальность описывалась патологизирующим образом. Так, в одном из первых пособий, как сообщает Рустам Александер, в переводе книги восточногерманского специалиста Рудольфа Нойберта «Любовь и секс» однополюое влечение объяснялось или результатом совращения, или преступной деятельностью, или

¹⁹ Там же.

²⁰ Valodzin V. Criminal prosecution of homosexuals in the Soviet Union (1946-1991): numbers and discourses / V. Valodzin // EUI NEC: Working Paper. – 2020. – № 02. – 9-11 p.

²¹ Ролдугина И. «Почему мы такие люди?»: Раннесоветские гомосексуалы от первого лица: новые источники по истории гомосексуальных идентичностей в России / И. Ролдугина // Ab Imperio. – № 2. – С. 183–216.

ментальными проблемами²². А в 1970-е годы психиатр А. М. Свядош в работе «Женская сексопатология» описывал возможность «лечения» гомосексуальности с помощью психиатрических методов и медикаментозного лечения²³.

При этом нельзя сказать, что выделенный криминализирующий и патологизирующий дискурс конкурировали друг с другом в советском дискурсивном пространстве. Скорее они образовывали не противоречащий гегемонный экспертный дискурс, в котором «гомосексуализм» одновременно понимался в качестве и болезни, и опасного преступления.

Нецисгендерная гендерная идентичность, не вписывающаяся в гендерные контракты, также подлежала маргинализации. Но, в отличие от негетеросексуальной ориентации, такая идентичность чаще всего не подлежала освещению и умалчивалась, что делало ее скорее не существующей. В тех немногих случаях, когда о ней сообщалась какая-либо информация, она сообщалась в медиализирующем ключе в специализированной литературе. Можно сказать, что в таком случае гегемонная власть действовала не как актор производства знания, а, напротив, как то, что может ограничить и лимитировать распространение информации. Отсутствие упоминаний нецисгендерной идентичности приводило к возникновению дискурсивного вакуума и реализации не власти-знания, но власти-незнания — ситуации, в которой производство дискурса о субъекте, создание необходимого языка говорения и способов формулирования собственной идентичности оказывались табуированы или сильно усложнены. В таком случае именно производимое дискурсивное незнание становилось орудием власти и способом маргинализации. Как отмечает Джудит Батлер: «Области политической и языковой „репрезентации“ заранее устанавливают критерии, в соответствии с которыми формируются субъекты как таковые <...>. Другими словами, прежде чем репрезентация сможет быть распространена на кого-либо, этот „кто-то“ должен удовлетворить основному требованию — „быть субъектом“»²⁴. Следовательно, нецисгендерные персоны чаще, чем даже негетеросексуальные персоны, не имели языка для выражения и понимания себя, что лишало их субъектности.

²² Alexander R. *Regulating Homosexuality in Soviet Russia, 1956-1991* / R. Alexander. — Manchester: Manchester University Press, 2021. — 264 p. — ISBN 9781526155764.

²³ Там же.

²⁴ Батлер Дж. *Гендерное беспокойство. Антология гендерной теории* / Дж. Батлер. — Минск: Прописи, 2000. — 272 с. — ISBN 978-5-907183-47-6.

Частный архив²⁵ в городе Москве как источник данных по формированию альтернативного дискурса

Исследованный частный архив (далее и в списке источников — АЛГ) — индивидуальное собрание, включающее в себя так называемую квир-прессу (или квир-самиздат): научные, художественные издания, а также вырезки из газет и журналов, которые затрагивают тему негетеросексуальной ориентации или нецисгендерной идентичности. Идея для создания подобного собрания возникла еще в начале 1990-х годов, после того как его владелица решила восполнить существовавший в советское время дефицит информации о сообществе²⁶. Примерно в 1991–1992 годах в архиве стали появляться первые книги и статьи, а в 1995 году он на непродолжительное время стал частью правозащитной организации «Треугольник», учрежденной 4 мая 1995 года²⁷. Уже осенью основанное общество стало испытывать сложности с арендой помещения и финансированием²⁸, что привело к его закрытию в 1996 году²⁹. В 1997 году удалось получить частные пожертвования, на которые была снята однокомнатная квартира для размещения архива и библиотеки. Она стала открытой для посещения раз в неделю, по четвергам, для всех желающих — как для представителей сообщества, так и для журналистов, исследователей, интересующихся³⁰. В 2004 году собрание было перемещено на личную квартиру владелицы, на которой оно находилось после этого длительное время.

В настоящее время суммарно в архиве хранится более тысячи экземпляров книг, более 160 наименований квир-периодики постсоветского пространства и более 1800 вырезок и публикаций из общей прессы. Газеты и вырезки архива хранятся в коробках и папках, каждая из которых подписана названием тематического раздела. Книги

²⁵ Точное местоположение архива, а также личная информация о его владельце не разглашается по соображениям конфиденциальности коллекции.

²⁶ Батлер Дж. Гендерное беспокойство. Антология гендерной теории / Дж. Батлер. — Минск: Прописки, 2000. — 272 с. — ISBN 978-5-907183-47-6.

²⁷ АЛГ. (n.d.). Папка: Треугольник. Л. 1. Протокол № 1.

²⁸ Там же.

²⁹ АЛГ. (n.d.). Папка: Треугольник. Евгенийев, К. Конец Треугольника. 24 часа, 1, 41–42.

³⁰ Кирсанов В. Русские геи, лесбиянки и транссексуалы / В. Кирсанов. — Тверь: Kolonna Publications, 2005. — 584 с. — ISBN 978-5-902333-04-3.

разделяются тематически и расставляются в шкафах. В каталогах книги записываются в алфавитном порядке. Значительная часть материалов, особенно из второй и третьей категорий, оцифрована и систематизирована в виде папок.

Для достижения цели проведенного исследования была сформирована выборка квир-прессы, включавшая в себя около 200 экземпляров газеты, датированных периодом с 1990 по 1999 год. Эти издания не были каталогизированы в архиве ранее, поэтому в рамках подготовительного этапа исследования был составлен первый подробный каталог периодики, представленной в собрании. Итоговая выборка, которая была проанализирована для достижений целей исследования, включила в себя 115 выпусков из 24 изданий.

Методы дискурсивного производства «нормального субъекта»

Как уже говорилось ранее, сексуально-гендерные диссиденты стали использовать возможности дискурсивного плюрализма в 1990-е годы для того, чтобы противостоять маргинализации криминализирующего и медиализирующего дискурсов. Подобные действия попадают под определение «управления стигмой», которое становится особенно актуальным в ситуациях, когда стигма является «невидимой», то есть не очевидной для окружающих³¹. Признание в наличии стигматизированной идентичности получило название «модель процесса раскрытия» (disclosure processes model), включающую в себя такие этапы, как цели, раскрытие идентичности и реакция, медиация, последствия³². Исследователи также выделяют несколько стратегий, среди которых: сигнализирование о наличии стигмы, нормализация и дифференциация³³. Нормализация предполагает раскрытие идентичности с преуменьшением значения ее наличия для окружающих, а дифференциация, напротив, предполагает демонстрацию

³¹ Chaudoir S. R. The disclosure processes model: understanding disclosure decision making and post-disclosure outcomes among people living with a concealable stigmatized identity / S. R. Chaudoir, J. D. Fisher // *Psychological Bulletin*. – 2010. – No. 136 (2). – 236–256 p. – <https://doi.org/10.1037/a0018193>.

³² Там же.

³³ Clair J. A. (2005). Out of sight but not out of mind: Managing invisible social identities in the workplace / J. A. Clair, J. E. Beatty, T. L. Maclean // *Academy of Management Review*. – 2005. – No. 30(1). – 83–99 p. – <https://doi.org/10.5465/amr.2005.15281431>.

индивидом в первую очередь его отличности от окружающих и акцентирование внимания на этом³⁴.

Именно процесс раскрытия и дестигматизации своей идентичности и демонстрирует дискурс квир-прессы, выстраиваемый вокруг адвокации негетеросексуальной ориентации и нецисгендерной идентичности.

Ключевой точкой дискурса становилась *сама «гомосексуальность»*, для дестигматизации которой нужно было создать иное понимание в первую очередь причин появления и развития такого влечения. В советское время эта узловая точка определялась как «гомосексуализм» и описывалась как связанная с противоестественным развитием психики и «тлетворным» влиянием среды. Для иллюстрации этого можно обратиться к содержанию дискурса в Большой Советской Энциклопедии, служившей источником авторитетного экспертного дискурса:

Гомосексуализм (от Гомо... и лат. *sexus* — „пол“) — половое извращение, заключающееся в противоестественном влечении к лицам своего пола. Встречается у лиц обоего пола. В уголовном праве СССР, социалистических стран, а также некоторых буржуазных государств установлено наказание за Г.³⁵

Происхождение Г. связано с социально-бытовыми условиями. У подавляющего большинства лиц, предающихся Г., эти извращения прекращаются, как только субъект попадает в благоприятную социальную обстановку. Исключение составляют психопатические личности, умственно неполноценные и психически больные³⁶.

Такое обоснование возникновения негетеросексуальной ориентации приводило к стигматизации гомосексуальных и бисексуальных людей, которая лишь подкреплялась существованием ст. 121 УК РСФСР. Внутри квир-прессы узловая точка «гомосексуализм» вначале получила иное, нестигматизированное название — «гомосексуальность», а потом обрела связь с моментами, не присутствовавшими в дискурсе ранее.

Создавая альтернативный дискурс, квир-персоны использовали несколько дискурсивных стратегий для того, чтобы объяснить при-

³⁴ Там же.

³⁵ Гомосексуализм. (н.д.). В Большая Советская энциклопедия (3-е изд., Т. 7).

³⁶ Гомосексуализм. (1952). В *Большая Советская энциклопедия* (2-е изд., Т. 12). М.

МЕТОДЫ ДИСКУРСИВНОГО ПРОИЗВОДСТВА «НОРМАЛЬНОГО СУБЪЕКТА» И ПРАКТИКИ ДЕСТИГМАТИЗАЦИИ

чины возникновения и развития гомосексуальности и внедрить дискурс, не связывающий гомосексуальность с преступностью/болезнью. Эти альтернативные стратегии могут быть классифицированы следующим образом:

Биодетерминистская самоадвокация: моменты «генетика» («гены»), «семья».

Эссенциалистская самоадвокация: моменты «природа» («естественность», «законы гармонии», «тайное происхождение»), «неизменность» («отсутствие выбора»).

Самоадвокация через влияние окружения: моменты «семья», «травма», «воспитание», «страх противоположного пола».

Самоадвокация через нормальность: моменты «сексуальные нормы», «распространенность» (присутствие у многих), «историчность» (существование в разные периоды истории), «изменчивость».

Первые две стратегии предполагали обращение к основаниям, которые для упрощения анализа можно назвать в соответствии с существующими в гендерных исследованиях терминами «*биологическим*» и «*эссенциалистским*» (внеисторическим и универсальным³⁷)³⁸. Эти стратегии не были новаторством, появившемся в 1990-е годы. Напротив, еще в 1920-е годы советские психологи и психиатры старались объяснить возникновение гомосексуального влечения через влияние гормонов или генетики³⁹. Уже в 1973 году сексолог А. М. Свядош разработал теорию, объясняющую влияние мозговых центров на развитие «отклоняющейся» сексуальной ориентации⁴⁰. Однако в результате анализа установлено, что в 1990-е годы авторы заметок в квир-прессе не обращались к гормональным или когнитивным объяснениям, но рассуждали о генетической природе гомосексуальности:

³⁷ Здравомыслова Е. А. 12 лекций по гендерной социологии / Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина. – СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – 768 с. – ISBN 978-5-94380-196-9.

³⁸ Хайнс С. Может ли гендер меняться? / С. Хайнс. – М.: AdMaringem, 2019. – 144 с. – ISBN: 978-5-91103-483-2.

³⁹ Хили Д. Гомосексуальное влечение в революционной России / Д. Хили. – М.: Ладомир, 2008. – 620 с. – ISBN 978-5-86218-470-9.

⁴⁰ Там же.

«Все свершилось еще до рождения, на генетическом уровне <...>»⁴¹. Чаще, чем апелляция к конкретным факторам наследственности, встречается объяснение через «естественность» гомосексуальности, которая так или иначе заложена самой природой.

Артикулируемая таким образом в дискурсе эссенциалистская позиция существует в дискурсе адвокации квир-сообщества до сих пор, однако активно подвергается критике внутри как активистского, так и академического сообществ. Так, в статье Энн Филлипс «Что не так с эссенциализмом?» исследователь последовательно критикует четыре проявления эссенциалистских позиций, показывая их несостоятельность⁴². Однако эссенциалистское и биодетерминистское объяснения обладали большим значением для выстраивания самоадвокации сообщества в 1990-е годы, так как они позволяли сделать сексуальную ориентацию чем-то сходным с цветом кожи или леворукостью, то есть неизменной, а значит, так или иначе требующей принятия от окружающих, характеристикой. Иногда подобные аналогии проводились в дискурсе в буквальном смысле: «*Правда состоит в том, что мы выбираем нашу сексуальность не больше, чем цвет глаз или форму носа*»⁴³.

Исторически подобная точка зрения стояла у истоков стратегий адвокации квир-сообщества. Еще в 1890-е годы сексолог М. Хиршфельд выступал против 175-го параграфа Уголовного кодекса Германии, апеллируя к врожденности гомосексуального влечения⁴⁴. Сходной позиции придерживалось и основанное в начале XX века Британское общество изучения физиологии секса⁴⁵. Уже в 1950-е годы первые американские гомофильные организации, «Общество Маттачин» и «Дочери Билитис», как отмечает Аннамари Джагоз, «даже репрезентировали гомосексуалистов как больных людей, утверждая, что поскольку гомосексуальность есть врожденное качество, то гомосексуалисты заслуживают скорее жалости, чем преследования»⁴⁶. В результате в таком использовании эссенциализма и биологического детерминизма проявлялись его продуктивные свойства как

⁴¹ АЛГ. (1993). Папка: Гей-диалог. № 1. Хлопотова, О. Интервью с В. Климовым.

⁴² Phillips A. What's wrong with Essentialism? *Scandinavian Journal of Social Theory* / A. Phillips. – 2010. – No. 11(1). – 47–60 p. – <https://doi.org/10.1080/1600910X.2010.9672755>.

⁴³ АЛГ. (1992). Папка: Риск. № 10. Беллсторф, Т. Говоря правду, 10.

⁴⁴ Джагоз А. Введение в квир-теорию / А. Джагоз. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. – 208 с. – ISBN 978-5-88373-071-8.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

дискурсивной стратегии. Как отмечают Ник Хаслам и Шери Леви, эссенциализм помогал обеспечивать толерантность, но приводил к закреплению стереотипов⁴⁷. Более современные исследования показывают, что люди могут выборочно эссенциализировать противоречивые убеждения и чувства человека, чтобы сделать их более соответствующими собственной позиции справиться с внутренним противоречием⁴⁸. Некоторые исследователи установили, что убежденность в неизменности и биологической обоснованности гомосексуальности связана с более позитивным отношением к гомосексуальным мужчинам и женщинам⁴⁹.

При этом эссенциалистский и биодетерминистский дискурсы в 1990-е годы не были напрямую заимствованы из американского движения. Скорее они были сформированы самими сексуально-гендерными диссидентами на базе и уникального исторического опыта сообщества в Российской империи и РСФСР, и особенностей локального контекста: предшествующий медиализирующий взгляд на гомосексуальность, исследование о природе идентичности и сексуальности в 1920-е годы. По итогу подобный биодетерминистский и эссенциалистский дискурсы во многом были более привычны и знакомы рядовому читателю, который мог быть ранее осведомлен о психиатрическом понимании гомосексуальности как перверсии. Длительное время разговор о сексе в СССР существовал во многом лишь внутри медиализирующего дискурса сексопатологии, рассматривающего решение проблем с сексом как ключ к решению проблем внутри советской семьи⁵⁰. В связи с этим разговор о сексуальности в целом и о гомосексуальности в частности через биологические термины был ближе читателю,

⁴⁷ Haslam N. Essentialist beliefs about homosexuality: Structure and implications for prejudice / N. Haslam, S. Levy // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 2006. – № 32. – 471–485 p. – <https://doi.org/10.1177/0146167205276516>.

⁴⁸ Ryazanov A. The strategic value of essentialism / A. Ryazanov, N. J. S. Christenfeld // *Social and Personality Psychology Compass*. – 2018. – № 2 (1) – 1–15 p. – <https://doi.org/10.1111/spc3.12370>.

⁴⁹ Whitley B. E. The relationship of heterosexuals' attributions for the causes of homosexuality to attitudes toward lesbians and gay men / B. E. Whitley // *Personality and Social Psychology Bulletin* – 1990. – № 16. – 369–377 p. – <https://doi.org/10.1177/0146167290162016>; Herek G. M. Black heterosexuals' attitudes toward lesbians and gay men in the United States / G. M. Herek, J. P. Capitanio // *Journal of Sex Research*. – 1995. – No. 32. – 95–105 p. – <https://doi.org/10.1080/00224499509551780>.

⁵⁰ Alexander R. *Regulating Homosexuality in Soviet Russia, 1956-91* / R. Alexander. – Manchester: Manchester University Press, 2021. – 264 p. – ISBN 9781526155764.

чем заимствование более либерального дискурса, существовавшего в 1990-е годы в других странах.

Во время анализа эссенциалистского и биодетерминистского дискурсов было установлено, что основное их отличие от медиализирующего дискурса заключалось во взгляде на возможность «исправить» сексуальную ориентацию. Советские сексопатологи, что в 1960-е, что в 1970-е годы рассматривали гомосексуальность как изменяемое влечение⁵¹, в то время как авторы квир-прессы 1990-х делают из нее неизменное свойство, используя это для адвокации права сообщества на существование.

Также можно заметить, что используемая эссенциалистская и биодетерминистская стратегии отсылали и к психоаналитическому дискурсу, в котором также формулировалась идея о нормальности и естественности влечения как к людям своего, так и иного пола. В упрощенном виде эта идея транслировалась и в квир-прессе, иногда с прямой отсылкой к работам Зигмунда Фрейда:

Да, да, именно ему, любимому, благодаря Фрейду. Как вы помните, все люди по природе [природу] бисексуальны. И если кто-то из мужчин не успел открыть в себе нежность, значит, не пришло время, значит, не встретил он „его, того в толпе“⁵².

При этом рецепция психоаналитического дискурса в целях адвокации была достаточно фрагментарной и включала в себя заимствование идеи об изначальной бисексуальности людей, итоговое влечение которых определяется только во время индивидуального развития⁵³. Однако при этом игнорировалось развитие этой мысли самим З. Фрейдом, который считал гомоэротизм извращением и нарушением сексуального влечения, вызываемым различными психическими травмами⁵⁴. Воспроизведение этой части психоаналитического дискурса только укрепляло бы устоявшуюся медиализацию гомосексуальности, поэтому в целях нормализации однополого влечения, вероятно, рецепция психоаналитического дискурса происходила лишь в тех частях, где это работало на разрушение стигмы.

⁵¹ Там же.

⁵² АЛГ. (1997). Папка: Импульс. № 1. Лазаренко, В. Вернисаж, 10.

⁵³ Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности / З. Фрейд. – М.: АСТ, 2022. – 320 с. – ISBN: 978-5-17-133488-8.

⁵⁴ Кон Л. Лунный свет на заре: лики и маски однополой любви / Л. Кон. – М.: Олимп, 1998. – 496 с.

Еще одна стратегия выстраивалась на формировании убеждения у читателя *в нормальности гомосексуальной ориентации* и «нормальности» пар, создаваемых геями и лесбиянками. В последнем случае авторы материалов старались продемонстрировать, что союз между двумя мужчинами или женщинами ничем не отличается от таких же гетеросексуальных партнерств: *«Типичная геевская пара, живущая вместе, является точно такой же семьей, как и всякая другая женатая пара»*⁵⁵. Также нормальность негетеросексуального влечения объяснялась через пластичность и изменчивость самой сексуальности⁵⁶ или его полное соответствие универсальным сексуальным нормам⁵⁷. Эта стратегия уже была лишена прямого переноса ответственности с человека в его гомосексуальности на внешние факторы (природу, генетику, обстоятельства взросления и жизни). Однако ее суть заключалась в выстраивании параллели между гомосексуальными и «нормальными» людьми, которые фактически становились неким условным ориентиром, в соответствии с которым описывалась непатологичность и неопасность гомосексуального человека. Аналогичным способом уже упомянутые выше гомофильные организации старались также выстроить образ собственной нормальности, описывая себя как образцовых граждан, отличающихся лишь в своих «сексуальных предпочтениях»⁵⁸.

Практически не встречается стратегия адвокации, широко распространенная в квир-сообществе, например, в США к 1990-м годам. В ней ключевая апелляция происходит к либеральным ценностям, предоставляющим человеку широкую свободу для самоопределения. В освободительном гей-движении, получавшем все более широкое распространение после Стоунволлского бунта 1969 года, гомосексуальность рассматривалась как потенциально поддающаяся трансформации идентичность⁵⁹. В таком случае сексуальное поведение человека становилось в большей степени его личным выбором, а сами гомосексуальные люди уже не должны были соответствовать критериям «порядочного гражданина» для того, чтобы быть признанными⁶⁰. Однако

⁵⁵ АЛГ. (1993). Папка: Ты. № 2, 22.

⁵⁶ АЛГ. (1993). Папка: Гей, славяне, 19.

⁵⁷ АЛГ. (1992). Папка: Сибирский вариант. № 2.

⁵⁸ Джагоз А. Введение в квир-теорию / А. Джагоз. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. – 208 с. – ISBN 978-5-88373-071-8.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

в просмотренной российской квир-прессе 1990-х годов подобная точка зрения напрямую была высказана лишь единожды и, что интересно, не автором соответствующей научнообразной статьи, а респонденткой, опрошенной во время подготовки материала «Наши голоса»:

Для меня, конечно, [гомосексуальность —] свободный выбор.
Что ты можешь выбирать, с кем ты хочешь быть, с женщиной или с мужчиной, что у тебя, женщины, в центре жизни⁶¹.

В результате анализа можно заключить, что фактически выстраивание дискурса самоадвокации происходило по типу нормализации в модели управления стигмой, так как оно предполагало раскрытие информации о гомосексуальности как вариации «нормального» и «естественного»⁶². При этом в то же самое время квир-сообщество в США выстраивало собственную самоадвокацию в соответствии со стратегией дифференциации, то есть демонстрации в первую очередь отличности от окружающих и собственной уникальности⁶³. Так, Аннамари Джагоз отмечает, что «гей-либерационисты сформулировали и пропагандировали нарратив „каминг-аута“ („выхода“) <...> как мощное средство социальной трансформации», а некоторые бюллетени организаций носили такие заголовки, как «А ты горд тем, что ты гей?»⁶⁴. В постсоветской квир-прессе риторика возможной гордости за причастность к сообществу встречалась, однако чаще всего принимала форму обращения к историческому мифу о комьюнити и акцентировании внимания на своеобразной элитарности квир-персон. В проанализированной прессе можно встретить упоминание таких участников «воображаемого сообщества»⁶⁵, как Мартина Навратилова, София Парнок, Марина Цветаева, Надежда Дурова (Александр Александров), Василий Розанов, Жан Жене, Петр Ильич Чайковский, Михаил Лермонтов, Александр Пушкин, Петр I, Михаил Кузьмин, Евгений Харитонов, Фредди Меркьюри и другие. Такое воображаемое сообщество, с одной стороны, создавало ощущение причастности к комьюнити, включающему в себя в том числе

⁶¹ АЛГ. (1998). Папка: Лабрис. № 1. Наши голоса, 8.

⁶² Formby E. Exploring LGBT Spaces and Communities: Contrasting Identities, Belongings and Wellbeing / E. Formby. – New York: Routledge, 2017. – 228 p. – ISBN: 9781315747798.

⁶³ АЛГ. (1998). Папка: Лабрис. № 1. Наши голоса, 8.

⁶⁴ Джагоз А. Введение в квир-теорию / А. Джагоз. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. – 208 с. – ISBN 978-5-88373-071-8.

⁶⁵ Formby E. Exploring LGBT Spaces and Communities: Contrasting Identities, Belongings and Wellbeing / E. Formby. – New York: Routledge, 2017. – P.6.

выдающихся деятелей искусства, литературы или спорта⁶⁶. С другой стороны, упоминание признанных талантов в этих сферах работало и на нормализацию гомосексуальности, приведение примера «хороших» и «успешных» негетеросексуальных персон.

Однако призывы к манифестации собственной сексуальной ориентации или гендерной идентичности печатались значительно реже и включали в себя описание важности постепенной подготовки «каминг-аута» и безопасности этого шага для самого человека и его близких⁶⁷. Такое смещение акцента может быть объяснено тем, что в советской реальности раскрытие маргинализованной идентичности часто было связано с повышенными рисками, тем более для гомосексуальных мужчин, влечение которых преследовалось по Уголовному кодексу. Так, еще Франческа Стелла в монографии *Lesbian Lives in Soviet and Post-Soviet Russia* отмечает, что каминг-аут рассматривался как небезопасный и часто ненужный поступок, который мог поставить под угрозу их стабильную и предсказуемую жизнь⁶⁸. Некоторая невидимость, в котором существовало сообщество, выступала в каком-то смысле и гарантом большей свободы внутри «серого» пространства, спрятанного от надзора и власти, и общества. Возможно, некоторым наследием этого стремления стало использование в первую очередь стратегии дискурсивной нормализации, а не дифференциации, приводящей к большему противопоставлению социуму и более яркому вызову устоявшимся социальным нормам.

Можно заключить, что проанализированный альтернативный и нормализующий дискурс самиздат-прессы гендерных диссидентов обеспечивает представлением о процессе формирования новых дискурсивных стратегий в транзитный период, в том числе в отношении гендерного порядка. В соответствии с парадигмой посттранзитных исследований, можно заметить, что создаваемый гендерными диссидентами дискурс не воспроизводил существующие и теперь доступные им западноевропейские и американские аналоги. Напротив, дискурс представлял собой мозаику, составленную из многих элементов. Среди них были, к примеру, более адаптированные к локальному

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Clair J. A. Out of sight but not out of mind: Managing invisible social identities in the workplace / J. A. Clair, J. E. Beatty, T. L. Maclean // *Academy of Management Review*. – 2005. – No. 30 (1). – 83–99 p. – <https://doi.org/10.5465/amr.2005.15281431>.

⁶⁸ Stella F. *Lesbian Lives in Soviet and Post-Soviet Russia* / F. Stella. – New York: Palgrave Macmillan, 2015. – 189 p. – ISBN 978-1-137-32123-7.

контексту стратегии самоадвокации через нормализацию, биоде-терминистского или эссенциалистского толка, доступные читателю в том числе и через его взаимодействие с патологизирующим дискурсом психиатрии. Также элементом дискурса становились и практики, свойственные скорее советской эпохе: написание коллективных обращений к лидеру государства и представителям власти, положительное освещение В. И. Ленина и его деятельности. Другими компонентами этой мозаики были образцы, заимствованные с Запада, но иначе инкорпорированные в локальный контекст. Те альтернативные стратегии, которые вырабатывали авторы прессы, представленной в архиве, нельзя расценивать ни в качестве кардинального разрыва с советским прошлым, ни в качестве полной рецепции наработанных зарубежных образцов. Гендерные диссиденты создавали альтернативный дискурс по-своему, стараясь выработать стратегию дестигматизации и сформировать сообщество, которое представляло бы собой нечто иное, чем то, к чему они принадлежали раньше.

Возможно, мозаичный характер этого дискурса и его фрагментарность, так же как и негомогенность активистского сообщества издателей и слабость связей между отдельными авторами и издателями квир-прессы, привели к тому, что сформированный альтернативный дискурс самоадвокации не приобрел такого политического и, собственно, дискурсивного влияния, на которое рассчитывали активисты и члены комьюнити. Конечно, дополнительное негативное воздействие на потенциал альтернативного дискурса к нормализации идентичностей оказывали и исторические обстоятельства, и принимаемые государством решения. Но и сам дискурс, созданный в 1990-е годы, имел существенные ограничения и определенную уникальность, которая не позволяла стратегии управления стигмой стать действенным для всех членов сообщества инструментом.

Библиография

1. Скребцова Т. Г. Лингвистика дискурса: структура, семантика, прагматика. Курс лекций / Т. Г. Скребцова. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. – 312 с. – ISBN 978-5-907290-15-0.
2. Stoddart M. C. J. Ideology, hegemony, discourse: A critical review of theories of knowledge and power / M. C. J. Stoddart // *Social Thought & Research*. – 2007. – No. 28. – P. 191–225. – <https://doi.org/10.17161/STR.1808.5226>.

3. Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик / В. В. Волков, О. В. Хархордин. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. – 298 с. – ISBN 978-5-94380-078-8.

4. Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. – М.: Касталь, 1996. – 448 с. – ISBN 5-85374-006-7.

5. Батлер Дж. Имитация и гендерное неподчинение / Дж. Батлер // Техника «косого взгляда». Критика гетеронормативного порядка / Градинари И. (сост.). – М.: Издательство Института Гайдара, 2015. – С. 77–119. – ISBN 5-91129-410-4.

6. Карл Т. Л. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) / Т. Л. Карл, Ф. Шмиттер // Полис. Полит. исслед. – 2004. – № 4. – С. 6–27. – <https://doi.org/10.17976/jpps/2004.04.02>.

7. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / А. Юрчак. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 664 с. – ISBN 978-5-4448-0190-1.

8. Темкина А. А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России / А. А. Темкина, А. Роткирх // Российский гендерный порядок: социологический подход / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. – 169–200 с.

9. Здравомыслова Е. А., Темкина, А. А. Государственное конструирование гендера в советском обществе / Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина // Журнал исследований социальной политики. – 2003. – № 1–3(4). – С. 299–321.

10. Хили Д. Гомосексуальное влечение в революционной России / Д. Хили. – М.: Ладомир, 2008. – 620 с. – ISBN 978-5-86218-470-9.

11. Козловский В. Арго русской гомосексуальной субкультуры: материалы к изучению / В. Козловский. – Benson: Chalidze Publications, 1986. – 228 с.

12. Valodzin V. Criminal prosecution of homosexuals in the Soviet Union (1946-1991): numbers and discourses / V. Valodzin // EUI NEC: Working Paper. – 2020. – No. 02. – 9–11 p.

13. Ролдугина И. «Почему мы такие люди?»: Раннесоветские гомосексуалы от первого лица: новые источники по истории гомосексуальных идентичностей в России / И. Ролдугина // Ab Imperio. – № 2. – С. 183–216.

14. Alexander R. Regulating Homosexuality in Soviet Russia, 1956-1991

/ R. Alexander. – Manchester: Manchester University Press, 2021. – 264 p. – ISBN 9781526155764.

15. Батлер Дж. Гендерное беспокойство. Антология гендерной теории / Дж. Батлер. – Минск: Пропилеи, 2000. – 272 с. – ISBN 978-5-907183-47-6.

16. Violett C. Des Archives gay et lesbiennes à Moscou. – *Ex aequo*, 1999. – 25, 24.

17. АЛГ. (n.d.). Папка: Треугольник. Л. 1. Протокол № 1.

18. АЛГ. (n.d.). Папка: Треугольник. Евгеньев, К. Конец Треугольника. 24 часа, 1, 41-42.

19. Кирсанов В. Русские геи, лесбиянки и транссексуалы / В. Кирсанов. – Тверь: Kolonna Publications, 2005. – 584 с. – ISBN 978-5-902333-04-3.

20. Chaudoir S. R. The disclosure processes model: understanding disclosure decision making and post-disclosure outcomes among people living with a concealable stigmatized identity / S. R. Chaudoir, J. D. Fisher // *Psychological Bulletin*. – 2010. – No. 136 (2). – 236–256 p. – <https://doi.org/10.1037/a0018193>.

21. Clair J. A. Out of sight but not out of mind: Managing invisible social identities in the workplace / J. A. Clair, J. E. Beatty, T. L. Maclean // *Academy of Management Review*. – 2005. – No. 30 (1). – 83–99 p. – <https://doi.org/10.5465/amr.2005.15281431>.

22. Гомосексуализм. (н.д.). Большая Советская энциклопедия (3-е изд., Т. 7).

23. Гомосексуализм. (1952). Большая Советская энциклопедия (2-е изд., Т. 12).

24. Здравомыслова Е. А. 12 лекций по гендерной социологии / Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина. – СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – 768 с. – ISBN 978-5-94380-196-9.

25. Хайнс С. Может ли гендер меняться? / С. Хайнс. – М.: AdMaringem, 2019. – 144 с. – ISBN: 978-5-91103-483-2.

26. АЛГ. (1993). Папка: Гей-диалог. № 1. Хлопотова, О. Интервью с В. Климовым.

27. Phillips A. What's wrong with Essentialism? *Scandinavian Journal of Social Theory* / A. Phillips. – 2010. – No. 11(1). – 47–60 p. – <https://doi.org/10.1080/1600910X.2010.9672755>.

28. АЛГ. (1992). Папка: Риск. № 10. Беллсторф, Т. Говоря правду, 10.

29. Джагоз А. Введение в квир-теорию / А. Джагоз. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. – 208 с. – ISBN 978-5-88373-071-8.

30. Haslam N. Essentialist beliefs about homosexuality: Structure and implications for prejudice / N. Haslam, S. Levy // *Personality and*

Social Psychology Bulletin. – 2006. – № 32. – 471–485 p. – <https://doi.org/10.1177/0146167205276516>.

31. Ryazanov A. The strategic value of essentialism / A. Ryazanov, N. J. S. Christenfeld // Social and Personality Psychology Compass. – 2018. – № 2 (1) – 1–15 p. – <https://doi.org/10.1111/spc3.12370>.

32. Whitley B. E. The relationship of heterosexuals' attributions for the causes of homosexuality to attitudes toward lesbians and gay men / B. E. Whitley // Personality and Social Psychology Bulletin – 1990. – № 16. – 369–377 p. – <https://doi.org/10.1177/0146167290162016>.

33. Herek G. M. Black heterosexuals' attitudes toward lesbians and gay men in the United States / G. M. Herek, J. P. Capitanio // Journal of Sex Research. – 1995. – No. 32. – 95–105 p. – <https://doi.org/10.1080/00224499509551780>.

34. АЛГ. (1997). Папка: Импульс. № 1. Лазаренко, В. Вернисаж, 10.

35. Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности / З. Фрейд. – М.: АСТ, 2022. – 320 с. – ISBN: 978-5-17-133488-8.

36. Кон Л. Лунный свет на заре: лики и маски однополой любви / Л. Кон. – М.: Олимп, 1998. – 496 с.

37. АЛГ. (1993). Папка: Ты. № 2, 22.

38. АЛГ. (1993). Папка: Гей, славяне, 19.

39. АЛГ. (1992). Папка: Сибирский вариант. № 2.

40. АЛГ. (1998). Папка: Лабрис. № 1. Наши голоса, 8.

41. Formby E. Exploring LGBT Spaces and Communities: Contrasting Identities, Belongings and Wellbeing / E. Formby. – New York: Routledge, 2017. – 228 p. – ISBN: 9781315747798.

42. АЛГ. (1994). Папка: Пробуждение. № 10. Например, выход из подполья, 3-9.

43. Stella F. Lesbian Lives in Soviet and Post-Soviet Russia / F. Stella. – New York: Palgrave Macmillan, 2015. – 189 p. – ISBN 978-1-137-32123-7.

Бауман З. Ретроопия. М.: ВЦИОМ, 2019.

Methods of discursive production of the «normal subject» and practices of destigmatization using the example of samizdat press of gender dissidents in 1989–1999

A. V. Golovina — Research Intern, Center for Applied History, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), e-mail: golovina-av@ranepa.ru,

ORCID: 0000-0002-0310-1128

Key words: discourse, discursive practices, normalization, the nineties, gender regime, sexual and gender dissidents

In historiography, the nineties are often viewed as the so-called «transitional» or transit period, during which not only the political and economic sphere, but also the discursive space underwent a radical transformation. Within it, norms, through the power-knowledge of the hegemonic discourse, had to be replaced by a greater pluralism of positions, including in the sphere of gender relations, for example, due to a more liberal attitude to the topic of sexuality and corporality. One of the resources for the formation of a new discourse related to gender issues was the samizdat press, which became widespread in the 1990s. For representatives of previously marginalized communities, for example, sexual and gender dissidents, such a press became a space for the discursive formation of a new, non-marginalized identity and a place for the development of an alternative discourse. The article presents the results of the analysis of 115 copies of samizdat press of sexual and gender dissidents using the discourse analysis of Laclau and Mouffe, as well as the critical discourse analysis of N. Fairclough. As a result of the source analysis, the nodal points of the discourse of such press were determined, among which the following points can be distinguished: «homosexuality», «community», «West», «criminal prosecution». For each of the points, key signs were identified, as well as concepts related

to the formation of identity and social group. The article presents the results for the nodal point «homosexuality», since it became the main discursive space for the formation of an alternative discourse. The main conclusion is that destigmatization was implemented according to the type of normalization in the stigma management model, while a similar community in the United States built its own self-advocacy in accordance with the differentiation strategy.

Acknowledgments: Elena Miskova and Maryana Arkhipova for their help and support in working with the topic of practices of marginalization of sexual and gender dissidents in the late Soviet period and in the 1990s. And also to the owner of a private Archive who provided sources for analysis.

References

1. Skrebtsova T. G. *Lingvistika diskursa: struktura, semantika, pragmatika. Kurs lekcij [Discourse linguistics: structure, semantics, pragmatics. Course of lectures]* / T. G. Skrebtsova. – Moscow: Izdatel'skij dom YASK, 2020. – 312 p. – ISBN 978-5-907290-15-0. (In Russian)
2. Stoddart M. C. J. *Ideology, hegemony, discourse: A critical review of theories of knowledge and power* / M. C. J. Stoddart // *Social Thought & Research*. – 2007. – No. 28. – P. 191–225. – <https://doi.org/10.17161/STR.1808.5226>.
3. Volkov V. V., Kharkhordin O. V. *Teoriya praktik [Theory of Practices]* / V. V. Volkov, O. V. Kharkhordin. – St. Petersburg: Izdatel'stvo evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2008. – 298 p. – ISBN 978-5-94380-078-8. (In Russian)
4. Foucault M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti [Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality. Works of Various Years]* / M. Foucault. – Moscow: Kastal', 1996. – 448 p. – ISBN 5-85374-006-7. (In Russian)
5. Butler J. *Imitatsiya i gendernoe nepodchinenie [Imitation and gender noncompliance]* / J. Butler // *Tekhnika «kosogo vzglyada». Kritika geteronormativnogo poryadka [The technique of «oblique gaze». Criticism of the heteronormative order]* / I. Gradinari (ed.). – Moscow: Izdatel'stvo instituta Gaidara, 2015. – P. 77–119. – ISBN 5-91129-410-4. (In Russian)
6. Karl T. L., Schmitter F. *Demokratiizatsiya: kontsepty, postulaty, gipotezy (Razmyshleniya po povodu primenimosti tranzitologicheskoy*

paradigmy pri izuchenii postkommunisticheskikh transformatsiy) [Democratization: Concepts, Postulates, Hypotheses (Reflections on the Applicability of the Transitological Paradigm in Studying Post-Communist Transformations)] / T. L. Karl, F. Schmitter // *Polis. Political Studies*. – 2004. – No 4. – P. 6–27. – <https://doi.org/10.17976/jpps/2004.04.02>. (In Russian)

7. Yurchak A. Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie [Everything Was Forever, Until It Was No More. The last Soviet generation] / A. Yurchak. – Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. – 664 p. – ISBN 978-5-4448-0190-1. (In Russian)

8. Temkina A. A., Rotkirch A. Sovetskie gendernye kontrakty i ikh transformatsiya v sovremennoi Rossii [Soviet Gender Contracts and Their Transformation in Contemporary Russia] / A. A. Temkina, A. Rotkirch // *Russian Gender Order: A Sociological Approach* / E. Zravomyslova, A. Temkina (eds.). – St. Petersburg: Izdat-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2007. – P. 169–200. (In Russian)

9. Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. Gosudarstvennoe konstruirovaniye gendera v sovetskom obshchestve [State Construction of Gender in Soviet Society] / E. A. Zdravomyslova, A. A. Temkina // *The Journal of Social Policy Studies*. – 2003. – No. 1–3 (4). – P. 299–321. (In Russian)

10. Healy D. Gomoseksual'noe vlachenie v revolyutsionnoi Rossii [Homosexual Desire in Revolutionary Russia] / D. Healy. – Moscow: Ladomir, 2008. – 620 p. – ISBN 978-5-86218-470-9. (In Russian)

11. Kozlovskii V. Argo russkoi gomoseksual'noi subkul'tury: materialy k izucheniu [Argot of the Russian Homosexual Subculture: Materials for Study] / V. Kozlovskii. – Benson: Chalidze Publications, 1986. – 228 p. (In Russian)

12. Valodzin V. Criminal prosecution of homosexuals in the Soviet Union (1946-1991): numbers and discourses / V. Valodzin // *EUI HEC: Working Paper*. – 2020. – No. 02. – 9–11 p.

13. Roldugina I. «Pochemu my takie lyudi?»: Rannesovetskie gomoseksualy ot pervogo litsa: novye istochniki po istorii gomoseksual'nykh identichnostei v Rossii [«Why Are We Like This?»: Early Soviet Homosexuals in the First Person: New Sources on the History of Homosexual Identities in Russia] / I. Roldugina // *Ab Imperio*. – No. 2. – P. 183–216. (In Russian)

14. Alexander R. Regulating Homosexuality in Soviet Russia, 1956–1991 / R. Alexander. – Manchester: Manchester University Press, 2021. – 264 p. – ISBN 9781526155764.

15. Butler J. Gendernoe bespokoistvo. Antologiya gendernoi teorii

[Gender trouble. Feminism and the subversion of identity] / J. Butler. – Minsk: Propilei, 2000. – 272 p. – ISBN 978-5-907183-47-6. (In Russian)

16. Violett C. Des Archives Gay et lesbiennes à Moscou. – *Ex aequo*, 1999. – 25, 24.

17. ALG. (n.d.). Папка: Треугольник. Л. 1. Протокол No. 1. (In Russian)

18. ALG. (n.d.). Папка: Треугольник. Evgen'ev, K. Konets Treugol'nika. 24 chasa, 1, 41–42. (In Russian)

19. Kirsanov V. Russkie gei, lesbianki i transseksualy [Russian Gay, Lesbian and Transsexuals] / V. Kirsanov. – Tver': Kolonna Publications, 2005. – 584 p. – ISBN 978-5-902333-04-3. (In Russian)

20. Chaudoir S. R. The disclosure processes model: understanding disclosure decision making and post-disclosure outcomes among people living with a concealable stigmatized identity / S. R. Chaudoir, J. D. Fisher // *Psychological Bulletin*. – 2010. – No. 136 (2). – 236–256 p. – <https://doi.org/10.1037/a0018193>.

21. Clair J. A. Out of sight but not out of mind: Managing invisible social identities in the workplace / J. A. Clair, J. E. Beatty, T. L. Maclean // *Academy of Management Review*. – 2005. – No. 30 (1). – P. 83–99. – <https://doi.org/10.5465/amr.2005.15281431>.

22. Gomoseksualizm [Homosexuality]. (n.d.). Bol'shaya Sovetskaya entsiklopediya (3-e izd., T. 7) [Great Soviet Encyclopedia (3rd ed., Vol. 7)]. (In Russian)

23. Gomoseksualizm [Homosexuality]. (1952). Bol'shaya Sovetskaya entsiklopediya (2-e izd., T. 12) [Great Soviet Encyclopedia (2nd ed., Vol. 12)]. (In Russian)

24. Zdravomyslova E. A. 12 lektsii po gendernoi sotsiologii [12 Lectures on Gender Sociology] / E. A. Zdravomyslova, A. A. Temkina. – St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2015. – 768 p. – ISBN 978-5-94380-196-9. (In Russian)

25. Haines S. Mozhet li gender meniat'sya? [Can Gender Change?] / S. Haines. – Moscow: AdMaringem, 2019. – 144 p. – ISBN 978-5-91103-483-2. (In Russian)

26. ALG. (1993). Folder: Gay Dialogue. № 1. Khlopotova, O. Interview with V. Klimov.

27. Phillips A. What's wrong with Essentialism? *Scandinavian Journal of Social Theory* / A. Phillips. – 2010. – No. 11(1). – 47–60 p. – <https://doi.org/10.1080/1600910X.2010.9672755>.

28. ALG. (1992). Folder: Risk. No. 10. Bellstorff, T. Speaking the Truth, P. 10.

29. Dzhagoz A. Vvedenie v kvir-teoriyu [Introduction to Queer Theory] / A. Dzhagoz. – Moscow: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2008. – 208 p. – ISBN 978-5-88373-071-8. (In Russian)
30. Haslam N. Essentialist beliefs about homosexuality: Structure and implications for prejudice / N. Haslam, S. Levy // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 2006. – No. 32. – P. 471–485. – <https://doi.org/10.1177/0146167205276516>. (In Russian)
31. Ryazanov A. The strategic value of essentialism / A. Ryazanov, N. J. S. Christenfeld // *Social and Personality Psychology Compass*. – 2018. – No. 2 (1). – P. 1–15. – <https://doi.org/10.1111/spc3.12370>.
32. Whitley B. E. The relationship of heterosexuals' attributions for the causes of homosexuality to attitudes toward lesbians and gay men / B. E. Whitley // *Personality and Social Psychology Bulletin* – 1990. – № 16. – 369–377 p. – <https://doi.org/10.1177/0146167290162016>.
33. Herek G. M. Black heterosexuals' attitudes toward lesbians and gay men in the United States / G. M. Herek, J. P. Capitanio // *Journal of Sex Research*. – 1995. – No. 32. – 95–105 p. – <https://doi.org/10.1080/00224499509551780>.
34. ALG. (1997). Folder: Impulse. – № 1. – Lazarenko, V. Vernissage. – P. 10. (In Russian)
35. Freud Z. Tri ocherka po teorii seksual'nosti [Three Essays on the Theory of Sexuality] / Z. Freud. – Moscow: AST, 2022. – 320 p. – ISBN 978-5-17-133488-8. (In Russian)
36. Kon L. Lunnyi svet na zare: liki i maski odnopoloj lyubvi [Moonlight at Dawn: Faces and Masks of Same-Sex Love] / L. Kon. – Moscow: Olimp, 1998. – 496 p. (In Russian)
37. ALG. (1993). Folder: You. № 2, P. 22. (In Russian)
38. ALG. (1993). Folder: Gay, Slavs, P. 19. (In Russian)
39. ALG. (1992). Folder: Siberian Variant. № 2. (In Russian)
40. ALG. (1998). Folder: Labris. № 1. Our Voices, P. 8. (In Russian)
41. Formby E. Exploring LGBT Spaces and Communities: Contrasting Identities, Belongings and Wellbeing / E. Formby. – New York: Routledge, 2017. – 228 p. – ISBN: 9781315747798.
42. ALG. (1994). Folder: Awakening. № 10. For Example, Coming Out of the Underground, P. 3–9. (In Russian)
43. Stella F. Lesbian Lives in Soviet and Post-Soviet Russia / F. Stella. – New York: Palgrave Macmillan, 2015. – 189 p. – ISBN 978-1-137-32123-7.

Пси-функция по-советски: субституты психоанализа в позднем СССР

Роман Владимирович Мамин — магистр, факультет гуманитарных и социальных наук, Университет Пари Сите; Париж, Франция; email: roman.mamin@etu.u-paris.fr

ORCID: 0009-0005-1772-531X

Ключевые слова: психоанализ, пси-функция, советская история, фрейдизм, критические исследования психоанализа

В статье рассматривается возможность применения концепта «пси-функции» Мишеля Фуко для анализа позднесоветских психотерапевтических теорий и практик. В рамках критического подхода автор исследует появление альтернатив психоанализу на фоне его официального запрета в СССР, обращаясь к понятию «пси-функции», которое традиционно используется для описания дисциплинарной роли психологических практик в западных обществах и их связи с «дискурсом истины». Утверждается, что в СССР получили развитие другие теории, такие как «школа установки» Узнадзе и «патогенетическая психотерапия» Мясищева: эти подходы, основанные на физиологических и социально-психологических трактовках психики, не признавали психоанализ, но в некоторых аспектах предлагали аналогичные механизмы объяснения человеческой субъективности. Уникальность исследования заключается в применении концепта «пси-функции» к советскому контексту. Автор анализирует три ключевые советские теории — школу установки, каузальный анализ и патогенетическую психотерапию, демонстрируя, как в них находили свое выражение идеи о бессознательном и стремление свести проблемы субъекта к семейному диспозитиву. Таким образом, в статье подчеркивается парадоксальная роль психоанализа в СССР: официально отвергнутый, он тем не менее оставался актуальным через теории, внешне не связанные с фрейдизмом. Автор предлагает пересмотреть восприятие постсоветского психологического пространства

и утверждает, что благодаря позднесоветским пси-теориям общество и эксперты были готовы воспринять практики западных психологических экспертиз, что и предсказывал британский социолог Николас Роуз в начале 1990-х годов. Статья подготовлена при поддержке стипендиальной программы SMARTS-UP.

СИБИЛЛА ЛАКАН, СТАРШАЯ ДОЧЬ ЖАКА ЛАКАНА, в своих мемуарах, посвященных фигуре отца, вспоминала, что в 1960-е годы культурная жизнь Парижа была насквозь пропитана психоанализом¹. Поэтому неудивительно, что примерно в это же время ряд французских исследователей и философов обратили свое внимание, с одной стороны, на эпистемологическое устройство психоаналитической теории, а с другой — на социальный аспект психоаналитической практики². В стороне не остался и Мишель Фуко, который в 1973–1974 годах в стенах Коллеж де Франс прочел курс лекций «Психиатрическая власть». В отличие от более ранней работы «История безумия в классическую эпоху» (1961), в ходе этого лекционного курса Фуко сосредоточился на отношениях власти, прошивающих пространство психиатрической лечебницы³. И хотя из этого следует, что основное внимание философа было обращено на психиатрию, Фуко критически рассматривал и психоаналитический проект Зигмунда Фрейда. Так, французский философ предложил новый концепт для работы с совокупностью «дисциплинарных субститутов семьи», понимая под этим «не только дискурс, но и институт, и самого психологического индивида», формирующегося на излете XIX века. Эту совокупность дисциплинарных диспозитивов, отсылающих к семье, Фуко назвал «пси-функцией»⁴. И если в нее был включен конгломерат дисциплин — психиатрия, психокриминология, психотерапия, психопатология и т. д., — то за психоанализом философ признавал статус «дискурса истины», который теория Фрейда приобрела с середины XX века⁵.

¹ Lacan S. Un père, puzzle / S. Lacan. – Paris: Gallimard, 1994. – P. 67.

² См., напр.: Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с. – ISBN: 978-5-9757-0192-3; Castel R. Le psychanalisme / R. Castel. – Paris: Francois Maspero, 1973. – 281 p.

³ Фуко М. Психиатрическая власть: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебному году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2007. – 450 с. – ISBN 978-5-02-026920-0.

⁴ Там же. С. 105.

⁵ Там же. С. 107.

Фуко лишь очертил проблематику пси-функции и затронул ряд актуальных вопросов, связанных с изучением пси-дисциплин, оставив последователям не стройную теорию, а лишь определенные методологические ориентиры. Так «пси-функция», а вместе с ней и иные «пси»-концепты, стали частью аналитического инструментария исследователей, заинтересованных в критических исследованиях психотерапии и психоанализа. Этот критический пафос изначально был направлен на западные общества, в то время как Советский Союз воображался местом, где Иван Павлов с его идеями о физиологических рефlekсах — несовместимыми, на первый взгляд, с либеральными пси-практиками и теориями — занимал место Фрейда, предлагая иные формы субъективности. Иначе говоря, если во Франции дискурсом истины являлся психоанализ, то павловская физиология якобы функционировала в этом же качестве в советской науке — и, шире, в обществе — предлагая исчерпывающую модель для описания, объяснения и конструирования модели психики человека. Исходя из этой перспективы британский социолог Николас Роуз, наблюдавший по ту сторону границы за крушением советского проекта, в 1992 году предсказывал распространение в странах Восточной Европы психологической экспертизы, которая на тот момент уже в течение пятидесяти лет являлась неотъемлемым инструментом в формировании капиталистического «self»⁶. Этот комментарий Роуза выглядит симптоматичным, поскольку он отказывает пси-функции в существовании в каком-либо качестве в советской науке и обществе.

В действительности же психоанализ, фактически запрещенный в СССР в 1930-е годы, не исчез вместе с критикой Фрейда: его идеи маскировались, перерабатывались и, вместе с тем, использовались на практике. На примере трех позднесоветских теорий — школы установки, каузального анализа Абрама Моисеевича Свядоща и психогенетической психотерапии Владимира Николаевича Мяснищева — я предлагаю рассмотреть некоторые субституты психоанализа, выполняющие (по крайней мере потенциально) в позднесоветском обществе ту же функцию, что и психоанализ — в западных. Перед этим будут сделаны подготовительные шаги: во-первых, описаны динамичные и противоречивые взаимоотношения Фуко и фрейдизма, а во-вторых, изложено развитие идей философа в работах его последователей.

⁶ Rose N. Engineering the Human Soul: Analyzing Psychological Expertise / N. Rose // Science in Context. – 1992. – Vol. 5. No 2. – P. 351.

Использовать и критиковать

Для описания интеллектуальных отношений Мишеля Фуко и Зигмунда Фрейда принято заимствовать из психоаналитического языка термин «амбивалентность»⁷. Это связано с тем, что на протяжении всей жизни Фуко пересматривал свое отношение к психоанализу. Если в «Словах и вещах» (1966) французский интеллектуал еще благосклонно относился к мысли Фрейда, видя в сочленении структуралистской этнографии и психоанализа возможный эпистемологический прорыв⁸, то в первом томе «Истории сексуальности» (1976) Фуко — в унисон «Анти-Эдипу» (1972) — уже обвинял Фрейда в сведении субъекта к семейной модели⁹.

Эта изменчивость в интерпретации стала причиной многочисленных споров и попыток непротиворечивого объединения фуколядианского и фрейдистского подходов. Так, например, Жак Деррида настаивал на том, что Фуко, несмотря на всю высказанную критику, находился под глубоким влиянием психоаналитической теории, что отразилось на его подходе. Джудит Батлер определила свои методологические позиции как находящиеся где-то между психоанализом и фуколядианством. В то же время Хьюберт Дрейфус настаивал на категорической невозможности интеллектуального скрещения этих двух подходов¹⁰. Как бы то ни было, психоанализ несколько раз попадал в мишень критического анализа Фуко.

В «Психиатрической власти» философ установил, что логика дисциплинарных диспозитивов в течение XIX века все интенсивнее отсылала к семье¹¹. Иначе говоря, пси-функция «связывала недисциплинируемый характер индивида с отсутствием, бессилием семьи»¹². В свете этого психиатрия как дисциплина и практика была сведена к ряду процедур, главной задачей которых являлась «рефамилизация»

⁷ Kelly M. Foucault on Psychoanalysis: Missed Encounter or Gordian Knot? / M. Kelly // Foucault Studies. – 2020. – No 28. – P. 96.

⁸ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб.: A-cad, 1994. – 408 с. – ISBN: 5-85962-021-7.

⁹ Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. – М.: Касталь, 1996. – 448 с. – ISBN 5-85374-006-7.

¹⁰ Kelly M. Foucault on Psychoanalysis: Missed Encounter or Gordian Knot? / M. Kelly // Foucault Studies. – 2020. – No 28. – P. 96–119.

¹¹ Фуко М. Психиатрическая власть: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебному году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2007. – С. 105–107.

¹² Там же.

индивида — возвращение субъекта в семейный порядок. Власть такого рода, по мысли Фуко, проникла во многие институты современности — в школу, тюрьму, на фабрику, в армию, где формировались специфические ответвления психологии (психопедагогика, криминология, психология труда и т. д.)¹³. Продолжая рассуждать в рамках этой же парадигмы, Фуко без какого-либо удивления отмечал, что психоанализ — «самый семейный из всех психологических дискурсов», основания которого покоятся на трагедии Эдипа — начиная с середины XX века функционирует «как дискурс истины», претендующий на анализ всего общества, а не только отдельно взятого субъекта в кушетке¹⁴.

Во многом изначально мыслимый как «контр-психиатрический» проект, психоанализ в итоге обнаружил в себе признаки психиатрической власти, которые выделил Фуко: «закон власти другого, особый статус речи врача, закон идентичности, обязательность анамнеза, стремление вытравить безумное желание, составляющее реальность безумия, проблема денег и т. д.»¹⁵. Врач — субъективность которого теоретизируется Фрейдом с помощью концептов «перенос» и «контрперенос» — не лишается своей власти, но наделяется правом на интерпретацию всего сказанного пациентом, впрочем, как и несказанного. Таким образом, психоанализ, если верить Фуко, представляет собой не альтернативу, а лишь один из элементов психиатрической власти и пси-функции.

Идеи французского философа о пси-функции, прошивающей институты модерности, а также об особой роли психоанализа впоследствии развивались исследователями, в фокусе внимания которых оказывалось устройство пси-знания и пси-практик в современных западных обществах. Так, британский социолог Николас Роуз связывал становление неолиберальной правительности с распространением психологической экспертности, которая, по мнению Роуза, делает характеристики индивида пригодными для вычисления, утверждает приоритет автономности и свободы, организует легкоуправляемые интересубъективные пространства¹⁶, и, наконец, предоставляет

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, С. 222.

¹⁶ Для Роуза влияние психологической экспертизы не заканчивается на индивидуализации субъекта, одновременно с этим пси-функция пронизывает «коллективное существование» (будь это рабочий коллектив или школьный класс), делая его исчисляемым с помощью инструментов измерения общественного мнения или психодинамической психологии масс.

правительствам этико-терапевтические обоснования для их действий¹⁷. Роузовский анализ пси-функции во многом продолжает линию Фуко, смещая, однако, акцент на современный режим правительственности и актуальные способы субъективации индивидов. В этом контексте приведенные в начале статьи слова об ожидаемых изменениях в восточноевропейских обществах маркируют разрыв, указывая на то, что, по мнению Роуза, пси-техники и пси-теории не оказывали значительного влияния на советскую, а также, в более широком смысле, на социалистическую модерность.

Из иной перспективы подходит к проблеме британский психолог Иан Паркер, который ввел концепт «дискурсивный комплекс» для исследования места теории Фрейда в современной культуре. Согласно Паркеру, психоанализ, с одной стороны, предоставляет дискурсивный ресурс для организации субъективности, а с другой — сам претендует на описание и анализ современного субъекта. Такая двусторонняя конфигурация дискурсивного комплекса работает на манер самоисполняющегося пророчества: психоанализ так глубоко пророс в современность, что его логика определяет устройство социального, делая возможной их психоаналитическую же интерпретацию¹⁸. Таким образом, психоаналитическая теория имеет признаки классической идеологии: она приводит к эссенциализации основных пси-понятий (таких как «бессознательное», «комплекс жертвы», «невроз» или «избегающий тип привязанности») и практик, скрывая контекст их появления и историю развития, а также придавая мета-характер психоаналитическому высказыванию.

Как уже было сказано, Мишель Фуко, Николас Роуз и Иан Паркер в своем критическом пафосе сосредотачиваются преимущественно на западных обществах, в то время как русскоязычные социальные исследователи постепенно начинают фиксировать и анализировать схожие пси-изменения в постсоциалистических контекстах¹⁹. Предполагается, что распад Советского Союза и коммунистического блока привел к трансферу неолиберальных западных моделей на «Восток»,

¹⁷ Rose N. Engineering the Human Soul: Analyzing Psychological Expertise / N. Rose // *Science in Context*. – 1992. – Vol. 5. No 2. – P. 351–369.

¹⁸ Parker I. Discourse Analysis and Psychoanalysis / I. Parker // *British Journal of Social Psychology*. – 1997. – Vol. 36. – No 4. – P. 479–495.

¹⁹ См., напр.: Лернер Ю. Теле-терапия без психологии, или как адаптируют Self на постсоветском телеэкране / Ю. Лернер // *Laboratorium*. – 2011. – № 1. – С. 116–137; Ты хочешь поговорить об этом? Новая психологическая культура в постсоветской Беларуси и Украине / Т. Щитцова (сост.). – Вильнюс: ЕГУ, 2014. – 358 с. – ISBN 978-9955-773-78-8.

однако более тщательный взгляд на позднесоветскую историю, где для психоанализа — запрещенного по идеологическим причинам — нашлись «социалистические» альтернативы, поможет нюансировать наши представления о становлении психологического субъекта на постсоветском пространстве.

(Не)советский психоанализ

В 1968 году в издательстве «Медицина» тиражом в десять тысяч экземпляров вышла монография «Проблема бессознательного (О неосознаваемых формах высшей нервной деятельности)» за авторством Филиппа Вениаминовича Бассина (1904–1992), известного советского нейрофизиолога и психолога. В этой монографии Бассин предложил «советское» понимание бессознательного: не отрицая существования этой «формы мозговой деятельности», ученый посвятил целую главу своей книги критике психоаналитических трактовок бессознательного. В списке приведенных обвинений значились идеализм, биологизация и, главное, ненаучность фрейдистских теорий²⁰.

Действительно, специфика взглядов Бассина на бессознательное определяется, прежде всего, возможностью экспериментальной проверки его существования и количественной оценки индивидуальных особенностей у субъекта. Предлагая такую позитивистскую трактовку, физиолог ссылаясь на работу Дмитрия Николаевича Узнадзе (1886–1950), грузинского психолога и основателя так называемой «школы установки». Для описания «досознательной ступени психического развития» Узнадзе ввел термин «установка» — «предшествующая сознанию ступень развития психики»²¹. Установку он также определял как «целостное состояние», которое «предваряет появление определенных фактов сознания или предшествует им». Существование установок грузинский психолог доказывал экспериментально: например, он раздавал участникам своего эксперимента шары разного веса и просил их указать на руку, в которой находился более тяжелый мяч. После этого он предлагал испытуемым шары одинакового веса, однако они продолжали указывать на ту же руку, где ранее находился более тяжелый мяч. Таким образом, установка Узнадзе возникает в условиях «воздействия ситуации, в которой

²⁰ Бассин Ф. В. Проблема бессознательного: о неосознаваемых формах высшей нервной деятельности) / Ф. Бассин. — М.: Изд-во «Медицина», 1968. — С. 94-97.

²¹ Узнадзе Д. Н. Психология установки / Д. Узнадзе. — СПб.: Питер, 2001. — С. 11.

человеку приходится ставить и разрешать задачи», и поскольку «в основе отдельных актов поведения» субъекта лежит установка, то иногда она предшествует сознательному или определяет его (также, как она определяет ответ участников эксперимента). Уровню установки Узнадзе противопоставлял уровень объективации, где человек задействует активную психическую деятельность — волю и мышление. Узнадзе соглашался с тем, «что бессознательное действительно существует у нас, но это бессознательное не что иное, как установка субъекта»²².

Бассин продолжал теоретические изыскания школы установки, при этом активно «экспортируя» советское бессознательное. Так, ученый вступал в полемику с западными психоаналитиками и психологами (эти дискуссии отражены в текстовом приложении к монографии 1968 года), его работы были переведены на основные европейские языки, а в 1979 году Бассин выступил в качестве одного из организаторов Тбилисского симпозиума по проблеме бессознательного, участие в котором приняли пси-специалисты и философы из Франции, США, ФРГ и других стран капиталистического и социалистического блоков.

При этом важно отметить, что среди участников «школы установки» не было монолитного консенсуса. Бассин представлял, скорее, крайне физиологическое крыло этого направления в советской психологической науке, по другую сторону находился грузинский философ Аполлон Епифанович Шерозия (1927–1981), который обогащал позитивистскую теорию установки авторской антропологией, чем-то напоминающей одновременно феноменологию и лакановский психоанализ²³.

Школа установки была активна в течение 1960-1980-х годов, в основном в Москве и Тбилиси, однако после смерти основных участников она сохранилась, скорее, как реликт в истории отечественной психологии. Тем не менее сам концепт перекочевал в другие дисциплины, в первую очередь — в позднесоветскую криминологию, в рамках которой эксперты пытались описать и выявить так называемую установку преступника. Если же мы будем рассматривать школу установки в качестве элемента особой (поздне)советской пси-функции, которая сформировалась не благодаря заимствованию

²² Там же. С. 61.

²³ Шерозия А. Е. Психика, сознание, бессознательное: к обобщенной теории психологии. / А. Е. Шерозия. – Тбилиси: Мецниереба, 1979. – 172 с.

психоаналитических элементов, а, скорее, в результате их отрицания, мы не найдем в ней семейной трагедии: ни Эдип, ни Электра не волновали Узнадзе, Бассина, Шерозия других исследователей. Вместе с тем в этих попытках экспериментально и математически подойти к вопросу о бессознательном, описать и объяснить его, просматривается аргумент Роуза о вычисляемом субъекте, а в «установке», которая до сих пор используется в «бытовой» и популярной психологии для объяснения человеческого поведения, — тот самый дискурсивный комплекс Паркера.

В неоднородном ландшафте позднесоветской психологии и психиатрии были теории и практики, более очевидно адаптировавшие Фрейда к развитому социализму. Так, психотерапевт Абрам Моисеевич Свядоц (1914–1999) на протяжении 1960-х и 1970-х годов разработывал авторский метод лечения неврозов, который получил название «каузальная психотерапия». Вот как ее суть объясняется самим автором: «При этом методе путем длительных бесед с больным, сбора анамнестических сведений в бодрственном или гипнотическом состоянии, иногда анализа сновидений и свободных ассоциаций выявляются те реальные (не инфантильно-сексуальные) психотравмирующие переживания, которые привели к возникновению невроза и которые больному следует осознать»²⁴. Вполне понятно желание психотерапевта оградиться от «инфантильно-сексуальных» интерпретаций, что как бы должно было отличать его подход от психоанализа. Тем не менее истории болезни, иллюстрирующие применение каузальной психотерапии, связаны именно с семейными и сексуальными проблемами: «Больной Х., 28 лет, однажды, спускаясь утром по лестнице, чтобы пойти на работу, вдруг остановился, так как появилась мысль, не осталась ли дверь открытой. Вернулся, проверил — дверь была плотно закрыта. С этого времени его стало преследовать навязчивое сомнение: “Не осталась ли дверь открытой?”. При уходе Х. из дому дверь закрывалась женой на засовы, задвижки, замки и тем не менее он помногу раз в день, оставив работу, вынужден был возвращаться домой, чтобы проверить, не осталась ли дверь открытой. [...] Больной женат вторично. Первую жену очень любил, прожил с ней около 2 лет. К концу этого периода стал очень вспыльчивым, раздражительным, ворчливым. Отношения с женой стали ухудшаться. Однажды, придя домой, он нашел дверь в квартиру

²⁴ Свядоц А. М. Психоанализ и каузальная терапия / А. М. Свядоц // Вопросы психиатрии, психотерапии, сексологии. – Караганда: [б.и.], 1967. – С. 105.

открытой и на столе — записку от жены, в которой она сообщала, что ушла от него к другому. Он очень болезненно пережил это, просил ее вернуться, но она была непреклонна. Через 1 ½ года женился вторично. Брак оказался удачным. Прожили вместе около 2 лет»²⁵. А так сам Свядоц комментировал навязчивое желание больного: «В действительности же боязнь, что дверь осталась открытой, связана с переживаниями больного. Она означает в скрытой, завуалированной форме боязнь ухода второй жены. Когда ухудшились отношения с первой женой, однажды, придя домой, больной застал дверь открытой и тогда узнал, что жена его бросила. Возникла связь между представлением об открытой двери и ухода жены. Теперь, когда стали ухудшаться отношения со второй женой, появился страх потерять ее. Однако мысль о том, что вторая жена может уйти, оказалась столь тягостной, что она была подавлена, вытеснена, не нашла достаточного отражения в сознании, осталась неосознанной и прорвалась в скрытой символической форме — в виде боязни застать дверь открытой»²⁶.

Второй случай произошел с девятнадцатилетней студенткой, которая после замужества столкнулась с приступами тревоги и рвоты. Свядоц также добился выздоровления с помощью беседы: «В течение трех бесед с больной [...] установить генезис этой рвоты не удалось. Во время четвертой беседы ей предлагалось спокойно, сидя в кресле, вспоминать и говорить все, что ей придет в голову без всякого отбора. Больная долго говорила и вдруг на момент умолкла и слегка покраснела [...] После повторной просьбы больная сообщила, что в возрасте 8 лет однажды случайно увидела отвратительную сексуальную сцену между сестрой и ее женихом. Это ее сильно потрясло и вскоре вызвало рвоту. “Теперь я понимаю [...] когда мой жених меня обнимает, целует, это видимо напоминает мне о тех событиях и поэтому вызывает рвоту. Но он у меня хороший!” Наступило полное выздоровление»²⁷. В отличие от теории установки каузальная психотерапия возвращала семейную драму в основание субъективных переживаний, что сближало ее с устройством западной пси-функции. Таким образом, в самой основе практики, предложенной Свядоцем, лежала базовая психоаналитическая процедура, но в то же

²⁵ Свядоц А. М. Неврозы и их лечение / А. М. Свядоц. – М.: Изд-во Медицина, 1971. – С. 118.

²⁶ Там же. С. 119.

²⁷ Там же. С. 345.

время излечение достигалось в совершенно рекордные сроки и без оплаты со стороны пациента, что, без сомнений, отражает «социалистическую» природу каузальной терапии.

Метод Свядоща оставался нишевым в контексте позднесоветских пси-практик и пси-теорий: он использовался только для лечения отдельных случаев неврозов. Однако сам психотерапевт признавался, что в своих разработках опирался на патогенетическую психотерапию — последний советский субститут психоанализа, о котором пойдет речь в этой статье.

Патогенетическая психотерапия как способ излечения психических заболеваний была разработана психиатром и психотерапевтом Владимиром Николаевичем Мясичевым (1893–1973), занимавшим должность директора Ленинградского научно-исследовательского института им. В. М. Бехтерева с 1939 по 1973 год. Опираясь на психологию отношений, то есть понимая психику человека как продукт отношений субъекта с внешним миром, Мясичев утверждал что суть психотерапевтического метода заключается во «взаимодействии лечащего врача с больным, имеющее целью устранить болезненные расстройства путем перестройки отношений больного к тем или иным трудностям жизни, являющимся источником психогенной декомпенсации»²⁸. Патогенетическая психотерапия стремилась преодолеть излишнюю биологизацию советской психиатрии и психологии, поэтому была чувствительна к социальным условиям, в которых формировался невроз. Тем не менее, из всех представленных концепций именно психотерапия Мясичева наиболее тяготела к «семейности»: «Редкость их объясняется тем, что всякий невротик с антагонистической установкой в отношении к окружающему легко подпадает под отрицательное влияние, кроме того, семья, из которой происходит невротик, обычно неорганизована в смысле воспитания нервных детей и конфликтная ситуация осложняется педагогической, а часто и социальной запущенностью ребенка»²⁹.

Пси-дискурс, вырабатываемый Мясичевым, приобрел еще больше семейных отсылок благодаря Андрею Евгеньевичу Личко, его ученику и последователю патогенетической теории. Личко разработал собственную классификацию личностей, заимствовав у Мясичева идею о ситуативности психологической травмы. Так Личко

²⁸ Мясичев В. Н. Личности и неврозы / В. Н. Мясичев. – Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1960. – С. 14.

²⁹ Там же. С. 64.

удалось выделить различные акцентуации характера — типы личности, которые выделяются на основе «мест наименьшего сопротивления», где наиболее вероятна невротическая реакция. Свою классификацию Личко применял в первую очередь в работе с детьми и подростками а контексте проблемам непослушания, бродяжничества, алкоголизма и других форм девиантности³⁰. Патогенетическая психотерапия, усиленная классификацией Личко, обещала не только объяснение причин нежелательного поведения советских подростков, но и нормализацию или, иными словами, «семейную реадaptацию». В патогенетической психотерапии мы таким образом обнаруживаем множество сходств с капиталистической пси-функцией: семью как объясняющую модель и вместе с тем как дисциплинирующий элемент; вычислимость субъекта и возможность его классификации на основе измерения психологических признаков; наконец, автономность субъекта по отношению к обществу, в котором ему необходимо адаптироваться. Вероятно, именно поэтому польский психолог Стефан Ледер (1919–2003) называл метод Мясищева «советским психоанализом»³¹. С этим определением можно согласиться, сделав поправку на деисторизацию субъекта — иными словами, отказ видеть причину любого невроза в детской травме и последующей фиксации на ней, что характерно для патогенетической теории.

Пси-функция, которую Мишель Фуко разглядел не только в современном ему французском обществе, но и в истории XIX века, в Советском Союзе обнаруживала себя в иных формах и форматах. Если фрейдизм был дискурсом истины в капиталистических обществах, то в СССР он оставался дискурсом маргинальным и вытесняемым, но при этом парадоксально присутствующим: будь то критические заявления исследователей школы установки, частичная переработка и адаптация к контексту в рамках каузальной психотерапии или замена концептуального аппарата при сохранении некоторых логических пресуппозиций, как в случае с патогенетической психотерапией. Так элементы психоанализа — и, шире, пси-функции — с его повышенным вниманием к семье, автономности субъекта и исповедальному

³⁰ Личко А. Е. Психопатии и акцентуации личности / А. Е. Личко. — М.: Изд-во Медицина, 1983. — 256 с.

³¹ Александров А. А. Интегративная психотерапия / А. А. Александров. — СПб.: Питер, 2009. — С. 74.

монологу и, конечно, с акцентированием на роли бессознательного в человеческой психике, проявлялись в пси-теориях и пси-практиках позднего социализма. Каузальная терапия Свядоща предлагала страдающему субъекту, в личной истории которого терапевт должен был разглядеть травму, пространство для исповеди; теория установки предполагала возможность экспериментального изучения и, главное, коррекции бессознательного; патогенетическая психотерапия обещала советскому субъекту реинтеграцию в семью и общество.

Это влияние и/или сходство с пси-функцией, «обнаруженной» в капиталистических и неолиберальных обществах, однако, не следует переоценивать: и теория установки, и патогенетическая психотерапия, и каузальный анализ в СССР оставались преимущественно в тени других, более популярных способов концептуализации человеческой психики, основанных в первую очередь на механистической физиологии Павлова. Тем не менее их существование — а главное, схожесть с западными моделями — в известной степени могут объяснить ту легкость, с которой постсоветское общество встретило западные формы психологической экспертизы, что прогнозировал Николас Роуз еще в 1992 году.

Библиография

1. Lacan S. Un père, puzzle / S. Lacan. – Paris: Gallimard, 1994. – 112 p. – ISBN 2070780546.
2. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с. – ISBN: 978-5-9757-0192-3.
3. Castel R. Le psychanalysme / R. Castel. – Paris: Francois Maspero, 1973. – 281 p.
4. Фуко М. Психиатрическая власть: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебному году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2007. – 450 с. – ISBN 978-5-02-026920-0.
5. Rose N. Engineering the Human Soul: Analyzing Psychological Expertise / N. Rose // Science in Context. – 1992. – Vol. 5. No 2. – P. 351–369.
6. Kelly M. Foucault on Psychoanalysis: Missed Encounter or Gordian Knot? / M. Kelly // Foucault Studies. – 2020. – No 28. – P. 96–119.
7. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб.: А-сэд, 1994. – 408 с. – ISBN 5-85962-021-7.

8. Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. – М.: Касталь, 1996. – 448 с. – ISBN 5-85374-006-7.
9. Parker I. Discourse Analysis and Psychoanalysis / I. Parker // *British Journal of Social Psychology*. – 1997. – Vol. 36. – No 4. – P. 479–495.
10. Лернер Ю. Теле-терапия без психологии, или как адаптируют Self на постсоветском телеэкране / Ю. Лернер // *Laboratoirum*. – 2011. – № 1. – С. 116–137.
11. Ты хочешь поговорить об этом? Новая психологическая культура в постсоветской Беларуси и Украине / Т. Щитцова (сост.). – Вильнюс: ЕГУ, 2014. – 358 с. – ISBN 978-9955-773-78-8.
12. Бассин Ф. В. Проблема бессознательного: о неосознаваемых формах высшей нервной деятельности / Ф. Бассин. – М.: Изд-во «Медицина», 1968. – 468 с.
13. Узнадзе Д. Н. Психология установки / Д. Н. Узнадзе. – СПб.: Питер, 2001. – 413 с. – ISBN 5-89357-121-5.
14. Шерозия А. Е. Психика, сознание, бессознательное: к обобщенной теории психологии. / А. Е. Шерозия. – Тбилиси: Мецниереба, 1979. – 172 с.
15. Свядоц А. М. Психоанализ и каузальная терапия / А. М. Свядоц // *Вопросы психиатрии, психотерапии, сексологии*. – Караганда: [б.и.], 1967.
16. Свядоц А. М. Неврозы и их лечение / А. М. Свядоц. – М.: Изд-во Медицина, 1971. – 456 с.
17. Мясищев В. Н. Личности и неврозы / В. Н. Мясищев. – Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1960. – 427 с. – ISBN 978-5-458-24994-2.
18. Личко А. Е. Психопатии и акцентуации личности / А. Е. Личко. – М.: Изд-во Медицина, 1983. – 256 с.
19. Александров А. А. Интегративная психотерапия / А. А. Александров. – СПб.: Питер, 2009. – 352 с. – ISBN 978-5-388-00270-9.

Psy-function in Soviet Style: Substitutes for Psychoanalysis in the USSR

Mamin Roman — master's student, Faculty of Humanities and Social Sciences, Paris-Cité University; Paris, France; email: roman.mamin@etu.u-paris.fr

Key words: psychoanalysis, psy-function, Soviet history, Freudianism, critical studies of psychoanalysis

The article considers the possibility of applying Michel Foucault's concept of «psy-function» to analyse late Soviet psychotherapeutic theories and practices. Within the framework of a critical approach, the author explores the emergence of alternatives to psychoanalysis against the background of its official prohibition in the USSR, turning to the concept of «psi-functions», which is traditionally used to describe the disciplinary role of psychological practices in Western societies and their relationship to the «discourse of truth». It is argued that other theories such as Uznadze's «theory of attitude» and Myasishchev's «pathogenetic psychotherapy» were developed in the USSR: these approaches, based on physiological and socio-psychological interpretations of the psyche, did not recognise psychoanalysis, but in some aspects offered similar mechanisms for explaining human subjectivity. This study is unique in its application of the concept of psy-function to the Soviet context. The author analyses three key Soviet theories — the school of attitudes, causal analysis and pathogenetic psychotherapy — showing how they expressed ideas about the unconscious and the desire to reduce the subject's problems to the family disposition. The article thus highlights the paradoxical role of psychoanalysis in the USSR: officially rejected, it nevertheless remained relevant through theories outwardly unrelated to Freudianism. The author proposes a reconsideration of the perception of the post-Soviet psychological space and argues that thanks to late Soviet psy-theories, society and experts were ready to accept the practices of Western psychological expertise, as predicted by British sociologist Nicholas Rose in the early 1990s. This article was prepared with the support of the SMARTS-UP scholarship programme.

References

1. Lacan S. Un père, puzzle / S. Lacan. – Paris: Gallimard, 1994. – 112 p. – ISBN 2070780546. – 408 p. – ISBN 5-85962-021-7.
2. Delez G., Gvattari F. Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya [Capitalism and Schizophrenia] / G. Delez, F. Gvattari. – Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2007. – 672 s. – ISBN: 978-5-9757-0192-3.
3. Castel R. Le psychanalisme / R. Castel. – Paris: Francois Maspéro, 1973. – 281 p.
4. Foucault M. Psihiatricheskaja vlast': kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1973–1974 uchebnomu godu [Psychiatric Power: The Course of Lectures delivered at the Collège de France in the 1973–1974 academic year] / M. Foucault. – St. Petersburg: Nauka, 2007. – 450 p. – ISBN 978-5-02-026920-0. (In Russian)
5. Rose N. Engineering the Human Soul: Analyzing Psychological Expertise / N. Rose // Science in Context. – 1992. – Vol. 5. – No 2. – P. 351–369.
6. Kelly M. Foucault on Psychoanalysis: Missed Encounter or Gordian Knot? / M. Kelly // Foucault Studies. – 2020. – No 28. – P. 96–119.
7. Foucault M. Slova i veshhi. Arheologija gumanitarnyh nauk [The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences] / M. Foucault. – St. Petersburg: A-cad, 1994. – 408 p. – ISBN 5-85962-021-7. (In Russian)
8. Foucault M. Volja k istine: Po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti [The Will to Knowledge] / M. Foucault. – Moscow: Kastal', 1996. – 448 p. – ISBN 5-85374-006-7. (In Russian)
9. Parker I. Discourse Analysis and Psychoanalysis / I. Parker // British Journal of Social Psychology. – 1997. – Vol. 36. – No 4. – P. 479–495.
10. Lerner Y. Tele-terapiya bez psihologii, ili kak adaptiruyut Self na postsovet'skom teleekrane [Tele-therapy without psychology, or how Self is adapted on the post-Soviet TV screen] / Y. Lerner // Laboratoire. – 2011. – № 1. – P. 116–137. (In Russian)
11. Ty hochesh' pogovorit' ob etom? Novaya psihologicheskaya kul'tura v postsovet'skoj Belarusi i Ukraine [Do you want to talk about it? New Psychological Culture in Post-Soviet Belarus and Ukraine] / T. Shchitcova (sost.). – Vil'nyus: EGU, 2014. – 358 s. – ISBN 978-9955-773-78-8. (In Russian)
12. Bassin F. V. Problema bessoznatel'nogo: o neosoznavaemyh formah vysšej nervnoj dejatel'nosti [The Problem of the Unconscious: On the Unrecognized Forms of Higher Nervous Activity] / F. Bassin. – Moscow:

Izd-vo «Medicina», 1968. – 468 p. (In Russian)

13. Uznadze D. N. Psihologija ustanovki [Psychology of Set] / D. N. Uznadze. – St. Petersburg: Piter, 2001. – 413 p. – ISBN 5-89357-121-5. (In Russian)

14. Sherozija A. E. Psihika, soznanie, bessoznatel'noe: k obobshhennoj teorii psihologii. [Psychics, Consciousness, Unconsciousness: Towards a Generalized Theory of Psychology] / A. E. Sherozija. – Tbilisi: Mecniereba, 1979. – 172 p. (In Russian)

15. Svjadoshh A. M. Psihoanaliz i kazual'naja terapija [Psychoanalysis and Causal Therapy] / A. M. Svjadoshh // Voprosy psihiatrii, psihoterapii, seksologii. – Karaganda: [b.i.], 1967. – 105 p. (In Russian)

16. Svjadoshh A. M. Nevrozy i ih lechenie [Neuroses and Their Treatment] / A. M. Svjadoshh. – Moscow: Izdatel'stvo Medicina, 1971. – 456 p. (In Russian)

17. Mjasishhev V. N. Lichnosti i nevrozy [Personality and Neuroses] / V. N. Mjasishhev. – Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1960. – 427 p. – ISBN 978-5-458-24994-2. (In Russian)

18. Lichko A. E. Psihopatii i akcentuacii lichnosti [Psychopathies and Personality Accentuations] / A. E. Lichko. – Moscow: Izdatel'stvo Medicina, 1983. – 256 p. (In Russian)

19. Alexandrov A. A. Intergativnaya psihoterapia [Integrative Psychotherapy] / A. A. Alexandrov. – St. Petersburg: Piter, 2009. – 352 p. – ISBN 978-5-388-00270-9. (In Russian)

Неприрученная онтология

Давиде Тариццо — доцент кафедры политической философии, Университет Салерно; Фишано, Италия; e-mail: dtarizzo@unisa.it

ORCID: 0000-0002-1688-7430

*Пер. с итал.*¹: Ульяна Путилина — магистрантка университета Ка' Фоскари; Венеция, Италия; e-mail: pulja99@yandex.ru

Науч. ред.: Павел Одинцов — аспирант философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; Москва, Россия; e-mail: odintsow.pav@yandex.ru

Ключевые слова: современность, жизнь, Фуко, неприрученная онтология, биополитика

Согласно Мишелю Фуко, появление новой науки о жизни — биологии — являлось одной из осей научной революции. Прежде чем в 1970-ых годах перейти к анализу биовласти и биополитики как центральных категорий современности, в «Словах и вещах» Фуко писал о жизни в терминах «тайной силы», которая лежит в основе современной биологии и может рассматриваться как ее эпистемологическое априори. Изобретение современности и современного понятия «жизнь», подчеркивает Мишель Фуко, происходят одновременно — в одной и той же онтологической рамке, которую он называет «неприрученной онтологией». Каковы основные черты этой онтологии? Как она влияет на наше представление о «жизни»? Как она связана с биополитическим поворотом? По мнению Давиде Тариццо, чтобы ответить на эти вопросы, мы должны прежде всего спросить себя, не содержит ли наше представление о «жизни» метафизические допущения, скрытые под нашими научными и политическими утверждениями. Автор предлагает расширить рамки неприрученной онтологии и соединить семантику автономной воли и семантику автономной жизни через утверждение, согласно которому именно автономия является метафизическим порогом современности.

¹ Перевод выполнен по изданию: Tarizzo D. La vita, un'invenzione recente / D. Tarizzo. – Bari: Editori Laterza, 2010. – 236 p. – ISBN 9788842092100. Публикуется с любезного разрешения автора.

мы, современные, живем.

Но когда мы начали жить? Когда началась современность? И когда мы стали *нами*? Именно вокруг этих вопросов построено самое насыщенное и головокружительное исследование Мишеля Фуко — «Слова и вещи»². Среди тезисов, выдвинутых в этой работе, нам особенно интересны следующие:

а) Современность начинается не в XVI–XVII веках, как принято считать, не с появлением новой науки и картезианским переворотом в философии, а позже — в конце классической эпохи, с Иммануила Канта. Фуко навсегда сохранит верность этому тезису — даже когда будет возводить начало современности к моменту, совпадающему с началом эпохи Просвещения и представляющему собой отправную точку для того, что Фуко назовет «онтологией настоящего». В конце концов, «онтология настоящего» — это не что иное, как онтология современности³.

б) Однако что современно? Современен человек или, точнее, человеческое, понятое как порог эпистемической позитивности, как поле бесконечных размышлений и исследований, единственная цель которых — ответить на вопрос: что такое человек? До современности, настаивает Фуко, человека не существовало, в том смысле, что не был поставлен вопрос о человечности человека. Не существовало никакой «аналитики конечного человеческого бытия», в рамках которой «человеческое бытие все время держится само от себя на расстоянии, в удалении, — и в этом его утверждение»⁴. Между тем именно из этой дистанции возникает образ человека как субъекта и объекта рефлексии, человек как «отстранение тождества от самого себя, появление зазора, который в каком-то смысле остается внутри тождества, а в каком-то сам создает его»⁵. Все это очерчивает горизонт современности, или нашего настоящего, чья *критическая* граница задается для Фуко философией Канта⁶. Именно с Кантом появляется человек

² Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. — СПб: А-сad, 1994. — 408 с. — ISBN: 5-85962-021-7.

³ Фуко М. Что такое Просвещение // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Статьи и интервью 1970–1984. В 3-х частях. Ч. 1 / М. Фуко. — М.: Праксис, 2002. — С. 335–359. — ISBN 5-910574-23-0.

⁴ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. — СПб: А-сad, 1994. — С. 357.

⁵ Там же. С. 360.

⁶ Fimiani M. Foucault e Kant. Critica clinica etica / M. Fimiani. — Napoli: Città del Sole, 1997. — 145 p. — ISBN 8886521669.

критический, человек, допрашивающий Себя (Тождественное) о своей сокровенной и критической человечности. Именно с Кантом возникает антропологическая «складка», из-за которой человек вынужден сам давать Себе закон, позволяющий, в конечном счете, определить его в качестве человека⁷. Именно это со времен Канта обозначается как автономия современного человека. Онтология современности — это онтология автономии.

в) На пороге этой автономии, подразумевающей «вечное взыскиваемое раскрытие Тождественного»⁸ или человеческой Самости, развертываются три эпистемических априори — жизнь, труд и язык — на основании которых перестраивается все поле знания: появляются биология, экономика и языкознание. Может показаться парадоксальным присутствие биологии, естественной науки, в исследовании, которое ставит перед собой задачу восстановить археологию современных гуманитарных наук и очертить их незримые категориальные рамки. Это тем более удивительно, что всего лишь через десять лет Фуко предложит взглянуть именно на «биовласть» и «биополитику» как на тайный шифр современной власти. Современность для Фуко — это время распространения новой власти, заменяющая закон меча и право суверена на жизнь и смерть подданных стремлением завладеть жизнью как таковой. Ее кредо теперь не «Убей или оставь в живых», а «Заставь жить или позволь умереть»⁹. Теперь мишенью власти становится сама жизнь, ее возвращение, усиление, направление и регуляция. Однако благодаря чему становится возможным возникновение этого современного механизма власти? Самое важное из условий Фуко определил десятью годами ранее: возникновение, наряду с работой и языком, «жизни» как историко-эпистемического априори. Тезис Фуко заключается в том, что до начала современности не существовало жизни как таковой, равно как и науки о ней — биологии. Однако с наступлением современности одновременно возникает знание о жизни и власть над ней (биология и биополитика), смертоносную сцепку которых нам нужно осознать.

[Историки] хотят создавать историю биологии XVIII века, но не отдают себе отчета в том, что биологии не существовало и что расчленение знания, которое нам известно в течение

⁷ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. — СПб: А-сad, 1994. — С. 360.

⁸ Там же. С. 360.

⁹ Фуко М. Нужно защищать общество / М. Фуко. — СПб.: Наука, 2005. — С. 253–278.

более чем ста пятидесяти лет, утрачивает свою значимость для предшествующего периода. То, что биология была неизвестна, имело очень простую причину: ведь не существовало самой жизни. Существовали лишь живые существа, которые открывались сквозь решетку знания, установленную естественной историей. [...] Видимо, именно поэтому естественная история в классическую эпоху не может конституироваться в качестве биологии. Действительно, до конца XVIII века жизнь как таковая не существует. Существуют только живые существа. [...] Натуралист – это человек, имеющий дело с видимой структурой и характерным наименованием, но не с жизнью¹⁰.

Вот почему мы, современные, живем. Потому что современность, господство автономии, — это господство жизни. Мы уже не *существуем*, мы *живем*: такова новая онтология, определяющая наше состояние. Знание о жизни (биология) и власть над жизнью (биополитика) возможны лишь на фоне особой абстракции жизни, онтологии жизни, в которой угадываются скрытые корни того, что Фуко впоследствии назовет онтологией настоящего. Но что есть жизнь, эта современная онтологическая абстракция? Фрагменты, где Фуко пишет об этом, одни из самых ярких и беспорядочных во всем его корпусе. И все же из них можно извлечь три указания:

Жизнь — это синтетическое единство. В классическую эпоху, до современности, натуралисты бросали взгляд на живое существо лишь для того, чтобы дать ему имя и найти ему место в линейном пространстве представления, классификации. Существовала лишь разрозненная множественность живых существ, подлежащая упорядочиванию. Классическая эпоха — время господства таксономии. Напротив, с наступлением современности существо определяется как «живое» уже не через соотнесение с другими живыми существами и не по положению среди них, а в связи со скрытым синтетическим единством, которое каждое живое существо таит в самом себе. «Множественность явна, единство тайно». И с этих пор живущие будут таковыми «лишь потому, что они живут, и на основе того, что они скрывают»¹¹.

Жизнь — это скрытая сила. Сама жизнь — вот что таит в себе живые существа, вот что делает их действительно живыми, и при этом

¹⁰ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. — СПб: А-сэд, 1994. — С. 157, 190, 191 (в пер. В. П. Визгина. Н. С. Автономовой).

¹¹ Там же. С. 293.

жизнь понимается как сила. Если знание натуралиста классической эпохи было знанием форм жизни, то знание тех, кто наблюдает за природой сейчас — это знание силы жизни, которая одушевляет всех живых существ и концентрируется в «нечто вроде средоточия тождества»¹², недоступного нашему взгляду. В современную эпоху мы переходим от *поверхностного* знания живых существ к *глубинному* знанию самой жизни. От знания видимых форм к знанию о невидимой силе. Эта сила, «жизнь», превращает каждое живое существо в складку, делает из него полноценную Самость, непрерывно стремящуюся утвердить и усилить себя. Таким образом, если в классическую эпоху «бытие неизменно обнаруживалось в пространстве представления, доступном анализу», то в современную эпоху, напротив, «загадка жизни скрывается в какой-то по своей сути непостижимой силе, улавливаемой посредством усилий, которыми она время от времени выявляет и поддерживает самое себя»¹³.

Жизнь — темная воля Самости. Здесь мы покидаем область плоской онтологии бытия и представления и переходим к тому, что Фуко называет «неприрученной онтологией». Поле знания больше не разбито на участки, где размещены вещи существующие и несуществующие, разделенные границей бытия и небытия. Теперь в него вторгается нечто ни существующее, ни несуществующее, но желающее быть в каждом живом существе — жизнь. Любая форма жизни — всего лишь преходящее, шаткое воплощение силы жизни, слепого и неутолимого желания существовать, «неистой силы, безмолвной и незримой, которая во тьме поглощает»¹⁴ каждое живое существо сразу после того, как породила его. Это заря новой онтологии, которой неведома пропасть между бытием и небытием — она обитает и движется в пространстве противостояния между ними. Это заря современности, заря жизни, заменяющей старую онтологию одного и многого неприрученной онтологией Самости:

Ибо жизнь — и именно поэтому она представляется мышлению XIX века основной ценностью — является одновременно основой и бытия, и небытия. Бытие существует лишь потому, что существует жизнь, и в ее основоположном движении, обрекающем их на смерть, рассеянные и лишь на мгновение

¹² Там же. С. 292.

¹³ Там же. С. 298.

¹⁴ Там же.

устойчивые живые существа возникают, устанавливаются, удерживают жизнь — и в каком-то смысле ее убивают, — но в свою очередь уничтожаются ее неисчерпаемой силой. Таким образом, именно опыт жизни выступает как самый общий закон живых существ, выявляющий ту первоначальную силу, благодаря которой они существуют; этот опыт жизни функционирует как некая первозаданная онтология, которая, по-видимому, старается выявить бытие и небытие всех существ в их нераздельности. Однако онтология эта обнаруживает вовсе не то, что лежит в основе всех этих существ, но скорее то, что облекает их на мгновение в столь хрупкую форму и тайно подрывает их изнутри, чтобы затем разрушить. Все живые существа являются лишь преходящими обликами жизни, а бытие, которое они сохраняют в течение краткого периода их существования, есть лишь их притяжание, их желание жить. Таким образом, для познания бытия вещей есть иллюзия, покров, который необходимо разорвать, дабы обнаружить ту неистовую силу, безмолвную и незримую, которая во тьме поглощает их¹⁵.

О каком же «познании» говорит здесь Фуко? Горизонт какого знания задает жизнь? Какие дискурсы могут возникнуть в контексте современной «неприрученной онтологии»? Может показаться, что Фуко отсылает к метафизике жизни и многочисленным виталистическим философским течениям, возникающим в эпоху современности. Но в действительности он убежден в том, что «неприрученная онтология» и ее «синтетическое понятие» жизни лежат в основе научного, а не только метафизического знания. Он считает, что онтологический горизонт жизни включает в себя и предполагает как научный, так и метафизический дискурс.

Для Фуко наиболее важен *научный аспект*, о котором он преимущественно и размышляет. На его взгляд, неприрученная онтология порождает новый, исключительно современный тип знания, основанный на синтетическом понятии жизни. Это новое знание, новая наука современности — *биология*, противопоставленная, по его мнению, другой современной науке — *экономике*. Именно о биологии говорит Фуко, описывая, как «складывается тип мышления, который противопоставляет себя почти в каждом из своих моментов другому типу мышления, связанному со становлением историчности в экономике»¹⁶.

¹⁵ Там же. С. 303.

¹⁶ Там же. С. 304.

В то время как последняя «опиралась на тройственную теорию основных потребностей, объективности труда и конца истории», биология — это «мысль, в которой индивидуальность со всеми ее формами, пределами и потребностями является лишь преходящим моментом, обреченным на гибель, создающим во всем и для всего простое препятствие, которое подлежит устранению на пути этого уничтожения; это мысль, в которой объективность вещей является лишь видимостью, химерой восприятия, иллюзией, которую необходимо рассеять и представить чистой волей без проявления, которая порождает вещи и какое-то время поддерживает их. Это, наконец, мысль, для которой возобновление жизни, ее непрерывные повторы, ее упорство бесконечны и беспредельны»¹⁷. Здесь мы видим еще одну коннотацию синтетического понятия жизни, которое, согласно Фуко, лежит в основе современной биологии: жизнь, утверждает он, это «чистая воля без проявления»¹⁸. Остается понять, насколько подобное значение слова «жизнь» может считаться научным.

При этом на заднем плане все время находится *метафизический* дискурс, всегда готовый возродиться в рамках неприрученной онтологии современности. Из этой онтологии, по Фуко, прорастают и наука, и метафизика жизни. Иными словами, биология и витализм возникают в одних и тех же условиях. Рождение первой сопровождается (воз)рождением второго:

Именно этот переход от таксономического понятия жизни к синтетическому отмечен в истории идей и наук возрождением виталистских тем в начале XIX века. С археологической точки зрения именно с этих пор устанавливаются условия возможности *биологии*¹⁹.

Это фундаментальный тезис Фуко: археология современного витализма и археология современной биологии — это *одна и та же* археология, поскольку они возвращают нас к одному и тому же понятию жизни, к одной и той же глубинной семантике «неприрученной силы». Именно общность эпистемического априори — априори жизни — для двух дискурсов со столь различным устройством и содержанием обосновывает археологическое исследование Фуко. Но как

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 304.

¹⁹ Там же. С. 294.

тогда соотносятся между собой наука о жизни и метафизика жизни, если они коренятся в глубинах одного и того же априори? Если для обеих тайна жизни в конечном итоге заключается в том, что «жизнь постоянно поглощает самое себя»²⁰? Фуко отвечает уклончиво — новым вопросом — демонстрируя тем самым пределы своего исследования.

Этот ответ, он же вопрос, таков:

Следует ли признать, что отныне каждая форма позитивности обретает, наконец, «философию», которая ее устраивает? Будет ли это для экономики философия труда, осуществляемого под знаком потребности, но сулящего в конечном итоге большой выигрыш во времени? Для биологии — философия жизни, наделенной той непрерывностью, которая создает существа лишь для того, чтобы уничтожить, и тем самым освобождает себя от всех границ Истории?²¹.

Ни здесь, ни в дальнейшем ответа на этот вопрос Фуко не дает. Однако можно догадаться, на что он намекает. Точно так же, как экономика, будучи современной наукой, всегда склонна соскальзывать в философию истории, обнаруживая, что разделяет с ней одни и те же эпистемические априори, так и биология, будучи современной наукой, всегда склонна соскальзывать в философию жизни, обнаруживая, что разделяет с ней одну и ту же глубинную и «неприрученную» семантику. Иными словами, нет никакого разрыва между наукой и метафизикой труда, как нет разрыва между наукой и метафизикой жизни. Но почему же Фуко не идет дальше?

Одна из причин лежит на поверхности и заключается в том, что Фуко не нуждается в этом в контексте «археологии гуманитарных наук». Для выполнения этой задачи ему достаточно указать на разрыв между эпистемическими парадигмами классической и современной эпох, не детализируя карту взаимных пересечений, которые возникают в рамках отдельно взятой эпистемической парадигмы, классической или современной, между разными способами высказывания — в данном случае философским и научным. Археологический анализ направлен на установление различий и на разрыв непрерывностей. Поэтому он не занимается реконструкцией эпистемических организмов, членораздельных систем знания, а подчеркивает пробелы

²⁰ Там же. С. 302.

²¹ Там же. С. 304.

и интервалы. Он не обязан заниматься чем-либо полным, его дело — пустоты, с границ которых становятся видимыми скачки и изломы. Тем не менее, внутри эпистемических парадигм все же присутствуют линии напряжения, которые упорядочивают их облик. Сам Фуко, например, прекрасно осознает, что появление, с одной стороны, современного человека — томимого желанием, в котором проявляется «изначальный дефицит»²² и устанавливается конститутивная дистанция от собственной Самости, — и, с другой стороны, современного понятия жизни *не является простым совпадением*. В свете именно этого осознания становятся понятны впечатляющие страницы, на которых тема воли и тема жизни словно переходят одна в другую, как вариации единой неприрученной силы, совпадающей с парадоксальной «свободой» современного человека. Как в следующем фрагменте, где (что весьма показательно) любой возможный вопрос открывается и сразу же закрывается в едином моменте, во внезапной вспышке озарения:

Необузданность жизни и ее неутомимый напор, глухая сила потребностей ускользнут от способа бытия представления. Представление станет удвоенным, ограниченным, может быть, мистифицированным, во всяком случае управляемым извне благодаря грандиозному порыву свободы, или желания, или воли, которые предстанут как метафизическая изнанка сознания. В современной практике возникнет нечто вроде воли или силы, возможно, конституирующей ее, указывающей, во всяком случае, что классическая эпоха только что завершилась²³.

Однако есть еще одна причина, по которой Фуко предпочитает не идти дальше в том направлении, которое мы пытаемся здесь обозначить. Эта вторая причина, по всей вероятности, является вполне оправданной предосторожностью. В конце концов, мы все понимаем, к чему ведет утверждение об отсутствии разрыва между наукой и метафизикой труда — к первой великой метафизической цепочке современности, которая от Гегеля приводит прямо к Карлу Марксу. К тому же экономика не обладала бесспорным научным статусом. Ни тогда, ни сейчас. А что насчет второй цепочки? Утверждать, что между наукой и метафизикой жизни нет разрыва — значит ступить

²² Там же.

²³ Там же. С. 236.

на минное поле, бросить вызов одной из нерушимых научных догм и одному из самых авторитетных интеллектуалов современности. Так что, возможно, Фуко решил не заходить слишком далеко в «Словах и вещах» — работе, которая и без того была очень смелой.

Читатели этой книги знают, к какой уловке прибегнул Фуко. Он предпочел не упоминать имя истинного основателя современной биологии и извлечь условия возможности этого знания из трудов его предшественника. Именно в работах Жоржа Кювье, утверждает Фуко, впервые увидело свет современное синтетическое понятие жизни с ее двусмысленностью и глубинной семантикой, выходящей за пределы науки и граничащей с «философией». И именно у Кювье свет жизни забрезжил за пределами живых существ, в конститутивном разрыве каждого живого существа с собственной Самостью. Именно у Кювье, а не, например, у Жана-Батиста Ламарка: «И если в силу ретроспективной иллюзии Ламарк и превозносится в ущерб Кювье, если пока еще недостаточно осознается, что лишь в “Лекциях по сравнительной анатомии” “жизнь” впервые достигает своего порога позитивности, тем не менее возникает хотя бы смутная мысль, что западная культура именно с этого момента стала по-новому видеть мир живого»²⁴.

Почему для Фуко так важна фигура Кювье? Благодаря Кювье стал возможен Чарльз Дарвин. И именно Кювье формулирует понятие жизни, которое вскоре станет сердцем эволюционной теории не только Ламарка, но и Дарвина: «Биологическая теория эволюционизма предполагает в качестве условия своей возможности чуждую всякой эволюции биологию Кювье»²⁵. Следовательно, неприрученная онтология, которая, согласно Фуко, является пульсирующей онтологией современной жизни, включает в себя — не только, но *в том числе* — эволюционную онтологию Дарвина, включает в себя — не только, но *в том числе* — онтологию естественного отбора, своего рода метонимией которой является биология Кювье²⁶. Здесь и пролегает мостик между наукой и метафизикой жизни, восстановленный при помощи завуалированных намеков Фуко. Интуиция, за которой он предпочел не следовать.

²⁴ Там же. С. 306.

²⁵ Там же. С. 318.

²⁶ Foucault M. La situation de Cuvier dans l'histoire de la biologie. // Foucault M. Dits et écrits. En 4 vol. Vol. 2 / M. Foucault. – Paris: Gallimard, 1994. – P. 63–92. – ISBN 978-2070761869.

И все же Фуко знал то же, что и мы — а именно, что в современной биологии «жизнь определяется наличием тех свойств, которые необходимы для обеспечения эволюции путем естественного отбора»²⁷. Знал он и то, что «доктрина естественного отбора» — это не только «объединяющая доктрина всей биологии», но и однозначно «единственно возможная» доктрина, способная выполнить такую задачу²⁸. Фуко знал, что именно эта доктрина вклинилась в никогда не возникавшую прежде расщелину между живым существом и им самим, между «словом и вещью», которые в натуралистских исследованиях классической эпохи все еще были неразрывно переплетены²⁹. Он знал, что именно дарвиновское учение позволяет увидеть в каждой форме жизни и в каждом живом существе лишь «результат и временную остановку постоянного динамизма, который, в свою очередь, должен быть определен как “жизнь”» — жизнь, которая, будучи понятой таким образом, в конечном итоге приобретает значение, незримо выводящее ее за пределы научного высказывания³⁰. Возможно, Фуко опасался недопонимания и молчаливого неприятия, подобного тому, что вызвала несколько лет спустя знаменитая статья Карла Поппера о дарвинизме как метафизической исследовательской программе³¹.

Поппер утверждал, что теория естественного отбора функционирует на основе «ситуативной логики» и потому действительна только в таком гипотетическом контексте, в котором заранее определенное понятие «жизни» принимается как само собой разумеющееся. Это не означает, что Поппер отрицал научный статус дарвинизма — скорее, он стремился выявить его метафизическую сторону, которая для него оставалась неотличимой от собственно научной. В любом случае эта критика не была и не должна была стать *опровержением* дарвинизма³². В то же время Фуко, пусть и с оглядкой, раздумывал на похожей

²⁷ Maynard Smith J. The Problems of Biology / J. Maynard Smith. – Oxford: Oxford University Press, 1986. – P. 7.

²⁸ Gayon J. Darwin et l'après-Darwin. Une histoire de l'hypothèse de la sélection naturelle / J. Gayon. – Paris: Kimé, 1992. – P. 190.

²⁹ Roger J. Les sciences de la vie dans la pensée française du XVIII siècle. La génération des animaux de Descartes à l'Encyclopédie / Roger J. – Paris: Albin Michel, 1993. – P. 53.

³⁰ Jonas H. Das Prinzip Leben. Ansätze zu einer philosophischen Biologie / H. Jonas. – Frankfurt a. M.: Insel, 1994. – P. 59–60, 73–74.

³¹ Popper K. R. Darwinism as a Metaphysical Research Programme / K. R. Popper // Philosophy of Science: Contemporary Readings / eds. Y. Balashov and A. Rosenberg. – London and New York: Routledge, 2002. – P. 302–320.

идея, о чем свидетельствует, в частности, его телевизионный диалог с Ноамом Хомским, в ходе Фуко утверждал, что в современной биологии «жизнь» функционирует не как нормальное научное понятие, а, скорее, как «эпистемологический индикатор» — своего рода научный метапонятие, лишенный реального референта, но фундаментально важный для «обозначения, разграничения и размещения» биологического дискурса³³. И так, что же имел в виду Фуко, приравнивая жизнь к «эпистемологическому индикатору», к лишенному контакта с реальностью понятию, единственной функцией которого является очерчивание границ определенного эпистемологического поля? И как нам следует понимать последние страницы работы по истории биологии (тут же удостоившейся похвального слова Фуко), опубликованной в те же годы известным ученым, где буквально утверждалось, что «жизнь» — это метафизическая сущность³⁴?

Нам не следует искать в этих заявлениях попытку опровержения основных положений и исследовательских процедур современной биологии — как если бы Фуко и Поппер подозревали эту науку в том, что она является всего лишь прикрытием для шаткой философской теории. Ведь они стремились вовсе не к этому. И они не согласились бы, например, со словами Джорджа Лакоффа, который утверждал, что «философия наиболее сильна, когда остается невидимой. За столетия философские теории могут настолько прочно утвердиться в нашей культуре и интеллектуальной жизни, что становятся практически невозможным и далее воспринимать их в качестве теорий; и тогда они превращаются в самоочевидные истины, становятся частью интеллектуального ландшафта, служащего фоном для теоретизирования. Такие практически невидимые философские теории зачастую безвредны. Но когда они ложны и при этом общеприняты в важных академических дисциплинах, эти невидимые философские теории могут стать препятствием для научных исследований. Именно в силу своей невидимости они никогда не подвергаются ни сомнению, ни пересмотру»³⁵.

³² Popper K. R. *Unended Quest. An Intellectual Autobiography* / K. R. Popper. – Glasgow: Fontana-Collins, 1976. – P. 133–143.

³³ Foucault M., Chomsky N. *De la nature humaine: justice contre pouvoir* / M. Foucault, N. Chomsky. – Paris: L'Herne, 2007. – 112 p. – ISBN 2851976583.

³⁴ Jacob F. *La logique du vivant. Une histoire de l'hérédité* / F. Jacob. – Paris: Gallimard, 1970. – P. 327.

³⁵ Lakoff G. *Cognitive Semantics* / G. Lakoff // Eco U., Santambrogio M., Violi P. *Meaning and Mental Representations* / U. Eco, M. Santambrogio, P. Violi. – Bloomington-Indianapolis: Indiana University Press, 1988. – P. 119–154.

Рассматриваемая Лакоффом ситуация — почти лабораторная. Она предполагает существование герметичных теоретических отсеков: отсека философских теорий, являющихся ложными и необоснованными с научной точки зрения, и отсека научных теорий — истинных и обоснованных. Очевидно, что при таком раскладе показать, что теория является философской, а не научной, *ipso facto* означает доказать ее ложность и отклонение от изначальных устремлений. Но при ближайшем рассмотрении мы видим, что дело обстоит иначе, поскольку лишь в редких случаях можно провести четкую и безусловную границу между регистрами высказываний, которые, тем не менее, во многих отношениях различаются. Слова постоянно перемещаются из одной области нашего эпистемического горизонта в другую, и в процессе этого перемещения производят невидимые смысловые эффекты. Это не означает, что они несут за собой целые теории — *насыщенные, связные и единые*. Даже утверждения, относящиеся к разным дискурсивным режимам, похоже, загрязняют и пятнают друг друга то тут, то там, омрачая наши тщетные, хотя и вполне оправданные мечты об абсолютной чистоте. Иначе говоря, где бы они не произносились, слова пропитаны историей и, следовательно, расплывчаты.

Эту же проблему рассматривал Чарльз Тейлор в одной из своих работ, где он обращался — и притом весьма оригинальным образом — к щекотливому вопросу о современности. Гипотеза Тейлора состоит в том, что существуют не невидимые философские теории, а скорее невидимые онтологии, скрытые за общими и диффузными «рамками» (*frameworks*), с помощью которых мы ориентируемся в мире³⁶. Эти рамки, по словам Тейлора, носят исторический характер, меняются со временем (как и эпистемические парадигмы Фуко) и подразумевают точные «качественные различия», очерчивая границы альтернативных моральных онтологий. Какова в таком случае роль философии? Не в том, чтобы каждый раз изобретать и защищать новую невидимую онтологию, новую моральную онтологию, словно некую новую теорию. У нее более скромная роль — каждый раз раскапывать и выводить на свет глубинную семантику ключевых, фундаментальных понятий, на которых строится та или иная «рамка».

Сова философии, конечно, вылетает в сумерки, когда ставки уже сделаны — об этом предупреждал еще Гегель. При этом, однако, она

³⁶ Taylor C. *Sources of the Self. The Making of Modern Identity* / C. Taylor. – Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1989. – 624 p. – ISBN 978-0674824263.

все еще может многое. Ведь только она способна заглянуть в самую даль — охватить горизонт целиком, делая его видимым. И в конце концов только философия способна обратить свой горизонт — свое время — против себя, заставив нас высунуться из-за головокружительного гребня ее случайности.

Неприрученная онтология, о которой говорит Фуко, безусловно, является невидимой онтологией в тейлоровском смысле, хотя она и задает нечто большее, чем просто границу моральных ценностей. Да, это онтология с сильными моральными и еще более сильными политическими импликациями, но это также онтология, которая влечет за собой ряд серьезных эпистемических следствий. В ее основе лежит синтетическое понятие «жизни», абстракция «жизни», которая, с одной стороны, является условием возможности биополитики и может быть даже религией «жизни», которую уже исследовали некоторые авторы³⁷. С другой стороны, она является условием возможности метафизики «жизни», интеллектуальное влияние которой беспрецедентно, а также науки о «жизни», безотчетно движущейся вдоль этой же линии горизонта. Это понятие — эта абстракция — *не исчерпывает и не насыщает*, а скорее *ориентирует* и обуславливает дискурсивность «жизни» в ее различных проявлениях. Современная «жизнь» имеет некую *плотность*, в каком бы контексте мы не использовали этот термин — в философии или в естественных науках, в области морали или политики. Хотя следует подчеркнуть, что эта плотность не обобщает и не содержит в себе все дискурсы о «жизни» — она лишь излучает некую тайную силу, *склоняющую* эти дискурсы в определенном направлении. И гарантирует, что всякий раз, когда речь заходит о «жизни», говорим мы — современные.

Наша цель — вслед за Фуко расшифровать семантику современной «жизни», чтобы завершить или хотя бы расширить лишь бегло очерченную им рамку неприрученной онтологии. Начнем мы с выдвигания и разъяснения одного тезиса: *метафизическим порогом современности является автономия*. Он должен помочь нам соединить то, что так и не смог соединить Фуко: семантику автономной воли (лежащей, в частности, в основе современных правовых понятий) и семантику автономной жизни, то есть две противоположные

³⁷ Duden B. Der Frauenleib als öffentlicher Ort. Vom Mißbrauch des Begriffs Leben / B. Duden. – Hamburg-Zürich: Luchterhand Literaturverlag, 1991. – 140 p. – ISBN 978-3938304761; Dworkin R. M. Life's Dominion. An Argument about Abortion and Euthanasia / R. M. Dworkin. – New York: Harper Collins, 1993. – 288 p. – ISBN – 978-0679733195.

стороны нашей эпохи. Как только мы перешагнули порог современности, воля и жизнь стали двумя сторонами нашего времени, двумя смыслами, переходящими друг в друга, как если бы они были записаны на ленте Мебиуса. Воля и жизнь предстают двумя сторонами этой ленты, этого настоящего, перетекающими одна в другую. Но мы, современные, не являемся ни тем, ни другим. Мы лишь складка, петля, которая позволяет ленте настоящего преследовать себя и обвиваться вокруг пустоты. Мы, современные, не существуем. Мы всего лишь живем и желаем. «Ирония этого диспозитива: он заставляет нас верить, что дело тут касается нашего “освобождения”³⁸: он заставляет нас верить, что на кону стоит свобода — наша свобода, призванная сделать нас людьми, в то время как внутри нас бушует битва, в которой очень мало человеческого. «Мы волим сами себя...»³⁹

Библиография

1. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб: А-сad, 1994. – 408 с. – ISBN: 5-85962-021-7.
2. Фуко М. Что такое Просвещение // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Статьи и интервью 1970–1984. В 3 ч. Ч. 1 / М. Фуко. – М.: Праксис, 2002. – С. 335–359. – ISBN 5-910574-23-0.
3. Fimiani M. Foucault e Kant. Critica, clinica, etica / M. Fimiani. – Napoli: Città del Sole, 1997. – 145 p. – ISBN 8886521669.
4. Фуко М. Нужно защищать общество / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2005. – 312 с. – ISBN 5-02-026848-8.
5. Foucault M. La situation de Cuvier dans l’histoire de la biologie // Foucault M. Dits et écrits. En 4 vol. Vol. 2 / M. Foucault. – Paris: Gallimard, 1994. – P. 63–92. – ISBN 978-2070761869.
6. Maynard S. J. The Problems of Biology / S. J. Maynard. – Oxford: Oxford University Press, 1986. – 144 p. – ISBN 9780192891983.
7. Gayon J. Darwin et l’après-Darwin. Une histoire de l’hypothèse de la sélection naturelle / J. Gayon. – Paris: Kimé, 1992. – 453 p. – ISBN 2-908212-14-5.
8. Roger J. Les sciences de la vie dans la pensée française du XVIII

³⁸ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. – М.: Касталь, 1996. – С. 268.

³⁹ Хайдеггер М. Самоутверждение немецкого университета / М. Хайдеггер // Историко-философский ежегодник, 1994. – М.: Наука, 1995. – С. 298–304.

siècle. La génération des animaux de Descartes à l'Encyclopédie / Roger J. – Paris: Albin Michel, 1993. – 852 p. – ISBN 2226049428.

9. Jonas H. Das Prinzip Leben. Ansätze zu einer philosophischen Biologie / H. Jonas. – Frankfurt am Main: Insel, 1994. – 408 p. – ISBN 3518391984.

10. Popper K. R. Darwinism as a Metaphysical Research Programme' / K. R. Popper // Philosophy of Science: Contemporary Readings / Y. Balashov, A. Rosenberg (eds.). – London, New York: Routledge, 2002. – P. 302–320. – ISBN 0415257824.

11. Popper K. R. Unended Quest. An Intellectual Autobiography / K. R. Popper. – Glasgow: Fontana-Collins, 1976. – 260 p. – ISBN 0875483437.

12. Foucault M., Chomsky N. De la nature humaine: justice contre pouvoir / M. Foucault, N. Chomsky. – Paris: L'Herne, 2007. – 112 p. – ISBN 2851976583.

13. Jacob F. La logique du vivant. Une histoire de l'hérédité / F. Jacob. – Paris: Gallimard, 1970. – 352 p. – ISBN 9782070293346.

14. Lakoff G. Cognitive Semantics / G. Lakoff // Meaning and Mental Representations / U. Eco, M. Santambrogio, P. Violi (eds.) – Bloomington-Indianapolis: Indiana University Press, 1988. – P. 119–154.

15. Taylor C. Sources of the Self. The Making of Modern Identity / C. Taylor. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1989. – 624 p. – ISBN 978-0674824263.

16. Duden B. Der Frauenleib als öffentlicher Ort. Vom Mißbrauch des Begriffs Leben / B. Duden. – Hamburg-Zürich: Luchterhand Literaturverlag, 1991. – 140 p. – ISBN 978-3938304761.

17. Dworkin R. M. Life's Dominion. An Argument about Abortion and Euthanasia / R. M. Dworkin. – New York: Harper Collins, 1993. – 288 p. – ISBN– 978-0679733195.

18. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. – М.: Касталь, 1996. – 448 с. – ISBN 5-85374-006-7.

19. Хайдеггер М. Самоутверждение немецкого университета / М. Хайдеггер // Историко-философский ежегодник, 1994. – М.: Наука, 1995. – С. 298–304.

The untamed ontology

Davide Tarizzo — Associate Professor of Political Philosophy at the University of Salerno; Fisciano (SA), Italy; e-mail: dtarizzo@unisa.it

ORCID: 0000-0002-1688-7430

Translated from Italian: Ul'yana Putilina — Master's student at the University of Ca' Foscari; Venice, Italy; e-mail: pulja99@yandex.ru

Scientific Editor: Pavel Odincov — PhD student of the Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; Moscow, Russia; e-mail: odintsow.pav@yandex.ru

Keywords: modernity, life, Foucault, untamed ontology, biopolitics

According to Michel Foucault, the emergence of a new science of life, biology, was one of the axes of the scientific revolution. Before moving in the 1970s to analyse biopower and biopolitics as central categories of modernity, in *The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences*, Foucault wrote about life in terms of the «secret force» that underlies modern biology and can be seen as its epistemological a priori. The invention of modernity and the modern notion of life, Michel Foucault emphasises, occur simultaneously — within the same ontological framework, which he calls the «untamed ontology». What are the main features of this ontology? How does it affect our conception of «life»? How does it relate to the biopolitical turn? According to Davide Tarizzo, in order to answer these questions, we must first ask ourselves whether our conception of «life» does not contain metaphysical assumptions that are still partially hidden under our scientific and political claims. The author proposes to extend the scope of an untamed ontology and to connect the semantics of autonomous will and the semantics of autonomous life through the claim that it is autonomy that constitutes the metaphysical threshold of modernity.

References

1. Foucault M. Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk [The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences] / M. Foucault. – St. Petersburg: A-cad, 1994. – 408 p. – ISBN: 5-85962-021-7.
2. Foucault M. Chto takoe Prosveshchenie? [What is Enlightenment?] // Foucault M. Intellektualy i vlast'. Stat'i i interv'yu 1970–1984. V 3 ch. Ch. 1 [Intellectuals and Power. Articles and Interviews 1970–1984. In 3 ch. Ch. 1] / M. Foucault. – Moscow: Praksis, 2002. – P. 335–359. – ISBN 5-910574-23-0.
3. Fimiani M. Foucault e Kant. Critica, clinica, etica / M. Fimiani. – Napoli: Città del Sole, 1997. – 145 p. – ISBN 8886521669.
4. Foucault M. Nuzhno zashchishchat' obshchestvo [Society Must Be Defended] / M. Foucault. – St. Petersburg: Nauka, 2005. – 312 p. – ISBN 5-02-026848-8.
5. Foucault M. La situation de Cuvier dans l'histoire de la biologie [Cuvier's Situation in the History of Biology] // Foucault M. Dits et écrits. En 4 vol. Vol. 2 / M. Foucault. – Paris: Gallimard, 1994. – P. 63–92. – ISBN 978-2070761869.
6. Maynard S. J. The Problems of Biology / S. J. Maynard. – Oxford: Oxford University Press, 1986. – 144 p. – ISBN 9780192891983.
7. Gayon J. Darwin et l'après-Darwin. Une histoire de l'hypothèse de la sélection naturelle [Darwin and After Darwin: A History of the Hypothesis of Natural Selection] / J. Gayon. – Paris: Kimé, 1992. – 453 p. – ISBN 2-908212-14-5.
8. Roger J. Les sciences de la vie dans la pensée française du XVIII siècle. La génération des animaux de Descartes à l'Encyclopédie [The Life Sciences in French Thought of the 18th Century. The Generation of Animals from Descartes to the Encyclopedia] / J. Roger. – Paris: Albin Michel, 1993. – 852 p. – ISBN 2226049428.
9. Jonas H. Das Prinzip Leben. Ansätze zu einer philosophischen Biologie [The Phenomenon of Life: Toward a Philosophical Biology] / H. Jonas. – Frankfurt am Main: Insel, 1994. – 408 p. – ISBN 3518391984.
10. Popper K. R. Darwinism as a Metaphysical Research Programme / K. R. Popper // Philosophy of Science: Contemporary Readings / Y. Balashov, A. Rosenberg (eds.). – London, New York: Routledge, 2002. – P. 302–320. – ISBN 0415257824.
11. Popper K. R. Unended Quest. An Intellectual Autobiography / K. R. Popper. – Glasgow: Fontana-Collins, 1976. – 260 p. – ISBN 0875483437.

12. Foucault M., Chomsky N. De la nature humaine: justice contre pouvoir [On Human Nature: Justice Versus Power] / M. Foucault, N. Chomsky. – Paris: L’Herne, 2007. – 112 p. – ISBN 2851976583.

13. Jacob F. La logique du vivant. Une histoire de l’hérédité [The Logic of Life: A History of Heredity] / F. Jacob. – Paris: Gallimard, 1970. – 352 p. – ISBN 9782070293346.

14. Lakoff G. Cognitive Semantics / G. Lakoff // Meaning and Mental Representations / U. Eco, M. Santambrogio, P. Violi (eds.). – Bloomington-Indianapolis: Indiana University Press, 1988. – P. 119–154.

15. Taylor C. Sources of the Self. The Making of Modern Identity / C. Taylor. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1989. – 624 p. – ISBN 978-0674824263.

16. Duden B. Der Frauenleib als öffentlicher Ort. Vom Mißbrauch des Begriffs Leben [The Woman’s Body as a Public Space: On the Misuse of the Concept of Life] / B. Duden. – Hamburg-Zürich: Luchterhand Literaturverlag, 1991. – 140 p. – ISBN 978-3938304761.

17. Dworkin R. M. Life’s Dominion: An Argument About Abortion and Euthanasia / R. M. Dworkin. – New York: Harper Collins, 1993. – 288 p. – ISBN – 978-0679733195.

18. Foucault M. Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual’nosti. Raboty raznykh let [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality. Selected Works] / M. Foucault. – Moscow: Kastal’, 1996. – 448 p. – ISBN 5-85374-006-7.

19. Heidegger M. Samoutverzhdienie nemetskogo universiteta [The Self-Assertion of the German University] / M. Heidegger // Istoriko-filosofskiy ezhegodnik [Yearbook of History and Philosophy], 1994. – Moscow: Nauka, 1995. – P. 298–304.

Тоталитаризм или биополитика? К вопросу о философской интерпретации XX века

Роберто Эспозито — профессор теоретической философии, Высшая нормальная школа; Пиза, Италия; e-mail: roberto.esposito@sns.it

*Пер. с английского*¹: Михаил Журавлев — аспирант философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова; Москва, Россия; e-mail: zj-mk@yandex.ru

Ключевые слова: жизнь, власть, биополитика, демократия, тоталитаризм

В статье Роберто Эспозито обращается к двум противоположным способам философской интерпретации XX века: парадигме тоталитаризма и парадигме биополитики. Он утверждает, что философским основанием парадигмы тоталитаризма, представленной в работах Ханны Арендт, Якова Тальмона, Раймона Арона, Франсуа Фюре, Марселя Гоше и Клода Лефора, является историцизм, нацеленный на поиск истоков и предполагающий непрерывность и направленность истории. Автор указывает на ряд апорий, присущих этой парадигме, и делает вывод о логической неконсистентности категории тоталитаризма. Что касается парадигмы биополитики, она восходит к генеалогии Ницше, получает развитие у Фуко и подразумевает интерпретацию истории как истории конфликтов и наложений между различными векторами смысла. Рассматривая эту парадигму, автор настаивает на теоретической несостоятельности двух концептуальных слияний: с одной стороны, нацизма и коммунизма, с другой стороны, либерализма и демократии. Коммунизм принадлежит философской традиции Запада, тогда как нацизм — не политическая философия, а скорее политическая биология — из нее выпадает. Согласно Эспозито, исторически либеральной демократии никогда существовало, а с философской точки зрения понятия демократии

¹ Перевод выполнено по изданию: Esposito R. Totalitarianism or Biopolitics? Concerning a Philosophical Interpretation of the Twentieth Century / R. Esposito // *Critical Inquiry*. – 2008. – Vol. 34. – No. 4. – P. 633–644. Публикуется с любезного разрешения автора.

и либерализма попросту несовместимы. Он утверждает, во-первых, что существует определенная культурная и языковая близость между нацизмом и либерализмом (в обоих случаях центральное значение имеет *bios* как объект и субъект политики), и, во-вторых, что коммунизм следует рассматривать как пароксизмальное завершение демократии. Автор указывает на невозможность функционирования традиционной демократии в условиях биополитического поворота и ставит вопрос о том, что могла бы представлять из себя новая биополитическая демократия — или демократическая биополитика.

1

что означает *интерпретировать XX век философски*? Мы можем привести два разных и в чем-то противоположных ответа. Первый из них был предложен классической философской традицией двадцатого века, самые прославленные представители которой — Эдмунд Гуссерль, Мартин Хайдеггер и Жан-Поль Сартр. Для этой традиции философия и только она одна способна дать ключ к пониманию событий современной истории, выразить их сущностный смысл. Не столь важно, где будет найден этот ключ: в кризисе европейских наук (Гуссерль), в историческом шествии нигилизма (Хайдеггер) или же в освобождении угнетенных (Сартр). Так или иначе, понимание истории соотнобразуется с внутренними требованиями самой философии, которая стремится придать смысл событиям прошлого и внести порядок в движение истории. Таким образом, философия навязывает себя истории: как если бы только она одна была способна охватить множество фактов единым движением смысла и, наоборот, как если бы без нее история лишалась какого-либо значения.

Первому ответу, который, следует признать, имел серьезнейшие интеллектуальные следствия, мы можем противопоставить другой ответ, переворачивающий его логику. А именно, что движение истории уже не подчиняется требованиям данной философии; напротив, в исторических событиях обнаруживаются характеристики или элементы, которые сами по себе являются философскими. Смысл больше не накладывается на события извне в соответствии с определенной философской перспективой. Теперь речь скорее идет о том, как зарождается смысл, как он конституируется самими фактами — их новизной, масштабом и последствиями. Возможно, это из-

менение точки зрения ощущается также в том, что великая традиция философии двадцатого века — от Хайдеггера до Витгенштейна, включая Кожева — определила, с одной стороны, как «конец философии», а с другой — как «конец истории». В действительности, если чему и пришел конец, так это возможности видеть в истории объект философской рефлексии. Теперь история становится уже не объектом, а, если угодно, субъектом философии, тогда как философия, в свою очередь, перестает быть формой истории и становится ее содержанием.

Если события нашего времени обладают философской глубиной, то наша задача заключается уже не в том, чтобы придать надлежащий смысл ходу истории, а в том, чтобы обратиться к смыслу, который изначально присутствует в этих событиях. Вопреки тому, что предполагали все философии истории — вне зависимости от того, прогрессистские они или пессимистические, воспринимают историю как восхождение или, напротив, как упадок, — история не обладает единственным и предзаданным смыслом, а складывается из встреч и столкновений множества различных семантических векторов, которые часто соперничают друг с другом. Вопреки тому, что предполагали все философии истории — вне зависимости от того, прогрессистские они или пессимистические, воспринимают историю как восхождение или, напротив, как упадок, — история не обладает единственным и предзаданным смыслом, а складывается из встреч и столкновений множества различных семантических векторов, которые часто соперничают друг с другом. Безусловно значимые события, такие как террористическая атака на Башни-близнецы, опрокидывают существующие горизонты смысла и тотчас открывают новые. Когда мы используем слово «философский» по отношению к современной истории, мы не имеем в виду, что только философия предоставляет адекватные средства для ее понимания, в отличие от более ограниченных подходов экономики, социологии или политологии (как предлагал несколько лет назад Аугусто дель Ноче)². Мы лишь утверждаем, что решающие события современной истории (мировые войны, появление технологий, глобализация и терроризм) сами по себе являются философскими силами, которые стремятся господствовать над миром и его интерпретацией — и, следовательно, установить его предельный горизонт его смысла. Именно поэтому еще

² См.: Del Noce A. L'Interpretazione transpolitica della storia contemporanea / Del Noce A. — Naples: Guida, 1982. — 47 p. — ISBN 9788870421613.

до того, как в игру вступят нефть, оружие и демократия, метафизические ставки конфликта сущностно определяют то, как мы будем понимать современную историю.

2

Теперь я хотел бы соотнести эти две модальности понимания современной истории — традиционную *философию истории* и *историю как философию* — с двумя герменевтическими парадигмами, которые часто смешивают и накладывают друг на друга, но которые, на мой взгляд, являются взаимоисключающими как в своих предпосылках, так и в своих следствиях. Я говорю о парадигмах тоталитаризма и биополитики. Несмотря на попытки объединить эти парадигмы в рамках подхода, где одна из них становится продолжением и обоснованием другой (биополитический тоталитаризм или тоталитарная биополитика), в действительности мы имеем дело с интерпретационными моделями, которые не только не совпадают в своей логике, но и заведомо исключают друг друга. Дело не столько в их содержании, сколько в том, как они определяют отношение *между* философией и историей и как они истолковывают задачу философского мышления истории.

В модели тоталитаризма история понимается как непрерывная хронологическая последовательность, внутри которой две непримиримые альтернативы, демократия и тоталитаризм, поочередно приходят на смену друг другу. Длительная фаза общего развития либеральной демократии сменяется в середине прошлого века тоталитарным периодом как на Западе, так и на Востоке; этот период, в свою очередь, завершается двумя победами западной либерально-демократической модели (первая произошла в 1945 году, вторая — в 1989 году). Таким образом, мы получаем одновременно историческую и философскую конфигурацию: период до 1920-х годов, мыслится как время прогресса, затем его сменяет регресс; во второй половине XX столетия история вновь принимает верное направление, и начинается новый подъем (хотя и возникают новые риски, связанные, прежде всего, с Исламским миром). Подобная динамика имеет место при сущностном единообразии форм, содержаний и языков (в действительности временами глубоко различных). Я имею в виду не только нацизм и коммунизм, которые сливаются в единый концептуальный блок, но также единство либерализма и демократии: такая

философия истории более склонна накладывать их друг на друга, нежели проводить между ними различия.

Тоталитарная парадигма рождается из традиционной философии истории, о чем свидетельствует ее постоянное (и противоречивое) обращение к категории *истока*. Неслучайно, что этот термин появляется в названии двух важнейших политических работ прошлого века — «Истоков тоталитаризма» Ханны Арендт и «Истоков тоталитарной демократии» Якова Тальмона. Разговор об истоках недвусмысленно указывает на то, что, хотя категория тоталитаризма и претендует на концептуальную новизну, ее философские основания являются совершенно классическими³. И Арендт и Тальман ставят следующие вопросы: каково происхождение тоталитаризма? что вызывает его к жизни? какова первооснова всего того, что принес в мир тоталитаризм XX века? Но именно здесь проявляется первая антиномия данной интерпретативной парадигмы: как возможно проследить происхождение феномена тоталитаризма, если он, как утверждает Арендт, резко отличается от всех прочих форм правления, ввиду чего его возникновение не может быть вписано в каузальный ряд какой-либо генеалогии? Зачем искать исток того, что, как кажется, не имеет истока? Как одновременно удержать принципиальный исторический разрыв, то есть абсолютную новизну тоталитаризма, и в то же время непрерывность происхождения, его неразрывную связь с истоком?

Хотя Арендт и Тальмон предлагают различные интерпретации, обе они разработаны в русле философского историцизма. Согласно Арендт, вся западная политическая традиция восходит к изначальной утрате греческого полиса. Соответственно, вся последующая история обречена на процесс деполитизации, которому суждено слиться с антиполитическим дрейфом тоталитаризма. Общая динамика и, что более важно, единая логика тоталитаризма XX века совпадают со столь же гомогенной логикой Модерна в целом и завершают ее (возникновение тоталитаризма было если и не с необходимостью предрешено, то в сущности подготовлено, требовались лишь определенные условия). Анализируя эти процессы, Арендт обнаруживает внезапное ускорение, которое имело место между Модерном и тоталитаризмом: оно позволяет различить их черты, но они оба принадлежат к одной и той же исторической траектории, которая начинается с Гоббса

³ См.: Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арендт. – М.: ЦентрКом, 1996. – 672 с. – ISBN 5-87129-006-X. А также: Talmon J. L. The Origins of Totalitarian Democracy / J. L. Talmon. – London: Secker & Warburg, 1952. – 366 p.

(Арендт довольно грубо характеризует его как философа, «снабдившего политическую мысль предпосылкой для всех расовых теорий»⁴) и обрывается на пороге бездны Освенцима и Колымы. Другая интерпретация, предложенная Тальмоном (а также в несколько модифицированном виде Франсуа Фюре), пытается отыскать истоки тоталитаризма внутри самой демократической традиции, Другая интерпретация, предложенная Тальмоном (а также в несколько модифицированном виде Франсуа Фюре), пытается отыскать истоки тоталитаризма внутри самой демократической традиции, которой он должен противопоставляться⁵. В этом случае смысл тоталитаризма обнаруживается в изначальном недуге (*malattia*), который, если его не получается найти у Гоббса, возводят к Руссо, и который, если он уже не лежит у истоков Модерна, относится к его решающему событию — Французской революции. Но здесь парадигма тоталитаризма оказывается в плену второй антиномии: ссылаясь на Французскую революцию, которая, по словам Фюре, является самой крайней формой демократического деспотизма, еще можно объяснить коммунизм, но какое отношение это имеет к нацизму?

Даже для монументального сочинения Арендт характерны подобные логические и исторические трудности. Текст «Истоков тоталитаризма» обнаруживает характерную асимметрию. В первой части мы находим внушительную генеалогическую реконструкцию нацистского антисемитизма военного периода; следующая часть, затрагивающая возникновение сталинизма и, очевидно, обусловленная климатом холодной войны, гораздо слабее. Можно попытаться объяснить этот перекося эмпирически, ссылаясь на отсутствие доступа к советским архивам. Однако в действительности он затрагивает наиболее проблематичный момент всей интерпретационной модели Арендт. А именно, он связан с попыткой отыскать корни советского коммунизма в том же дегенеративном дрейфе, который породил нацизм (от кризисов национального государства к колониальному империализму и стремительному распространению биологического расизма). Возникает вопрос: как удержать в едином категориальном горизонте такую гипернатуралистическую концепцию, как нацизм,

⁴ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арендт. – М.: ЦентрКом, 1996. – С. 227.

⁵ См.: Furet F. Revolutionary France, 1770–1880 / F. Furet. – Oxford: Blackwell, 1992. – 630 p. – ISBN 978-0631170297; Furet F. The Passing of an Illusion: The Idea of Communism in the Twentieth Century / F. Furet. – Chicago: University of Chicago Press, 1999. – 596 p. – ISBN 978-0226273419.

и историцистский пароксизм коммунизма? Как объединить теорию абсолютного равенства — а именно это предполагает коммунизм, по крайней мере, на уровне своих философских принципов — с теорией и практикой абсолютного различия, которые мы находим в нацизме? Таким образом, парадигма тоталитаризма, основанная исключительно на противопоставлении периодов демократии и периодов тоталитаризма, обнаруживает логические, категориальные и языковые цезуры, которые пронизывают всю современную историю и которые едва ли могут быть вписаны в рамки этой бинарной оппозиции.

Те же самые логические и исторические трудности, из-за которых «Истоки тоталитаризма» Арендт остаются монументальным трудом *о нацизме* (в то время как рассмотрение коммунизма отходит на второй план), становятся причиной того, почему Раймон Арон, Тальмон и Фюре, напротив, занимаются исключительно коммунизмом⁶. Арон в книге *«Демократия и тоталитаризм»* объясняет, почему он решил (или вынужден был) обойти в своем анализе другой полюс тоталитарной парадигмы: его интересуют только те режимы, которые провозглашают себя демократическими, но в действительности представляют собой извращенное отклонение от демократии. Тальмон и Фюре (а также Марсель Гоше и Клод Лефор) согласны с Ароном: левый тоталитаризм рождается из пораженного недугом ребра демократии и, следовательно, является ее частью⁷. Более того, тоталитарный режим возникает не из недостатка, а скорее из избытка демократии, из демократии настолько радикальной, экстремальной и абсолютной, настолько полной эгалитаризма, что она пересекает свои собственные формальные границы и схлопывается в свою противоположность. Коммунизм — таков тезис Гоше — устанавливается путем перверсивного искажения демократической модели, которая

⁶ См.: Арон Р. Опиум интеллектуалов / Р. Арон. — М.: АСТ, 2015. — 480 с. — ISBN 978-5-17-081909-6; Aron R. Democracy and Totalitarianism: A Theory of Political Systems / R. Aron. — Ann Arbor: University of Michigan Press, 1990. — 262 p. — ISBN 978-0472064519; Aron R. Power, Modernity, and Sociology: Selected Sociological Writings / R. Aron / D. Schnapper (ed.). — London: Edward Elgar Publishing, 1988. — 234 p. — ISBN 978-1852780302.

⁷ См.: Gauchet M., Swain G. Madness and Democracy: The Modern Psychiatric Universe / M. Gauchet, G. Swain. — Princeton: Princeton University Press, 1999. — 360 p. — ISBN 978-0691033723; Gauchet M. La Révolution des pouvoirs: La Souveraineté, le peuple, et la représentation, 1789–1799 / M. Gauchet. — Paris: Gallimard, 1995. — 304 p. — ISBN 978-2070742974; Gauchet M. La Révolution des droits de l'homme / M. Gauchet. — Paris: Gallimard, 1989. — 341 p. — ISBN 2-07-071583-3; Lefort C. Writing: The Political Test / C. Lefort. — Durham: Duke University Press Books, 2000. — 312 p. — ISBN 978-0822325208; Lefort C. La Complication: Retour sur le communisme / C. Lefort. — Paris: Fayard, 1999. — 257 p. — ISBN 978-2213603155.

искажает ее черты, но основывается на тех же предпосылках. Коммунизм — одновременно мечта демократии и ее ночной кошмар. Здесь мы ясно можем видеть цепочку апорий всей тоталитарной парадигмы. С одной стороны, если коммунизм не только расположен в концептуальном горизонте демократии, возникшем после Французской революции, но и в определенном смысле доводит демократию до предела в своем избытке эгалитаризма, не разрушает ли это основополагающее для всего дискурса различие между тоталитаризмом и демократией? Может ли тоталитаризм находиться в оппозиции по отношению к тому, что является его истоком? С другой стороны, если в случае коммунизма такая антиномическая связь с демократией действительно имеет место, то, очевидно, невозможно утверждать нечто подобное о нацизме, который остается за границами аналитической рамки всех упомянутых авторов. Но тогда сама категория тоталитаризма утрачивает логическую консистентность. Таким образом, тоталитарная парадигма не находит твердых оснований ни в истории, ни в философии.

3

В отличие от парадигмы тоталитаризма, биополитическая парадигма не основана на философской пресуппозиции: минуя историцизм, она обращается к конкретным событиям — не только к фактам, но и к языкам, которые позволяют этим фактам войти в поле рациональности. Еще до фукианского анализа биополитики Ницше предложил проект генеалогии, частью которого была деконструкция понятия истока (истока, который после и в обход Ницше продолжали искать теоретики тоталитаризма). Поэтому именно обращение к Ницше позволит раскрыть новую перспективу понимания истории. Если не существует единого и абсолютного истока исторического процесса, если первоначально никогда не было чем-то одним, если оно всегда расщеплено, так что начала множатся, то в поиске истоков нет никакого смысла. В этом состоит урок Ницше, резко выступавшего против всевозможных форм философского историцизма. Более того, в таком случае само историческое событие Запада невозможно свести к одной-единственной линейной перспективе. Интерпретация Модерна глубинным образом меняется: история, пересеченная множеством горизонтальных и вертикальных разрывов, утрачивает единство и непрерывность. Кроме того, если тоталитарная парадигма

замыкает событие в узких рамках языка политического анализа, то биополитика делает возможным раскрытие более сложных отношений, возникающих из встреч, конфликтов и наслоений словарей различных дисциплин, которые взаимодействуют между собой и Интерпретация Модерна глубинным образом меняется: история, пересеченная множеством горизонтальных и вертикальных разрывов, утрачивает единство и непрерывность. Кроме того, если тоталитарная парадигма замыкает событие в узких рамках языка политического анализа, то биополитика делает возможным раскрытие более сложных отношений, возникающих из встреч, конфликтов и наслоений взаимодействующих друг с другом словарей различных дисциплин. Появление на сцене биологической жизни является событием исторического разрыва, однако оно вовсе не обязательно склоняет современную философию к деполитизации, как предполагает модель Арендт. Напротив, оно открывает для философии различные семантические векторы, которые частично накладываются друг на друга, но не сходятся в единую линию. Сила биополитической перспективы заключается именно в ее способности истолковывать эти переплетения и конфликты, обнаруживать брешь в поле смысла и распознавать ее следствия, а именно, важнейшую антиномию между пересекающимися, но изначально гетерогенными языками — между языком политики и языком биологии. Что случается, когда внешнее — жизнь — вторгается в политику, тем самым нарушая ее предполагаемую автономию и смещая дискурс в новую область, которая не сводится к традиционным понятиям *демократии, власти и идеологии*?

Чтобы поставить вопрос о радикальной гетерогенности феномена нацизма, необходимо рассмотреть его в перспективе биополитики. Не прибегая к самым поздним интерпретациям, Эрнст Нольте, которого нельзя заподозрить в прогошитских симпатиях, указал на теоретическую ошибочность объединения идеологии коммунизма (какими бы катастрофическими ни были его политические последствия) с нацизмом в рамках общего концептуального словаря⁸. Вопреки утверждению Арендт, их ни в коем случае нельзя подводить под одну категорию. Дело в том, что нацизм вообще не является идеологией, то есть не принадлежит измерению идей, из которого, в свою очередь, возник коммунизм в марксистском изводе. Нацизм не принадлежит роду «тоталитаризм», поскольку он находится вне

⁸ См.: Нольте Э. Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм / Э. Нольте. – М.: Логос, 2003. – 528 с. – ISBN 5-8163-0046-6.

западной традиции (традиции, которая, помимо всего прочего, породила философию коммунизма). Более того, именно в противовес этой традиции – которой, несмотря на все различия, принадлежат как коммунизм, так и либерализм, поскольку на фундаментальном уровне они разделяют общий ориентир на универсальную и трансцендентную идею, — нацизм разрабатывает радикально иную концепцию, которая больше не нуждается в легитимации со стороны какой-либо идеи, и находя свое сущностное основание в простой материальной силе. Последняя не является продуктом истории, контингентным либо необходимым, определяющим отношения между людьми на основании свободных решений или, как утверждает коммунизм, на основании социальных условий; скорее, это абсолютно естественный факт, который касается голой биологической жизни. Признать, что нацизм предпринял беспрецедентную попытку освобождения природных свойств существования от каких бы то ни было исторических детерминаций — значит, опрокинуть тезис Арндт о возможности объединения нацистской философии природы и коммунистической философии истории под рубрикой тоталитаризма. Они абсолютно несовместимы, и, следовательно, само понятие тоталитаризма оказывается несостоятельным с философской точки зрения.

В перспективе биополитики XX век, да и весь Модерн в целом, определяется не поверхностным и противоречивым противопоставлением тоталитаризма и демократией, но более глубокой — поскольку она касается сохранения жизни — антитезой между историей и природой, историзацией природы и натурализацией истории. Эта антитеза является более глубокой еще и потому, что ее невозможно представить в форме бинарной оппозиции: понятая биологически (как в нацизме), природа становится не анти-историей, то есть философией или идеологией, противопоставленной истории, а, скорее, не-философией и не-идеологией.

Нацизм — это не политическая философия, а политическая биология, политика жизни (причем жизнь — одновременно субъект и объект политики), превращенная в свою противоположность, ставшая машиной для производства смерти. Как писал в 1930-е годы Эммануэль Левинас, в нацизме биологическое фатальным образом становится не просто объектом духовной жизни, а ее ядром⁹. Именно этот чисто биологический и, как следствие, танатополитический элемент

⁹ См.: Levinas E. Reflections on the Philosophy of Hitlerism / E. Levinas // Critical Inquiry. – 1990. – Vol. 17. – P. 62–71.

нацизма делает категорию тоталитаризма исторически и теоретически непригодной (и дело тут даже не в количестве жертв нацистского режима).

4

Вопреки иллюзиям тех, кто полагал, что коллапс так называемых тоталитаризмов — один из которых породил катастрофу мирового масштаба, а другой схлопнулся под собственным весом — позволит нам вернуться к старому политическому словарю, проблема биополитики теперь становится как никогда актуальной. С этой точки зрения, окончание Второй мировой войны вовсе не знаменует собой победу альянса демократии и коммунизма ни на уровне языка, ни на уровне материальной практики. Если кто и вышел победителем, так это либерализм. Однако либерализм принадлежит к тому же биополитическому режиму, который, хотя он и был ориентирован в противоположном направлении, привел к нацизму. В определенном смысле нацизм гораздо более современен, чем коммунизм: он выходит из войны окончательно побежденным в военном и политическом отношении, однако в плане культуры и языка вновь утверждается центральное значение *bios*'а¹⁰ как объекта и субъекта политики, даже если оно претерпело изменения под влиянием либерализма. А именно, теперь не государство, а сам индивид присваивает свое тело и регулирует его возможные модификации, будучи собственником (*proprietary*) самого себя. Если человек для нацизма есть его тело и ничего больше, то для либерализма, начиная с Локка, человек *имеет* свое тело в собственности и, следовательно, может использовать его, трансформировать и продавать, словно тело — это раб. В этом смысле, с точки зрения концептуальных категорий, либерализм выворачивает нацистскую перспективу наизнанку, перенося собственность над телом от государства к индивиду, но остается в рамках того же биополитического словаря. Именно эта биополитическая составляющая либерализма отделяет его от демократии.

Несколько заостряя тезис, можно сказать, что вернуться к либеральной демократии после так называемых тоталитаризмов невозможно просто потому, что как таковая либеральная демократия никогда по-настоящему не существовала. Деконструкция категорий

¹⁰ О различии между *ζῷον* и *bios* см.: Агамбен Д. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Д. Агамбен. — М.: Издательство «Европа», 2011. — 256 с. — ISBN 978-5-9739-0202-5.

тоталитаризма, позволяющей ставить в один ряд нацизм и коммунизм, должна быть дополнена проблематизацией понятия либеральной демократии. Как отмечал Карл Шмитт в своем эссе о парламентаризме и демократии, идеология либерализма если и не противоположна идеологии демократии, то разительно отличается от нее¹¹. Логика, предпосылки и концептуальный язык либерализма отмечены антиэгалитаризмом, партикуляризмом и иногда даже натурализмом, тогда как демократия, напротив, стремится к эгалитаризму и универсализму. Если мы откажемся от историцизма в понимании Модерна, то мы увидим, что действительно важное концептуальное различие проходит вовсе не между либерально-демократическими и тоталитарными режимами, сменяющими друг друга на непрерывной линии истории. Настоящая линия разлома пересекает, с одной стороны, демократию и коммунизм, причем коммунизм является пароксизмальным завершением эгалитаризма демократии, а с другой — биополитику, которая, в свою очередь, раскалывается на две противоположные, но не чуждые друг другу формы: нацизм и либерализм, государственную биополитику и биополитику индивида.

Как показал Фуко, либерализм тесно связан с биополитикой, поскольку придает центральное значение вопросам управления жизнью. Таким образом, либерализм если не противоречит, то, по крайней мере, занимает внешнее положение по отношению к универсалистским процедурам демократии. Демократия, основанная на признании примата прав и свобод людей, наделенных разумом и волей, к 1920–1930-м годам уже пришла в упадок и не может быть восстановлена, не говоря уже о том, чтобы экспортировать ее куда-то еще. Разумеется, если свести демократический режим исключительно к формальному наличию политических партий, конкурирующих друг с другом, и к электоральной системе, с помощью которой формируется правящее большинство, то всегда можно утверждать, что число демократий в мире продолжает расти — и сегодня можно встретить такие утверждения. Но подобная редукция не позволяет распознать радикальные преобразования, охватившие демократические режимы, в результате которых открывается семантическая область, которую не покрывает традиционное понятие демократии. Не поймите меня неправильно: выдвигая этот тезис, я не имею в виду те

¹¹ Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма. Предварительные замечания (О противоположности парламентаризма и демократии) / К. Шмитт // Социологическое обозрение. – 2009. – Т. 8. – № 2. – С. 6–16.

дисфункции, дефекты, ограничения и противоречия, которые можно найти в любых политических формах. Последние, в самом деле, никогда не бывают совершенными. То, о чем я говорю, касается глубокого разрыва внутри самого демократического горизонта. Этот разрыв становится заметным, как только мы смещаем взгляд с формы на содержание, на «материал» текущего политического режима. Верно, что демократия как таковая не имеет содержания; это технология, совокупность правил, направленных на пропорциональное распределение власти в соответствии с волей избирателей. Но именно по этой причине демократия взрывается, когда вбирает в себя субстанцию, которую она не способна сдерживать, не превращаясь в нечто радикально иное.

Эта субстанция — не что иное, как биологическая жизнь индивидов и популяции. Сегодня она оказывается в центре всех важнейших политических решений. Разумеется, это не значит, что в ходе взаимодействий и столкновений между различными политическими силами на карту не ставятся и другие вопросы, касающиеся международных отношений и внутренних дел, моделей экономического развития и определения гражданских прав. Однако подрывной элемент по отношению к традиционным демократиям состоит в том, что каждый из этих вопросов отсылает непосредственно к телам граждан. Мы можем проследить направление этого парадигмального сдвига на примере Италии: большинство не так давно принятых законов, которые разрабатывались с опорой на общественное мнение, касались запрета курения, наркотиков, а также вопросов общественной безопасности, иммиграции и искусственного оплодотворения. Модель здравоохранения стала не только привилегированным объектом, но и самой формой политической жизни. Следовательно, формой политики, для которой жизнь является единственно возможным источником легитимности. Этот сдвиг связан главным образом с тем, что граждане постоянно интерпеллируются или объективно вовлекаются в процессы, связанные с вопросами о сохранении и границах их собственных тел. Но в тот решающий момент, когда живое или умирающее тело как символически, так и материально помещается в центр политических трансформаций и конфликтов, мы переходим в область, которая находится не «до» или «после» демократии, как иногда выражаются, а за ее пределами. Не только за пределами ее процедур, но также за пределами ее языка и концептуального аппарата. Демократия всегда обращена к множеству субъектов, равных постольку, поскольку они

берутся как чисто логические атомы, наделенные рациональной волей, и в этом смысле они отделены от собственных тел.

Такая абстракция или заключение тела в скобки также переключается с центральной ролью личности в демократической практике, причем «личность», в соответствии с первоначальным значением термина, понимается именно как развоплощенная субъективность, которая отлична от влечений, потребностей и желаний, принадлежащих измерению телесного¹². Но когда происходит реконструируемый нами биополитический поворот, это телесное измерение становится субъектом и объектом политического управления, и тогда принцип равенства оказывается под вопросом. Дело в том, что он неприменим к телу, которое как таковое отличается от всех других тел в соответствии с определенными, но исторически подвижными критериями. Кроме того, под вопросом оказывается целый ряд различий и оппозиций, на которых основывается концепция современной политики в целом и демократия в частности: публичное и приватное, искусственное и естественное, право и теология. В тот момент, когда тело замещает или дополняет абстрактный субъект права, становится трудно, если вообще возможно, определить, что относится к публичной сфере, а что к приватной, отличить то, что принадлежит естественному порядку, от того, что допускает техническое вмешательство — со всеми сопутствующими этическими и религиозными коллизиями.

Причина подобной неразличимости и тех резких контрастов, которые она неизбежно вызывает, заключается в том, что в пространстве человеческой жизни публичное и приватное, естественное и искусственное, политическое и теологическое оказываются так сильно переплетены, что никакое решение большинства не может развязать этот узел. Именно поэтому биополитика несовместима с концептуальным лексиконом демократии, и захват жизни аппаратами власти указывает на ее закат. По крайней мере, на закат известного нам вида демократии. Конечно, это не означает, что невозможна какая-то другая демократия, совместимая с разворачивающимся на наших глазах и уже необратимым биополитическим поворотом. Но где нам искать и как мыслить такую биополитическую демократию, или демократическую биополитику, которая не использовала бы тела, а использовалась ради них? Это непростой вопрос. Сейчас

¹² См.: Esposito R. *Terza persona: Politica della vita e filosofia dell'impersonale* / R. Esposito. Turin: Einaudi, 2007. – 184 p. – ISBN 978-8806187811.

перед нами лишь смутные очертания возможного ответа. Однако с определенностью можно сказать, что мышление в этом направлении требует, чтобы мы отбросили все старые философии истории с их концептуальными парадигмами.

Библиография

1. Del Noce A. L'Interpretazione transpolitica della storia contemporanea / Del Noce A. – Naples: Guida, 1982. – 47 p. – ISBN 9788870421613.
2. Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арендт. – М.: ЦентрКом, 1996. – 672 с. – ISBN 5-87129-006-X.
3. Talmon J. L. The Origins of Totalitarian Democracy / J. L. Talmon. – London: Secker & Warburg, 1952. – 366 p.
4. Furet F. Revolutionary France, 1770–1880 / F. Furet. – Oxford: Blackwell, 1992. – 630 p. – ISBN 978-0631170297.
5. Furet F. The Passing of an Illusion: The Idea of Communism in the Twentieth Century / F. Furet. – Chicago: University of Chicago Press, 1999. – 596 p. – ISBN 978-0226273419.
6. Арон Р. Опиум интеллектуалов / Р. Арон. – М.: АСТ, 2015. – 480 с. – ISBN 978-5-17-081909-6.
7. Aron R. Democracy and Totalitarianism: A Theory of Political Systems / R. Aron. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1990. – 262 p. – ISBN 978-0472064519.
8. Aron R. Power, Modernity, and Sociology: Selected Sociological Writings / R. Aron / D. Schnapper (ed.). – London: Edward Elgar Publishing, 1988. – 234 p. – ISBN 978-1852780302.
9. Gauchet M., Swain G. Madness and Democracy: The Modern Psychiatric Universe / M. Gauchet, G. Swain. – Princeton: Princeton University Press, 1999. – 360 p. – ISBN 978-0691033723.
10. Gauchet M. La Révolution des pouvoirs: La Souveraineté, le peuple, et la représentation, 1789–1799 / M. Gauchet. – Paris: Gallimard, 1995. – 304 p. – ISBN 978-2070742974.
11. Gauchet M. La Révolution des droits de l'homme / M. Gauchet. – Paris: Gallimard, 1989. – 341 p. – ISBN 2-07-071583-3.
12. Lefort C. Writing: The Political Test / C. Lefort. – Durham: Duke University Press Books, 2000. – 312 p. – ISBN 978-0822325208.
13. Lefort C. La Complication: Retour sur le communisme / C. Lefort. – Paris: Fayard, 1999. – 257 p. – ISBN 978-2213603155.

14. Нольте Э. Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм / Э. Нольте. – М.: Логос, 2003. – 528 с. – ISBN 5-8163-0046-6.

15. Levinas E. Reflections on the Philosophy of Hitlerism / E. Levinas // *Critical Inquiry*. – 1990. – Vol. 17. – P. 62–71.

16. Агамбен Д. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Д. Агамбен. – М.: Издательство «Европа», 2011. – 256 с. – ISBN 978-5-9739-0202-5.

17. Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма. Предварительные замечания (О противоположности парламентаризма и демократии) / К. Шмитт // *Социологическое обозрение*. – 2009. – Т. 8. – № 2. – С. 6–16.

18. Esposito R. Terza persona: Politica della vita e filosofia dell'impersonale / R. Esposito Turin: Einaudi, 2007. – 184 p. – ISBN 978-8806187811.

Totalitarianism or Biopolitics? Concerning a Philosophical Interpretation of the Twentieth Century

Roberto Esposito — Professor of Theoretical Philosophy at the Scuola Normale Superiore; Pisa, Italy; e-mail: roberto.esposito@sns.it

Transl.: Mihail ZHuravlev — PhD student of the Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; Moscow, Russia; e-mail: zj-mk@yandex.ru

Keywords: life, power, biopolitics, democracy, totalitarianism

The article explores the relation between historical knowledge and political philosophy of sovereignty in Michel Foucault's late work. The concept of «political historicism», introduced in «Society Must Be Defended» lectures, is analysed. This concept was not further developed by Foucault and thus has not attracted due attention in literature. However, its principles are incorporated into the genealogical method. According to Foucault, the classic theory of sovereignty initially articulated by Thomas Hobbes emerged as a counterweight to the historical-political discourse of seventeenth-century England. Although it includes the construct of «war of all against all», the historical factuality of war is not seen essential to the institution of political order. Historical knowledge is systematically disqualified from Hobbes's theory, which Foucault examines in its polemical context. He states that Hobbes opposes contemporary political historicism, which insists that any political idea can only be understood as a weapon of a particular ideological struggle. Despite all the differences between variants of political historicism developed from 17th century onwards, this kind of discourse always presupposes a specific form of sociology. According to that, the structure of society is binary, as it is constantly being split apart by two conflicting groups. Political history is thus the history of war within society. Contrary to the classic theory of sovereignty, this sociology systematically opposes society and the state. Here the state is seen not as a product of social

contract, but as a result of situational balance of powers, an instrument of continuation of the everlasting war within society by nonmilitary means. The article shows that Foucault not only studies political historicism as a form of historical knowledge, but also adheres to its principles in his own critique of sovereignty as a crucial component of the recent biopolitical dispositive. This is precisely the reason why among Foucault's better-known studies in genealogy, «Society Must Be Defended» is the closest one to a purely sociological work. Therefore, the more thorough study of political historicism allows to rehabilitate a relatively less explored region of Foucault's oeuvre and to outline new productive ways of keeping his legacy relevant while acknowledging the shortcomings of his method.

References

1. Del Noce A. L'Interpretazione transpolitica della storia contemporanea / Del Noce A. – Naples: Guida, 1982. – 47 p. – ISBN 9788870421613.
2. Arendt H. Istoki totalitarizma [The Origins of Totalitarianism] / H. Arendt. – Moscow: TsentrKom, 1996. – 672 p. – ISBN 5-87129-006-X. (In Russian)
3. Talmon J. L. The Origins of Totalitarian Democracy / J. L. Talmon. – London: Secker & Warburg, 1952. – 366 p.
4. Furet F. Revolutionary France, 1770–1880 / F. Furet. – Oxford: Blackwell, 1992. – 630 p. – ISBN 978-0631170297.
5. Furet F. The Passing of an Illusion: The Idea of Communism in the Twentieth Century / F. Furet. – Chicago: University of Chicago Press, 1999. – 596 p. – ISBN 978-0226273419.
6. Aron R. Opium intellektualov [The Opium of the Intellectuals] / R. Aron. – Moscow: AST, 2015. – 480 p. – ISBN 978-5-17-081909-6. (In Russian)
7. Aron R. Democracy and Totalitarianism: A Theory of Political Systems / R. Aron. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1990. – 262 p. – ISBN 978-0472064519.
8. Aron R. Power, Modernity, and Sociology: Selected Sociological Writings / R. Aron / D. Schnapper (ed.). – London: Edward Elgar Publishing, 1988. – 234 p. – ISBN 978-1852780302.
9. Gauchet M., Swain G. Madness and Democracy: The Modern Psychiatric Universe / M. Gauchet, G. Swain. – Princeton: Princeton University Press, 1999. – 360 p. – ISBN 978-0691033723.

10. Gauchet M. La Révolution des pouvoirs: La Souveraineté, le peuple, et la représentation, 1789–1799 / M. Gauchet. – Paris: Gallimard, 1995. – 304 p. – ISBN 978-2070742974.

11. Gauchet M. La Révolution des droits de l'homme / M. Gauchet. – Paris: Gallimard, 1989. – 341 p. – ISBN 2-07-071583-3.

12. Lefort C. Writing: The Political Test / C. Lefort. – Durham: Duke University Press Books, 2000. – 312 p. – ISBN 978-0822325208.

13. Lefort C. La Complication: Retour sur le communisme / C. Lefort. – Paris: Fayard, 1999. – 257 p. – ISBN 978-2213603155.

14. Nolte E. Evropeiskaya grazhdanskaya voyna (1917–1945). Natsional-sotsializm i bol'shevizm [European Civil War (1917–1945). National Socialism and Bolshevism] / E. Nolte. – Moscow: Logos, 2003. – 528 p. – ISBN 5-8163-0046-6. (In Russian)

15. Levinas E. Reflections on the Philosophy of Hitlerism / E. Levinas // Critical Inquiry. – 1990. – Vol. 17. – P. 62–71.

16. Agamben G. Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn' [Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life] / G. Agamben. – Moscow: Izdatel'stvo «Evropa», 2011. – 256 p. – ISBN 978-5-9739-0202-5. (In Russian)

17. Schmitt C. Dukhovno-istoricheskoe sostoyanie sovremennogo parlamentaryzma. Predvaritel'nye zamechaniya (O protivopolozhnosti parlamentaryzma i demokratii) [The Spiritual-Historical Condition of Contemporary Parliamentarism. Preliminary Remarks (On the Opposition of Parliamentarism and Democracy)] / C. Schmitt // Russian Sociological Review. – 2009. – Vol. 8. – No. 2. – P. 6–16. (In Russian)

18. Esposito R. Terza persona: Politica della vita e filosofia dell'impersonale / R. Esposito. – Turin: Einaudi, 2007. – 184 p. – ISBN 978-8806187811.

Политический историзм Мишеля Фуко

Антон Прокопчук — магистр философии, независимый исследователь; Минск, Беларусь; e-mail: hmr665@gmail.com

Ключевые слова: генеалогия, государство, историзм, исторический метод, политическая теология, социология, суверенитет

В статье исследуется структура отношений между историческим знанием и политической философией суверенитета в позднем творчестве Мишеля Фуко. Рассматривается понятие «политического историзма», введенное в курсе лекций «Нужно защищать общество» — утверждается, что, хотя оно не получило дальнейшего развития, его принципы были включены в генеалогический метод. Согласно Фуко, классическая теория суверенитета, впервые предложенная Томасом Гоббсом, возникает как противовес историко-политическому дискурсу Англии XVII в. Вопреки тому, что аргументация Гоббса включает в себя конструкцию «войны всех против всех», историческая конкретика войны не имеет принципиального значения для учреждения политического порядка. Гоббс систематически вытесняет историческую аргументацию из политической науки. Фуко предлагает рассмотреть эту концепцию в ее полемическом контексте. Оппонентами Гоббса здесь оказываются современные ему приверженцы дискурса политического историзма, подразумевающего, что всякая политическая идея может быть понята только как орудие конкретной идеологической борьбы. Несмотря на все различия между выработанными впоследствии вариантами политического историзма, такой дискурс всякий раз предполагает специфическую форму знания об обществе как постоянно находящемся в более или менее выраженном внутреннем конфликте. Политическая история рассматривается как история войны между сторонами этого противостояния. Вопреки классическим теориям суверенитета, общество здесь принципиально не совпадает с государством. В свою очередь, государство объявляется не продуктом договора о прекращении «войны всех против всех», а результатом сложившегося баланса сил, инструментом господства победителей над подчиненными и продолжения извечной войны внутри общества невоенными средствами. В статье

демонстрируется, что Фуко не только рассматривает политический историзм как явление, но и придерживается его принципов в собственной критике модели государственного суверенитета. Именно поэтому, в отличие от более известных исследований генеалогии техник индивидуализации, в лекциях «Нужно защищать общество» Фуко ближе всего подходит к чисто социологической проблематике. Таким образом, как утверждает автор, исследование политического историзма позволяет рассмотреть относительно малоисследованный этап творчества Фуко в новом свете, наметить новые продуктивные пути актуализации его наследия, а также обозначить некоторые издержки его подхода.

История против суверенитета

КУРС ЛЕКЦИЙ 1975–1976 ГГ. «Нужно защищать общество» отмечает переходный этап позднего творчества Фуко и, по сравнению с более знаменитыми текстами той поры, реже становится самостоятельным объектом исследования¹. Суть этой работы обычно сводится к темам теории войны и происхождения расизма, но, среди прочего, здесь вводится и любопытный концепт «политического историзма». Он не получил дальнейшего развития, и, вероятно, поэтому не анализируется в литературе. Однако Фуко не только разворачивает интеллектуальную историю этого дискурса, но и принимает его положения, используя их в критике философско-правового дискурса суверенитета, что позволяет рассматривать политический историзм как подготовительную стадию генеалогического метода. Поскольку Фуко использует слово «*historicisme*», возможная связь его концепции с немецким историзмом остается незамеченной. При том, что его подход далеко не во всем наследует *Historismus*, и их сопоставление кажется нам продуктивным. Оговоримся, что под «историзмом» далее понимается методологическая установка, в основе которой лежит представление об обусловленности фактов и действий прошлого, а также самого исторического знания, их специфическим контекстом². Подобной установке

¹ Кроме упоминаемых ниже см.: Groulx R. Michel Foucault, la politique comme guerre continuée / R. Groulx. – Paris: LHarmattan, 2015. – 280 p. – ISBN 978-2343062266; Marks J. Foucault, Franks, Gauls. Il faut défendre la société: The 1976 Lectures at the Collège de France / J. Marks // Theory, Culture & Society. – 2000. – 17 (5). – P. 127–147.

² Мейнеке Ф. Возникновение историзма / Ф. Мейнеке. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. – 480 с. – ISBN 978-5-98712-031-6; Руткевич А. М. Наследие историзма /

Фуко так или иначе следует во всех работах³, но в 1975 г. выражает ее наиболее ясно. Как и в других языках, «историзм» и «историцизм» во французском синонимичны, а попытки развести эти термины, кажется, только усугубляют путаницу. Эта двусмысленность характерна и для классического историзма, поскольку во избежание релятивизма соответствующие концепции то и дело дополняются представлением об общей логике истории. Однако когда испытывший некоторое влияние *Historismus* друг и соратник Мишеля Фуко Поль Вен эмоционально провозглашает, что Фуко не был «историцистом», он, очевидно, не имеет в виду историзм, поскольку тут же сравнивает дискурсивный анализ с историческим контекстуализмом⁴. Поэтому в рамках данного исследования мы предпочитаем заменять «историцизм» на «историзм» во всех цитатах из русского перевода, в остальном оставляя их без изменений. К сожалению, существующий перевод не свободен и от более существенных неточностей, поэтому в некоторых случаях мы ссылаемся на английский перевод как наиболее широкодоступный.

Предмет первых лекций курса «Нужно защищать общество» — история представлений об историческом знании. Как всегда у Фуко, вопрос о формах знания влечет за собой вопрос о власти. Исследуя западное политическое мышление, он подходит к проблеме «снизу вверх»⁵: изучает не «идеально-типические» механизмы учреждения суверенитета, но прослеживает генеалогию конкретных механизмов управления, которые лишь позднее будут регламентированы правом. В центре внимания оказываются историчные, стихийные способы локального оформления порядка. Вместе с тем метод Фуко в некотором смысле является и социологическим: общество здесь стратегически противостоит государству, а социология — политической философии и юриспруденции⁶. Историческое знание оказывается главным полем их противостояния. Критика суверенитета поэтому приобретает одновременно методологический и политический характер; неслучайно

А. М. Руткевич // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 4 (3). – С. 36–70; Трельч Э. Историзм и его проблемы / Э. Трельч. – М.: Юрист, 1994. – 720 с. – ISBN 5-7357-0047-2.

³ Власова О. А. Рождение фукианского метода: эпистемология/феноменология, психология/психиатрия / О. А. Власова // Логос. – 2019. – № 29 (2). – С. 25–50.

⁴ Вен П. Фуко. Его мысль и личность. / П. Вен. – СПб.: Владимир Даль, 2013. – 195 с. – ISBN 978-5-93615-135-4.

⁵ Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2005. – С. 49.

⁶ Там же. С. 48.

Фуко, обосновывая метод своего исследования, заводит речь о проблеме учреждения государства. Он утверждает, что дискурсы права и дисциплины исторически формируются и сосуществуют параллельно. Модель суверенитета не универсальна, но возобновляется с особой силой, когда начинает доминировать дисциплинарная технология власти. Первоначально «дискурс дисциплины чужд дискурсу закона», поскольку его источником является не право, а клинические знания⁷. Сегодня же суверенитет и дисциплина «фактически являются двумя безусловно определяющими частями общих механизмов власти в нашем обществе»⁸. Таким образом, у современного политического мышления двоякое происхождение. Суверенная власть и техники дисциплины вступают в сложные, подчас противоречивые отношения и вырабатывают взаимно опосредующий режим работы с истиной и знанием. Поэтому критика дисциплинарной власти предполагает отказ и от «старого права суверенитета».

С диспозитивом права и дисциплины связано становление биополитики. Классическое право знало индивида в качестве члена общества или подданного, дисциплинарные формы власти рассматривали его как тело. Новейшая технология власти имеет дело уже не с обществом или телами, а с населением⁹. Человечество унифицируется, но как род живого существа, при одновременном росте индивидуализма. Индивиды-особи складываются в управляемую популяцию, тем самым лишаясь настоящей истории. Всякое знание теперь вписано в универсальную иерархию научных дисциплин, регламентированную по принципу «полиции знаний»¹⁰. Фуко критикует суверенитет как составляющую новой конфигурации права и дисциплины¹¹, поскольку на нем до сих пор основано отрицание историзма, затемняющее конкретные отношения власти¹². Линейное, по сути, прогрессистское представление

⁷ Там же. С. 57.

⁸ Там же. С. 58.

⁹ Там же. С. 256. Ср.: Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2011. – 544 с. – ISBN 978-5-02-037115-6.

¹⁰ Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2005. – С. 196–197.

¹¹ Ср. с пониманием Фуко критического проекта Канта в 1978 г.: Foucault M. What is Critique? // Foucault M. The Politics of Truth / M. Foucault. – Los Angeles: Semiotext(e), 2007. – P. 41–82. – ISBN 978-0-226-38358-3.

¹² Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2005. – С. 281.

об истории связано с «этатистским» дискурсом, утверждающим всеобщую схему движения «от возможности к действительности» государственной власти. Так, в XIX и XX вв. книги по истории были преимущественно «учебниками конституционного права», поскольку представляли собой изложение беспроблемной эволюции форм государственного устройства¹³. Места иным действующим лицам в этом нарративе не остается.

Принципиально антиисторичная классическая теория суверенитета, утверждает Фуко, предполагает субъекта как подданного¹⁴, имеет целью установление единства власти и всегда применяется внутри предшествующей стихии права. Однако эти «первоначала» не предзаданы, но исторически утверждаются вместе с суверенитетом в результате вполне конкретного противостояния и сложившегося по его итогам баланса сил. Основания конструкции являются ее предпосылками. Подданные производятся суверенной властью, а не являются ее источником; легитимность обосновывается «задним числом»; неделимость власти — нормативная фикция, а не изначальное положение дел¹⁵. Это в целом соответствует теории Гоббса, где право не существует до и вне государства¹⁶. Оговоримся, что мы не рассматриваем вопрос о состоятельности интерпретации Фуко. Как справедливо утверждает крупный французский гоббсовед И. Ш. Зарка, «Фуко внимательно читал “Левиафан”», и почти все, что он пишет об этой книге, является «верным и интересным», однако его выводы прямо противоположны гоббсовским¹⁷. У Гоббса модель учреждения государства носит характер «идеального типа»: реальной «войны всех против всех» могло не быть, это схема, которую предлагается помыслить, чтобы понять действительный ход вещей¹⁸. Фуко, напротив, заходит

¹³ Foucault M. *Society Must Be Defended. Lectures at the Collège de France 1975–1976* / M. Foucault. – New York: Picador, 2003. – P. 126.

¹⁴ Фуко обыгрывает двусмысленность французского *sujet*.

¹⁵ Foucault M. *Society Must Be Defended. Lectures at the Collège de France 1975–1976* / M. Foucault. – New York: Picador, 2003. – P. 44.

¹⁶ Hobbes T. *Leviathan* / T. Hobbes. – Revised stud. ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – P. 100.

¹⁷ Zarka Y. C. *Foucault et le concept non juridique du pouvoir* / Y. C. Zarka // *Cités*. – 2000. – No. 2. – P. 48.

¹⁸ Hobbes T. *Leviathan* / T. Hobbes. – Revised stud. ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – P. 89–90, 145. См. также: Филиппов А. Ф. Устройство власти в «Левиафане» Томаса Гоббса / А. Ф. Филиппов // Гоббс Т. *Левиафан*. – М.: Рипол-Классик, 2020. – С. 16–20.

со стороны истории, отказывается от набрасывания абстрактной схемы на уже наличное общество и стремится рассмотреть рождение конкретных властных отношений из мельчайших форм социальности. По Гоббсу война — это состояние, в котором постоянно сказывается готовность к битве¹⁹. Согласно Фуко, это состояние характеризуется у Гоббса в первую очередь игрой внушений и представлений. Суверенитет предполагает фикцию войны, а конкретное происхождение власти не имеет отношения к учреждению порядка.

Гоббс убирает всю историческую фактуру из рассмотрения, но дело здесь не просто в методе конструируемой им политической науки. Речь идет о вытеснении события Нормандского завоевания, имевшего статус важного риторического топоса в памфлетах партий Гражданской войны. По мнению Фуко, «стратегическим визави» Гоббса в данном случае является целый дискурс широкого идеологического спектра, задействовавший историческую аргументацию в политической борьбе. Гоббс не философ войны, но военный философ: Фуко предлагает рассматривать его аргументы внутри полемического контекста, как ответ на некий вызов эпохи, в соответствии принципам историзма. Он утверждает, что титул «отца политической философии» Гоббс получил именно за «спасение государства», пусть и ценой придания ему чрезмерной власти, поскольку сумел убедительно редуцировать реальное политико-историческое противостояние к терминологии государственного права²⁰. Так вытеснение исторической аргументации за пределы политической науки оказывается стратегически важным для теоретического обоснования государства. Напряжение между теорией суверенитета и историческим знанием является показателем идеологической борьбы, а не безобидного расхождения в методах. Фуко изображает философов и юристов сообщниками по «философско-юридическому» дискурсу, как две стороны одной традиции «от Солона до Канта». Так он подводит к мысли о врожденной консервативности традиционных форм научного и философского мышления, которые стремятся сохранять, стабилизировать, придавать архитектонику и связность. Напротив, настоящим историкам ценны изменчивость и разнообразие. Любопытно, что Фуко отказывает в статусе теоретика войны и Макиавелли, о котором отзывается фактически так

¹⁹ Hobbes T. *Leviathan* / T. Hobbes. – Revised stud. ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – P. 88–89.

²⁰ Foucault M. *Society Must Be Defended. Lectures at the Collège de France 1975–1976* / M. Foucault. – New York: Picador, 2003. – P. 98–99.

же, как Зарка пишет²¹ о Гоббсе и подводящей к нему истории идей. Фуко, можно сказать, предлагает еще более резкий взгляд: не у Гоббса, но уже у Макиавелли история — это всего лишь материал для универсальной политической науки. Фуко понимает, что эта точка зрения спорна²², но для нас в данном случае важна его солидарность с другими историками раннего Нового времени в том, что переход к современности тесно связан с изменением отношения к истории²³.

Фуко утверждает, что атакуемый Гоббсом историко-политический дискурс впервые оформился как раз в революционной Англии, причем сразу в нескольких противоборствующих лагерях. Роялисты апеллировали не только к божественному праву, но и к исторической аргументации: богоизбранность короля, как утверждалось, была предсказана и гарантирована событием завоевания²⁴. Таким образом, политическая теология королевского суверенитета нуждается в помещении своих аргументов в исторический контекст с целью их легитимации. Напротив, аристократы использовали историзм, чтобы отвергнуть притязания абсолютизма²⁵. Их аргумент дезавуирует учредительный статус завоевания: поскольку Вильгельм Завоеватель поклялся соблюдать местные законы и стал частью местной правовой системы, постольку его правление было ограничено уже имевшимся на острове англосаксонским правом. Настоящее «завоевание» началось позже, когда его последователи стали навязывать право королевских статутов вместо «исконного» обычного права, соответствующего «парламентскому» духу. Так борьба короля и парламента оказывалась принципиальной схемой истории английского общества²⁶. Фуко обращает внимание на то, что фундаментом для притязаний аристократии — в качестве учредительной утопии — служила историческая

²¹ Zarka Y. C. *Hobbes and Modern Political Thought* / Y. C. Zarka. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. – P. 13–49.

²² Foucault M. *Society Must Be Defended. Lectures at the Collège de France 1975–1976* / M. Foucault – New York: Picador, 2003. – P. 169. К сожалению, Макиавелли упоминается в тексте лишь походя. Вероятно, более пристальный анализ трактатов флорентийца не позволил бы Фуко оставить без внимания их глубокое сродство с политическим историзмом.

²³ См. также: Иванова Ю. В., Соколов П. В. *Кроме Декарта: размышления о методе в интеллектуальной культуре Европы раннего Нового времени* / Ю. В. Иванова, П. В. Соколов. – М.: Квадрига, 2011. – 304 с. – ISBN 978-5-91791-081-9.

²⁴ Foucault M. *Society Must Be Defended. Lectures at the Collège de France 1975–1976* / M. Foucault – New York: Picador, 2003. – P. 102.

²⁵ Ibid. P. 103.

²⁶ Ibid. P. 105.

фикция «исконного саксонского права»²⁷. Утопическая аргументация, в том числе в конституционном дискурсе, вообще характерна для эпохи — достаточно вспомнить знаменитую «Республику Океану»²⁸, да и конструкция Гоббса вполне может быть охарактеризована как утопия в согласии с подходом Фуко. Одновременно политический историзм обнаруживается и в «более народном» дискурсе левеллеров и диггеров²⁹. Позиция первых такова: завоевание имело место, но с него начинается не право, а история бесправия, поэтому оно обесценивает всю последующую политическую иерархию. Законы созданы завоевателями, они не ограничивают власть, а служат ее инструментами. Революция должна сбросить «нормандское иго», отменить все чужеродные законы и устранить сословные привилегии. Диггеры добавляют, что король и парламент в действительности продолжают завоевание, поскольку возводят свою легитимность к Вильгельму. Законы государства — это его оружие. Поэтому бунт — не уничтожение мирного порядка, а контратака в извечной войне, которую ведет правительство против местного населения. Так, говорит Фуко³⁰, зарождается идея, что любые законы и формы суверенитета должны рассматриваться не с точки зрения естественного права, а как исторически меняющиеся структуры господства. По тексту хорошо заметно, что Фуко разделяет подход левеллеров и диггеров, это и есть политический историзм *par excellence*³¹.

Исторический дискурс во Франции раннего Нового времени еще сильнее апеллирует к восстановлению былой справедливости³². Легитимность королевства, природа и пределы власти монарха, роль институтов и принципов публичного права определялись здесь историей войны франков и галлов. До определенного момента это была история центральной власти, рассказанная ею самой. Затем дворянство начинает конструировать собственный дискурс, который разрушает основания властного нарратива. Возникает разрыв между историческим знанием и сувереном, появляется новый субъект истории, способный говорить «я» или «мы». Он переопределяет смысл поли-

²⁷ Ibid. P. 106–107.

²⁸ Harrington J. The Commonwealth of Oceana and A System of Politics / J. Harrington. — Cambridge University Press, 2008. — 332 p. — ISBN 978-0521423298.

²⁹ Foucault M. Society Must Be Defended. Lectures at the Collège de France 1975–1976 / M. Foucault. — New York: Picador, 2003. — P. 107.

³⁰ Ibid. P. 109.

³¹ См. также: Crano R. D. Genealogy, Virtuality, War (1651/1976) / R. D. Crano // Foucault Studies. — 2011. — No. 11. — P. 156–178.

тических институтов, указывая на то, что глубже и старше правовых установлений «потомков завоевателей». Этим новым субъектом, согласно Фуко, становится *общество* как ассоциация индивидов со своими нравами, обычаями и даже законом, впоследствии превратившаяся в современную нацию. Так возникает историко-риторическая фигура поправленной «древней конституции»³³, к которой неоднократно обращались критики абсолютизма. К ней прибегал и Джеймс Харрингтон³⁴, английский республиканец и почитатель Макиавелли. Его концепция чрезвычайно близка политическому историзму³⁵, однако Фуко, к сожалению, не обращает внимания ни на нее, ни на республиканскую политическую мысль в целом.

Ключевым автором он считает француза Анри де Буленвилье³⁶. Тот призывал не просто восстановить справедливость, но «заново открыть знание: обратиться к своей памяти, сознанию, использовать знание и ученость»³⁷, противостоять дискурсу суверенитета посредством истории, основным предметом которой он делает войну. Так война становится не только «матрицей истины в историческом дискурсе»³⁸, но субстанцией общественных отношений. Именно по отношению к ней люди приходят к «восстановлению себя в качестве политической силы среди других политических сил»³⁹. Здесь же Фуко находит первую

³² Foucault M. Society Must Be Defended. Lectures at the Collège de France 1975–1976 / M. Foucault. – New York: Picador, 2003. – P. 121.

³³ Покок Д. Г. А. Берк и древняя конституция: об одной проблеме в истории идей / Д. Г. А. Покок // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 2 (3). – С. 141–170.

³⁴ Pocock J. G. A. James Harrington and the Good Old Cause: a study of the ideological context of his writings / J. G. A. Pocock // The Journal of British Studies. – 1970. – No. 10 (1). – P. 30–48. Сравнение методов Покока и Фуко кажется нам достойным особого внимания.

³⁵ Прокопчук А. Неутопический утопизм Джеймса Харрингтона / А. Прокопчук. – Текст: электронный // Горький Медиа: [сайт]. – 2023. – 3 ноября. – URL: <https://gorky.media/context/neutopicheskiy-utopizm-dzhejmisa-harringtona> (дата обращения: 20.09.2024).

³⁶ Впервые на его роль в становлении историзма обратил внимание Фридрих Майнеке в классическом труде: Мейнеке Ф. Возникновение историзма / Ф. Мейнеке. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. – С. 128–131. Фуко был так или иначе знаком с его работой о государстве: Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2011. – С. 165, 400, 501; Фуко М. Omnes et singulatim: к критике политического разума // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. В 3 частях. Часть 2 / М. Фуко. – М.: Праксис, 2005. – С. 304.

³⁷ Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2005. – С. 169.

³⁸ Там же. С. 179.

³⁹ Там же. С. 178.

современную идею цикличной истории, тесно связанную с понятием «соотношения сил» и «медико-военным пониманием конституции»⁴⁰. Так политический историзм оказывается вехой в развитии современной идеи революции (и ее оправдания). Нужно сказать, что дальнейшая судьба историко-политического знания, согласно Фуко⁴¹, практически полностью исчерпывается его постепенной адаптацией к дискурсам права и дисциплины. Политический историзм оказывается важной составляющей новейшего биополитического диспозитива, однако теряет свой изначальный эмансипаторный пафос и превращается в инструмент управления населением и обоснования государственного расизма. Этим объясняется тот факт, что наш анализ ограничивается первой половиной курса лекций, наиболее наглядно демонстрирующих совпадение метода Фуко и принципов политического историзма, как он понимался на заре Нового времени. Пожалуй, основная цель всего курса заключается именно в том, чтобы реабилитировать содержащиеся в современном политическом мышлении освободительные потенции, проследив их генеалогию. Иначе говоря, в курсе «Нужно защищать общество» Фуко не просто исследует, но по-своему реализует программу политического историзма.

Итак, сердцевиной политического историзма служит связка войны и знания вообще. Как заявляет Фуко⁴², западная наука ограничена «платоновским» предубеждением о противоречии войны истине, поэтому в политическом знании история традиционно служит источником иллюстраций для правовых учений. Политический историзм же настаивает, что «исторический рассказ и политический расчет имеют один и тот же объект»⁴³. Исторический нарратив, бывший техникой государственного управления, теперь используется для критики сложившегося баланса сил. Утверждается, что история «может только расшифровывать войну, которую она несет в себе самой и которая проходит сквозь нее»⁴⁴. Философски-правовой аргумент суверенитета направлен на «этатизацию войны»,

⁴⁰ Там же. С. 206–207. У такой идеи конституции гораздо более длинная история, чем утверждает Фуко, на что обращают внимание и составители лекций: Там же. С. 226. Связь идеи революции с понятием конституции как соотношения сил восходит как минимум к Полибию и вполне внятно артикулирована уже у Макиавелли и Харрингтона.

⁴¹ Там же. С. 204–279.

⁴² Там же. С. 188.

⁴³ Там же. С. 183–184.

⁴⁴ Там же. С. 187–188.

подчинение социального противостояния государству и сокрытие военной сущности истории. Оппонирующий этому дискурс, напротив, является историко-политическим. Позиция его субъекта не может быть нейтральной и всеобщей, это всегда сторона в противостоянии. Истина в историческом знании — это *некоторая* истина («*La vérité est une vérité*») ⁴⁵, которая обнаруживается только из перспективы мыслимой победы и выживания говорящего субъекта. Если угодно, речь идет об истине как правде, которая у всех своя. Правда становится истиной в результате победы в войне, а не по своему устройству.

Таким образом, политика — это продолжение войны другими средствами. Политическая история является историей войны, где победители получают господство над противниками как чуждыми политическому телу элементами. Однако тем самым поддерживается подспудное тление извечного социального конфликта. Согласно Фуко, война «всех против всех» действительно является учредительным событием, но она не прекращается в «мирном» гражданском состоянии. История, говорит Фуко, не завершается с установлением суверенного государства: «фронт войны постоянно пронизывает все общество, и именно он определяет нашу принадлежность к тому или иному лагерю. Нет никого, кто оставался бы нейтральным. Поневоле каждый является противником другого. Структура общества оказывается бинарной» ⁴⁶. В сущности, Фуко совпадает с Гоббсом во взгляде на войну как «готовность к сражению», но стремится показать, что и мир в гражданском состоянии является только видимостью, скрывающей подлинную природу человеческого общения, которую государство навязывает при помощи нормативного политического дискурса. Фактически Фуко демонстрирует, как из политического историзма рождается специфическая форма знания об обществе — *социология*, в которой, независимо от конкретных обстоятельств, воспроизводятся одни и те же схемы анализа общества и резоны социального действия. Фундаментальным различием такой социологии является стратегическое противопоставление государства и общества. Вопреки классическим теориям суверенитета она показывает, что в государстве имплицитно содержится возможность его разрушения и, коль скоро политическая история мыслится цикличной, — учреждения порядка заново.

⁴⁵ Foucault M. Il faut défendre la société. Cours au Collège de France (1975–1976) / M. Foucault. – Paris: Gallimard/Seuil, 1997. – P. 45.

⁴⁶ Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2005. – С. 68.

Общество против государства

Известно, что заглавие «Нужно защищать общество» возникло уже при публикации, причем в оригинале фраза закавычена⁴⁷. Помимо очевидной иронии, смысл такого названия поначалу остается загадочным. В лекциях Фуко не дает развернутую концептуализацию общества, но подчеркивает, что элементарная структура социальных отношений — противоборство двух лагерей, из которого постепенно возникает государство как способ лишь по видимости мирного управления социальной распрей. Здесь лежат истоки более изощренных форм конфликта, в том числе современного расизма, который приобретает биологическую окраску лишь с приходом дисциплинарных форм власти, основанных на доминировании естественных наук. В пределе это означает, что всякое государство предполагает расизм, но дискурс расовой борьбы является лишь одним из многих инструментов централизации. Постепенно государство из формы защиты от враждебной «расы» превращается в предмет защиты: лозунг «мы защищаемся от общества» меняется на «мы защищаем общество». Так «расистская тематика превращается из инструмента борьбы одной социальной группы против другой в оружие глобальной стратегии социального консерватизма»⁴⁸.

Синонимия «защиты общества» и «социального консерватизма» предполагает совпадение общества и государства. В том же смысле можно говорить и о *социологическом* консерватизме⁴⁹. Подобные теории видят предельную общественную реальность именно в государстве и в целом соответствуют тому, как Фуко изображает критикуемый им дискурс суверенной власти. Однако в консервативной мысли XIX века, особенно во Франции, существовал и другой подход, к которому не обращался Фуко и который нашел свое выражение в теориях довольно широкого круга авторов-предтеч социологии, от Луи де Бональда⁵⁰ до Алексиса де Токвиля⁵¹. Разумеется, Фуко далек от реакционных взглядов первого и республиканизма второго. Однако

⁴⁷ Т.е. точнее передавать его как «“Нужно защищать общество”».

⁴⁸ Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2005. – С. 78.

⁴⁹ См. напр.: Фрайер Х. Революция справа / Фрайер Х. – М.: Праксис, 2008. – 144 с. – ISBN 978-5-901574-71-3; Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт / Э. Юнгер. – СПб.: Наука, 2000. – 539 с. – ISBN 5-02-026781-3.

⁵⁰ Nisbet R. A. De Bonald and the Concept of the Social Group / R. A. Nisbet // Journal of the History of Ideas. – 1944. – No. 5 (3). – P. 315–331.

в рассматриваемых лекциях он на удивление близок к ним обоим во взгляде на природу отношений между стихией общественной жизни и силой государства, одновременно централизующей и разобщающей. Мы не будем останавливаться на этих сходствах подробно. Заметим только, что «социологический консерватизм» может быть понят, в частности, как методическая защита автономии общества от притязаний государства, которая на практике далеко не сводится к реакции, но, как мы видели, подразумевает идею *восстановительной революции*⁵². Именно в таком духе можно понять заглавный лозунг, убрав кавычки и атрибутировав его самому Фуко. Соответственно, противоположная модель общества окажется скорее «социологическим этатизмом». Важно отметить, что в социологическом отношении проект политического историзма ограничивается обсуждаемыми лекциями. Пожалуй, ни до, ни после Фуко не подходил так близко к тому, чтобы поставить сообщество выше индивида. Больше нигде он не рассматривает извечное противостояние государства и общества в его двойственности, но углубляется в генеалогию техник индивидуализации. Тем более любопытным представляется изучение политического историзма в качестве особого этапа творчества Фуко и потенциально продуктивного метода историко-риторического исследования общества.

Тесная связь историзма и социологии роднит подход Фуко с политической теологией Карла Шмитта. Обычно сходство их взглядов усматривают⁵³ в отождествлении законов политической истории с военным противостоянием, однако логичнее и без меньшего числа сомнительных допущений эта позиция возводится к Ницше⁵⁴, Марксу или Гегелю. Между политическим историзмом и политической теологией есть более существенная связь. Когда Фуко спрашивает, на какой вызов отвечает концепция Гоббса, он становится на

⁵¹ Кроме того, здесь напрашивается сравнение с Раймоном Ароном.

⁵² Между прочим, таков был характер Славной революции, положившей конец гражданским войнам в Англии, которую Фуко оставляет без внимания. Исторический дискурс этого времени, в частности, феномен «виговской истории», было бы продуктивно исследовать в контексте политического историзма.

⁵³ Dean M., Villadsen K. *State Phobia and Civil Society. The Political Legacy of Michel Foucault* / M. Dean, Villadsen K. – Stanford: Stanford University Press, 2016. – P. 67; Hannsen B. *Critique of Violence* / B. Hannsen. – London, New York: Routledge, 2000. – P. 97.

⁵⁴ Foucault M. *Nietzsche, la généalogie, l'histoire* // Foucault M. *Dits et écrits*. En 4 Vol. Vol. 2 / M. Foucault. – Paris: Gallimard, 1994. – P. 136–156. – ISBN 978-2070761869. Кроме того, сам Шмитт высказывается против такой интерпретации войны: см. прим. 57.

позиции полемического контекстуализма. Фактически таков метод Кембриджской школы⁵⁵, основанный на принципах историзма и, в частности, философии Р. Дж. Коллингвуда⁵⁶. Но, как замечает П. Пасквино⁵⁷, первым, кто настаивал на полемическом характере политических идей прошлого, был именно Шмитт. Не без влияния Коллингвуда он утверждал, что все политические идеи являются оружием в конкретной борьбе и потому должны рассматриваться не просто в контексте общемировоззренческих установок эпохи⁵⁸, но в полемическом контексте⁵⁹. Его «Политическая теология» — это проект исторической «социологии юридических понятий», важнейшим из которых является понятие суверенитета. Подобно Шмитту, Фуко увязывает линейную историю и дискурс суверенного государства⁶⁰.

Хотя идея линейной истории гораздо старше института государства в узком смысле слова, в рамках подхода Фуко эту аналогию можно интерпретировать как своего рода «тезис о секуляризации»: современное представление об истории — это «цивилизованное», то есть «ставшее гражданским» понятие военного противостояния, являющееся продуктом утверждения государства и его исторического дискурса. Государство предлагает общую техническую рамку высшего и нейтрального судьи в вопросах политической истории, располагая внутри себя всякую полемику, а возможную политическую борьбу описывает как гражданскую или социальную. Неслучайно противоречащий государству историко-политический дискурс реабилитирует циклическую модель истории, способную оправдать революцию.

Сопоставляя два проекта политического историзма, можно сказать, что Шмитт предлагает его реакционный, а Фуко — революционный вариант. Ключевое различие состоит в отношении к истории

⁵⁵ На что указывают и ее представители: Tully J. *The pen is a mighty sword: Quentin Skinner's analysis of politics* // Tully J. *Meaning and Context. Quentin Skinner and his Critics* / J. Tully. — Princeton: Princeton University Press, 1988. — 370 p. — ISBN 978-0691077963.

⁵⁶ Скиннер К. Коллингвудовский подход к истории политической мысли: становление, вызов, перспективы / К. Скиннер // НЛЮ. — 2004. — № 66 (2). — С. 55–66.

⁵⁷ Pasquino P. *Political Theory of War and Peace: Foucault and the History of Modern Political Theory* / P. Pasquino // *Economy and Society*. — 1993. — No. 22 (1). — P. 87.

⁵⁸ Шмитт К. *Политическая теология* // Шмитт К. *Понятие политического* / К. Шмитт. — СПб.: Наука, 2016. — С. 34.

⁵⁹ Шмитт К. *Понятие политического* // Шмитт К. *Понятие политического* / К. Шмитт. — СПб.: Наука, 2016. — С. 305. Понимание войны у Шмитта несколько иное. См.: там же. С. 308–312.

⁶⁰ Фуко М. *Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году* / М. Фуко. — СПб.: Наука, 2005. — С. 238.

в целом и к тому, какое место в ней занимает институт государства. Взгляд Гоббса на историю политически консервативен: ее нужно обуздать, поскольку это сфера войны, беспорядка, отсутствия истины и согласия. Фуко не столько опровергает его, сколько занимает противоположную сторону, удерживаясь в той же перспективе: упорядочение истории — не теоретическая задача, а политическая. Обуздать историю — значит внешним образом подчинить ее участников, лишив их собственного исторического знания. Подобно Гоббсу, Шмитт защищает суверенитет государства как спасение от истории, неизбежно приближающей конец света, и в этом отношении он, разумеется, также вовлечен в своего рода извечную войну против либералов, социалистов и анархистов на стороне реакционеров. Однако его аргумент основан на историзме, включенном в пессимистическую линейную логику истории, поэтому защита самого института государства равнозначна защите понятия государства от размывания его исторической специфики⁶¹. Фуко приближается к противоположному, циклическому и революционному взгляду. Историческая специфика эпохи рассматривается не как стадия единого процесса, а как вариация на одну тему. В обоих случаях историей в целом движет нечто. По Шмитту, всякая отдельная эпоха так или иначе есть стадия всеобщего движения к концу. Согласно Фуко, в каждый момент присутствует ситуативный расклад сил, ведущих одну и ту же извечную войну. В этом контексте социологизм Фуко более последователен, поскольку настаивает на систематическом несовпадении общества и государства. При всех оговорках Шмитта гораздо сильнее интересует государственно-правовая сторона дела.

Однако, как замечает Фр. П. Адорно, Фуко легитимирует взгляд на историографию как «рассказывание историй». Всякий нарратив о прошлом является результатом выбора перспективы и призван показать на историческом материале, как мы стали теми, кто мы есть сегодня⁶². Исторический дискурс напрямую зависит от самопонимания его субъекта, в первую очередь политического. В лекции «Что такое критика?» (1978) Фуко высказывается еще более ясно: критическая постановка вопроса о современности требует от автора вовлеченности в особую «историко-философскую практику», которая подразумевает

⁶¹ Шмитт К. Государство как конкретное понятие, связанное с определенной исторической эпохой / К. Шмитт // Логос. – 2012. – № 89 (5). – С. 205–215.

⁶² Adorno F. P. Fiction et histoire / F. P. Adorno // Cités. – 2000. – No 2. – P. 86.

написание истории от первого лица как своего рода фикции⁶³. Это история не входящих в поле зрения традиционной науки предметов: структур рациональности, артикулирующих дискурс истины, и механизмов субъективации (подчинения). Политический историзм освобождает историческое содержание от того, как оно определяется доминирующим дискурсом истины и власти. В этом же, согласно Фуко, заключается суть археологии и генеалогии. Первая, отталкиваясь от самого допущения некоторого способа связи власти и знания в качестве самоочевидного, восходит к анализу его допустимости. Вторая предполагает не восстановление некоей единой традиции, а исследование условий возможности современной сингулярности, которая является не продуктом, но эффектом множества обуславливающих ее элементов⁶⁴. Фуко акцентирует случайность и прерывность исторического развития, что прямо противоречит не только традиционному историческому дискурсу, но также и всякому «историцизму» в смысле Карла Поппера. Замечание о фиктивном характере подобных рассказов позволяет увидеть, насколько близки друг другу историческая и политико-юридическая аргументация, которые Фуко стремится противопоставить. В конечном счете речь идет о выборе в пользу одного из двух модусов отношения к извечной войне, неявно кипящей в глубине всякой социальной жизни. Вероятно, таков наименьший общий знаменатель для всех теорий общества, критических или нет: социальный порядок возникает как тот или иной конкретный способ видимого преодоления войны.

Итак, политический историзм Фуко исходит из представления об обусловленности всякого дискурсивного поля актуальным балансом противоборствующих сил. Принципиальная схема исторического исследования — это история полемики и социального конфликта. Всякая идея может быть правильно понята лишь в полемическом контексте, в котором она впервые формулируется и сохраняет свою эффективность в качестве оружия дискурсивной борьбы. Парадигма суверенной власти дисквалифицирует такой дискурс как эпистемологически нелегитимный. Война в ней проходит по разряду неупорядоченного, материального, исторического, а потому не способна приписывать универсальные правила человеческого общежития. Именно поэтому модель учреждения суверенного государства,

⁶³ Foucault M. What is Critique? // Foucault M. The Politics of Truth / M. Foucault. – Los Angeles: Semiotext(e), 2007. – P. 55.

⁶⁴ Ibid. P. 64.

как она формулируется на заре Нового времени, принципиально вытесняет историческое знание за пределы политической науки. Напротив, политический историзм утверждает войну в качестве единственной константы истории, обеспечивающий ее своеобразную цикличность. Любые политико-правовые понятия объявляются не универсальными, но универсалистскими, лишь претендующими на всеобщий обязательный статус в конкретных исторических условиях. Политический историзм Фуко, таким образом, переворачивает классическую оппозицию частного и всеобщего, утверждая приоритет конкретного *par excellence* над множеством универсалистских притязаний.

Государственное и даже международное право, претендующее на ограничение и регламентацию властных отношений, оказывается партийным инструментом нейтрализации противоречащих ему форм знания о политической истории. Соответственно, история суверенного государства является дискурсом тотальным и исключаящим, за счет чего, по мнению Фуко, и обеспечивается его истинностный статус. Напротив, установка политического историзма принципиально противоречит научному методу в строгом смысле. Это значит, что он не просто предлагает альтернативный взгляд на одну и ту же ситуацию, но стремится заново учредить все дискурсивное поле. Его задача не столько изучать забытую историю освободительных движений, сколько «вливаться» в подлинную историческую стихию войны, возобновляя неизменно актуальное противостояние. В этом отношении ангажированность Фуко и обусловленность его собственных штудий политическими вызовами современности не вызывает сомнений⁶⁵. Можно сказать, что легитимация такого типа дискурса является не философско-правовой, а *историко-риторической*: исследовательский интерес в нем неотделим от политического целеполагания.

Политический историзм утверждает, что не только события прошлого определены полемическим контекстом эпохи, но и современное историческое знание является орудием войны. Отсюда кристаллизуется особая форма социологического знания, базовые различия которого возобновляются независимо от исторических обстоятельств. Всякое общество здесь имеет бинарную структуру, расколото на два лагеря, противостоящих на поле исторического дискурса. Государство с его моделью исторического знания претендует на отождествление

⁶⁵ «Фуко всегда взывает к праху и бормочет о сражении, а сама его мысль обнаруживает себя как машина войны». Делез Ж. Переговоры 1972–1980 / Ж. Делез. – СПб.: Наука, 2004. – С. 136.

себя с обществом. Напротив, политический историзм проливает свет на часть общества, вытесняемую государством в качестве «инородной». Однако во взгляде на историю как нарратив существует и опасность симметричного вытеснения политическим историзмом всего, что в обществе объявляется связанным с государством. В этом случае предметом защиты от государства становится не общество, но его фикция, то есть другая партия, претендующая на отождествление с обществом в целом.

Таким образом, политико-правовой и историко-риторический дискурсы могут быть продуктивно рассмотрены как две стороны одного диспозитива, что позволит по-новому поставить вопрос о природе современных социальных отношений. С точки зрения социологии, однако, недостаток политического историзма заключается еще и в том, что общество оказывается здесь в первую очередь политическим субъектом, отчего размывается его специфичность как объекта исследования. Иначе говоря, расколотое непрекращающейся войной общество полагается автономной реальностью по отношению к государству, но не по отношению к политическому вообще. В таком случае парадоксальным образом общество не нуждается в социологии как отдельной дисциплине для своего изучения: хотя оно не может быть объектом науки о государстве, оно вполне вписывается в рамки политической или социальной философии, как ее представлял себе Фуко⁶⁶. Эта проблема, однако, выходит за рамки нашего исследования и нуждается в отдельном рассмотрении.

Библиография

1. Groulx R. Michel Foucault, la politique comme guerre continuée / R. Groulx. – Paris: L'Harmattan, 2015. – 280 p. – ISBN 978-2343062266.
2. Marks J. Foucault, Franks, Gauls. Il faut défendre la société: The 1976 Lectures at the Collège de France / J. Marks // Theory, Culture & Society. – 2000. – 17 (5). – P. 127–147.
3. Мейнеке Ф. Возникновение историзма / Ф. Мейнеке. – М.: Центр

⁶⁶ «В конце концов то, что я делаю, не принадлежит ни истории, ни социологии, ни экономической науке. Оно так или иначе просто в силу объективных причин, должно иметь связь с философией, под которой я понимаю не что иное, как политику истины, поскольку у термина «философия», на мой взгляд, в сущности, нет других определений, кроме этого. Речь идет о политике истины». Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / М. Фуко. – СПб: Наука, 2011. – С. 15.

гуманитарных инициатив, 2024. – 480 с. – ISBN 978-5-98712-031-6.

4. Руткевич А. М. Наследие историзма / А. М. Руткевич // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. – 2020. – № 4 (3). – С. 36–70.

5. Трельч Э. Историзм и его проблемы / Э. Трельч. – М.: Юрист, 1994. – 720 с. – ISBN 5-7357-0047-2.

6. Власова О. А. Рождение фукианского метода: эпистемология/феноменология, психология/психиатрия / О. А. Власова // *Логос*. – 2019. – № 29 (2). – С. 25–50.

7. Вен П. Фуко. Его мысль и личность. / П. Вен. – СПб.: Владимир Даль, 2013. – 195 с. – ISBN 978-5-93615-135-4.

8. Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2005. – 312 с. – ISBN 5-02-026848-8.

9. Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2011. – 544 с. – ISBN 978-5-02-037115-6.

10. Foucault M. What is Critique? // Foucault M. *The Politics of Truth* / M. Foucault. – Los Angeles: Semiotext(e), 2007. – P. 41–82. – ISBN 978-0-226-38358-3.

11. Foucault M. *Society Must Be Defended. Lectures at the Collège de France 1975–1976* / M. Foucault – New York: Picador, 2003. – P. 336. – ISBN 978-0312422660.

12. Hobbes T. *Leviathan* / T. Hobbes. – Revised stud. ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 618 p. – ISBN 978-0521567978.

13. Zarka Y. C. Foucault et le concept non juridique du pouvoir / Y. C. Zarka // *Cités*. – 2000. – No. 2. – P. 41–52.

14. Филиппов А. Ф. Устройство власти в «Левиафане» Томаса Гоббса / А. Ф. Филиппов // Гоббс Т. *Левиафан*. – М.: Рипол-Классик, 2020. – С. 5–34. – ISBN 978-5-386-09587-1.

15. Zarka Y. C. *Hobbes and Modern Political Thought* / Y. C. Zarka. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. – 278 p. – ISBN 978-1474401210.

16. Иванова Ю. В., Соколов П. В. Кроме Декарта: размышления о методе в интеллектуальной культуре Европы раннего Нового времени / Ю. В. Иванова, П. В. Соколов. – М.: Квадрига, 2011. – 304 с. – ISBN 978-5-91791-081-9.

17. Harrington J. *The Commonwealth of Oceana and A System of Politics* / J. Harrington. – Cambridge University Press, 2008. – 332 p. – ISBN 978-0521423298.

18. Crano R. D. *Genealogy, Virtuality, War (1651/1976)* / R. D. Crano // *Foucault Studies*. – 2011. – No. 11. – P. 156–178.

19. Покок Д. Г. А. Берк и древняя конституция: об одной проблеме в истории идей / Д. Г. А. Покок // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. – 2018. – № 2 (3). – С. 141–170.

20. Pocock J. G. A. *James Harrington and the Good Old Cause: a study of the ideological context of his writings* / J. G. A. Pocock // *The Journal of British Studies*. – 1970. – No. 10 (1). – P. 30–48.

21. Прокопчук А. Неутопический утопизм Джеймса Харрингтона / А. Прокопчук. – Текст: электронный // *Горький Медиа: [сайт]*. – 2023. – 3 ноября. – URL: <https://gorky.media/context/neutopicheskiy-utopizm-dzhejmса-harringtonа> (дата обращения: 20.09.2024).

22. Фуко М. *Omnes et singulatim: к критике политического разума* // Фуко М. *Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. В 3 частях. Часть 2* / М. Фуко. – М.: Праксис, 2005. – С. 285–319. – ISBN 5-910574-23-0.

23. Foucault M. *Il faut défendre la société. Cours au Collège de France (1975–1976)* / M. Foucault. – Paris: Gallimard/Seuil, 1997. – 304 p. – ISBN 978-2020231695.

24. Фрайер Х. *Революция справа* / Фрайер Х. – М.: Праксис, 2008. – 144 с. – ISBN 978-5-901574-71-3.

25. Юнгер Э. *Рабочий. Господство и гештальт* / Э. Юнгер. – СПб.: Наука, 2000. – 539 с. – ISBN 5-02-026781-3.

26. Nisbet R. A. *De Bonald and the Concept of the Social Group* / R. A. Nisbet // *Journal of the History of Ideas*. – 1944. – No. 5 (3). – P. 315–331.

27. Dean M., Villadsen K. *State Phobia and Civil Society. The Political Legacy of Michel Foucault* / M. Dean, Villadsen K. – Stanford: Stanford University Press, 2016. – 208 p. – ISBN 978-0804796972.

28. Hannsen B. *Critique of Violence* / B. Hannsen. – London, New York: Routledge, 2000. – 324 p. – ISBN 978-0415223409.

29. Foucault M. *Nietzsche, la généalogie, l'histoire* // Foucault M. *Dits et écrits. En 4 Vol. Vol. 2* / M. Foucault. – Paris: Gallimard, 1994. – P. 136–156. – ISBN 978-2070761869.

30. Tully J. *The pen is a mighty sword: Quentin Skinner's analysis of politics* // Tully J. *Meaning and Context. Quentin Skinner and his Critics* / J. Tully. – Princeton: Princeton University Press, 1988. – 370 p. – ISBN 978-0691077963.

31. Скиннер К. *Коллингвудовский подход к истории политической мысли: становление, вызов, перспективы* / К. Скиннер // *НЛО*. – 2004.

– № 66 (2). – С. 55–66.

32. Pasquino P. Political Theory of War and Peace: Foucault and the History of Modern Political Theory / P. Pasquino // *Economy and Society*. – 1993. – No. 22 (1). – P. 77–88.

33. Шмитт К. Политическая теология // Шмитт К. Понятие политического / К. Шмитт. – СПб.: Наука, 2016. – С. 5–59. – ISBN 978-5-02-038400-2.

34. Шмитт К. Понятие политического // Шмитт К. Понятие политического / К. Шмитт. – СПб.: Наука, 2016. – С. 280–408. – ISBN 978-5-02-038400-2.

35. Шмитт К. Государство как конкретное понятие, связанное с определенной исторической эпохой / К. Шмитт // *Логос*. – 2012. – № 89 (5). – С. 205–215.

36. Adorno F. P. Fiction et histoire / F. P. Adorno // *Cités*. – 2000. – № 2. – P. 83–96.

37. Делез Ж. Переговоры 1972–1980 / Ж. Делез. – СПб.: Наука, 2004. – 235 с. – ISBN 5-02-026845-3.

Political Historicism of Michel Foucault

Anton Prokopchuk — Master of Philosophy, independent researcher;
Minsk, Belarus; e-mail: hmr665@gmail.com

Keywords: genealogy, Historismus, methodology of history, political theology, sociology, sovereignty, state

The article explores the relation between historical knowledge and political philosophy of sovereignty in Michel Foucault's late work. The concept of «political historicism», introduced in «Society Must Be Defended» lectures, is analysed. This concept was not further developed by Foucault and thus has not attracted due attention in literature. However, its principles are incorporated into the genealogical method. According to Foucault, the classic theory of sovereignty initially articulated by Thomas Hobbes emerged as a counterweight to the historical-political discourse of seventeenth-century England. Although it includes the construct of «war of all against all», the historical factuality of war is not seen essential to the institution of political order. Historical knowledge is systematically disqualified from Hobbes's theory, which Foucault examines in its polemical context. He states that Hobbes opposes contemporary political historicism, which insists that any political idea can only be understood as a weapon of a particular ideological struggle. Despite all the differences between variants of political historicism developed from 17th century onwards, this kind of discourse always presupposes a specific form of sociology. According to that, the structure of society is binary, as it is constantly being split apart by two conflicting groups. Political history is thus the history of war within society. Contrary to the classic theory of sovereignty, this sociology systematically opposes society and the state. Here the state is seen not as a product of social contract, but as a result of situational balance of powers, an instrument of continuation of the everlasting war within society by nonmilitary means. The article shows that Foucault not only studies political historicism as a form of historical knowledge, but also adheres to its principles in his own critique of sovereignty as a crucial component of the recent biopolitical dispositive. This

is precisely the reason why among Foucault's better-known studies in genealogy, «Society Must Be Defended» is the closest one to a purely sociological work. Therefore, the more thorough study of political historicism allows to rehabilitate a relatively less explored region of Foucault's oeuvre and to outline new productive ways of keeping his legacy relevant while acknowledging the shortcomings of his method.

References

1. Groulx R. Michel Foucault, la politique comme guerre continuée / R. Groulx. – Paris: L'Harmattan, 2015. – 280 p. – ISBN 978-2343062266.
2. Marks J. Foucault, Franks, Gauls. Il faut défendre la société: The 1976 Lectures at the Collège de France / J. Marks // Theory, Culture & Society. – 2000. – No. 17 (5). – P. 127–147.
3. Meinecke F. Voznikovenie istorizma [Historicism: The Rise of a New Historical Outlook] / F. Meinecke. – Moscow: Centr gumanitarnykh iniciativ, 2024. – 480 p. – ISBN 978-5-98712-031-6. (In Russian)
4. Troeltsch E. Istorizm i ego problemy [Historicism and Its Problems] / E. Troeltsch. – Moscow: Jurist, 1994. – 720 p. – ISBN 5-7357-0047-2. (In Russian)
5. Rutkevich A. M. Nasledie istorizma [Heritage of Historicism] / A. M. Rutkevich // Filosofija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. – 2020. – No. 4 (3). – P. 36–70. (In Russian)
6. Vlasova O. A. Rozhdenie fukianskogo metoda: jepistemologija/fenomenologija, psihologija/psikhijatrija [The Birth of Foucault's Method: Epistemology/Phenomenology, Psychology/Psychiatry] / O. A. Vlasova. // Logos. – 2019. – No. 29 (2). – P. 25–50. (In Russian)
7. Veyne P. Fuko. Ego mysl' i lichnost' [Foucault, His Thought, His Character] / P. Veyne. – Saint Petersburg: Vladimir Dal', 2013. – 195 p. – ISBN 978-5-93615-135-4. (In Russian)
8. Foucault M. Nuzhno zashhishhat' obshhestvo: Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1975–1976 uchebnom godu [«Society Must Be Defended». Lectures at the Collège de France 1975–1976] / M. Foucault. – Saint Petersburg: Nauka, 2005. – 312 p. – ISBN 5-02-026848-8. (In Russian)
9. Foucault M. Bezopasnost', territorija, naselenie. Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1977-1978 uchebnom godu [Security, Territory, Population: Lectures at the Collège de France, 1977–1978] / M. Foucault. – Saint Petersburg: Nauka, 2011. – 544 p. – ISBN 978-5-

02-037115-6. (In Russian)

10. Foucault M. What is Critique? // Foucault M. The Politics of Truth / M. Foucault. – Los Angeles: Semiotext(e), 2007. – P. 41–82. – ISBN 978-0-226-38358-3.

11. Foucault M. Society Must Be Defended. Lectures at the Collège de France 1975–1976 / M. Foucault – New York: Picador, 2003. – P. 336. – ISBN 978-0312422660.

12. Hobbes T. Leviathan / T. Hobbes. – Revised stud. ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 618 p. – ISBN 978-0521567978.

13. Zarka Y. C. Foucault et le concept non juridique du pouvoir / Y. C. Zarka // Cités. – 2000. – No. 2. – P. 41–52.

14. Filippov A. F. Ustrojstvo vlasti v «Leviafane» Tomasa Gobbsa [Mechanism of Power in Thomas Hobbes's «Leviathan»] // Hobbes T. Leviathan [Leviathan] / A. F. Filippov. – Moscow: Ripol-Klassik, 2020. – P. 5–34. – ISBN 978-5-386-09587-1. (In Russian)

15. Zarka Y. C. Hobbes and Modern Political Thought / Y. C. Zarka. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. – 278 p. – ISBN 978-1474401210.

16. Ivanova J. V., Sokolov P. V. Krome Dekarta: razmyshlenija o metode v intellektual'noj kul'ture Evropy rannego Novogo vremeni [Beyond Descartes: Discourses on the Method in Early Modern Intellectual Culture] / J. V. Ivanova, P. V. Sokolov. – Moscow: Kvadriga, 2011. – 304 p. – ISBN 978-5-91791-081-9. (In Russian)

17. Harrington J. The Commonwealth of Oceana and A System of Politics / J. Harrington. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 332 p. – ISBN 978-0521423298.

18. Crano R. D. Genealogy, Virtuality, War (1651/1976) / R. D. Crano // Foucault Studies. – 2011. – No. 11. – P. 156–178.

19. Pocock J. G. A. Bjork i drevnjaja konstitucija: ob odnoj probleme v istorii idej [Burke and the Ancient Constitution – a Problem in the History of Ideas] / J. G. A. Pocock // Filosofija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. – 2018. – No. 2 (3). – P. 141–170. (In Russian)

20. Pocock J. G. A. James Harrington and the Good Old Cause: a study of the ideological context of his writings / J. G. A. Pocock // The Journal of British Studies. – 1970. – No. 10 (1). – P. 30–48.

21. Prokopchuk A. Neutopicheskiy utopizm Dzhedjmsa Harringtona [Non-utopian Utopianism of James Harrington] / A. Prokopchuk. – Text: digital // Gorky.media: [website]. – 2023. – 3 november. – URL: <https://gorky.media/context/neutopicheskiy-utopizm-dzhejmsa-harringtona> (accessed:

20.09.2024). (In Russian)

22. Foucault M. Omnes et singulatim: k kritike političeskogo razuma [Omnes et Singulatim: Towards a Criticism of «Political Reason»] // Foucault M. Intellektualy i vlast': izbrannye političeskie stat'i, vystuplenija i interv'ju. V 3 ch. Ch. 2 [Intellectuals and Power: Selected Political Papers, Lectures, and Interviews. In 3 Vol. Vol. 2] / M. Foucault. – Moscow: Praksis, 2005. – P. 285–319. – ISBN 5-910574-23-0. (In Russian)

23. Foucault M. Il faut défendre la société. Cours au Collège de France (1975–1976) / M. Foucault. – Paris: Gallimard/Seuil, 1997. – 304 p. – ISBN 978-2020231695.

24. Freyer H. Revoljucitja sprava [Revolution from the Right] / H. Freyer. – Moscow: Praksis, 2008. – 144 p. – ISBN 978-5-901574-71-3. (In Russian)

25. Jünger E. Rabochij. Gospodstvo i geshtal't [The Worker. Dominion and Form] / E. Jünger. – Saint Petersburg: Nauka, 2000. – 539 p. – ISBN 5-02-026781-3. (In Russian)

26. Nisbet R. A. De Bonald and the Concept of the Social Group / R. A. Nisbet // Journal of the History of Ideas. – 1944. – No. 5 (3). – P. 315–331.

27. Dean M., Villadsen K. State Phobia and Civil Society. The Political Legacy of Michel Foucault / M. Dean, K. Villadsen. – Stanford: Stanford University Press, 2016. – 208 p. – ISBN 978-0804796972.

28. Hannsen B. Critique of Violence / B. Hannsen. – London, New York: Routledge, 2000. – 324 p. – ISBN 978-0415223409.

29. Foucault M. Nietzsche, la généalogie, l'histoire // Foucault M. Dits et écrits 2 / M. Foucault. – Paris: Gallimard, 1994. – P. 136–156. – ISBN 978-2070761869.

30. Tully J. The pen is a mighty sword: Quentin Skinner's analysis of politics // Tully J. Meaning and Context. Quentin Skinner and his Critics / J. Tully. – Princeton: Princeton University Press, 1988. – 370 p. – ISBN 978-0691077963.

31. Skinner Q. Kollingvudovskij podhod k istorii političeskoj mysli: stanovlenie, vyzov, perspektivy [The Rise of, Challenge to and Prospects for a Collingwoodian Approach to the History of Political Thought] / Q. Skinner // NLO. – 2004. – No. 66 (2). – P. 55–66. (In Russian)

32. Pasquino P. Political Theory of War and Peace: Foucault and the History of Modern Political Theory / P. Pasquino // Economy and Society. – 1993. – No. 22 (1). – P. 77–88.

33. Schmitt C. Političeskaja teologija [Political Theology] // Schmitt C. Ponjatje političeskogo [The Concept of the Political] / C. Schmitt – Saint Petersburg: Nauka, 2016. – P. 5–59. – ISBN 978-5-02-038400-

2. (In Russian)

34. Schmitt C. Ponjatie politicheskogo [The Concept of the Political] / C. Schmitt. – Saint Petersburg: Nauka, 2016. – P. 280–408. – ISBN 978-5-02-038400-2. (In Russian)

35. Schmitt C. Gosudarstvo kak konkretное ponjatie, svjazannoe s opredelennoj istoricheskoj jepohoj [The State as a Concrete Concept, Bound to a Historical Epoch] / C. Schmitt // Logos. – 2012. – No. 89 (5). – P. 205–215. (In Russian)

36. Adorno F. P. Fiction et histoire / F. P. Adorno // Cités. – 2000. – No. 2. – P. 83–96.

37. Deleuze G. Peregovory [Negotiations 1972–1980] / G. Deleuze. – Saint Petersburg: Nauka, 2004. – 235 p. – ISBN 5-02-026845-3. (In Russian)

По(э\ли)тическая анархеология Внешнего: Эссе о Фуко, истине и свободе

Егор Леонидович Дорожкин — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и эстетики, Нижегородская государственная консерватория им. М. И. Глинки (ННГК); e-mail: egor.dorozhkin.1453@gmail.com; ORCID: 0000-0003-2083-7644

Ключевые слова: археология знания, Внешнее, негативность, атеология, истина, свобода, субъект, оптико-лингвистическое различие, дифференциальная имманентность

Сегодня концепция дисциплинарной власти Мишеля Фуко является одной из наиболее представленных в академическом поле. Общеизвестность наследия Фуко порождает спорные представления о нем, делающие его удобным объектом критики. В частности, Мишель Фуко забывается как мыслитель, предложивший одну из тончайших теорий-практик освобождения субъекта. Целью данного текста является экспликация философских оснований фукольдианской археологии, позволяющих вывести ее за пределы «критического варварства» современных культуралистов и предложить формально-материалистическое толкование. В статье демонстрируется, что такого рода основанием является проблема невозможного Внешнего как дифференциальной имманентности и вытекающая из нее гетерогенность истины. С точки зрения автора статьи, именно гетерогенность, а не нейтральность истины выступает главным предметом археологических изысканий, и она же обуславливает фундаментальное для Фуко (не)совпадение истины со свободой, определившее его исследование власти и сексуальности. Субъекта нет без истины, истины нет без свободы, а в их отсутствии остаются лишь условные возможности языка, закрытые от Внешнего и не способные на загадочное в своей простоте «Я говорю». Таким образом, данная статья пытается осмыслить фукольдианскую археологию как выходящую за пределы устойчивого стереотипа о ней, способную погрузиться в актуальные проблемы нового материализма и универсализма.

Введение. Лабиринт без автора

Мишель Фуко утверждал, что не строит никакой общей теории¹ и что не является даже философом² в смысле размышлений о судьбах мира. Свои тексты он предлагал воспринимать в качестве ящиков с инструментами³, которыми исследователи из разных областей вольны распоряжаться по своему усмотрению, или как семиотические бомбы⁴, разрывающие консенсус внутри некоторого предметного поля, не оставляя авторских следов. Более того, он последовательно утверждал, что видит в письме способ не иметь своего лица⁵, способ прятаться в лабиринте. Высказывания такого рода, плод личиной прямоты, еще более усложняют топологию собственного производства, намекая на ленты Мебиуса, бутылки Кляйна и прочие фигуры сложенного пространства. Автор не отсутствует в тексте, владея каким-то другим местом и прибегая к письму лишь в качестве маски. Напротив, из этой-то игры масок ему и не выбраться. Подобно персонажам сериала «Разделение», не существующим вне офиса, его сущность производится только в различительной игре литературного маскарада.

Так почему же Фуко полагал, будто посреди этой структурной запутанности критическое письмо может обеспечить ему освобождение⁶? Пожалуй, на данный вопрос возможен один короткий ответ, интерпретация которого потребует длительных блужданий, — в пустоте Внешнего. Блужданий не слепых, а ведомых нитью, сплетенной из сложных отношений истины и свободы, возбуждавших драматизм всей работы Фуко. Экзистенциальный психоанализ, история безумия, теория литературы, смерть человека, археология знания,

¹ Фуко М. Власть и знание // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью 1970–1984. В 3-х частях. Ч. 1 / М. Фуко. – М.: Практис, 2002. – С. 286.

² Фуко М. Власть, великолепный зверь // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Статьи и интервью 1970–1984. В 3-х частях. Ч. 3 / М. Фуко. – М.: Практис, 2006. – С. 10.

³ Фуко М. Интеллектуалы и власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. В 3-х частях. Ч. 1 / М. Фуко. – М.: Практис, 2002. – С. 69.

⁴ Уэйд С. Мишель Фуко в Долине Смерти. Как великий французский философ триповал в Калифорнии / С. Уэйд. – М.: РИПОЛ классик, 2020. – С. 173.

⁵ Фуко М. Археология знания / М. Фуко. – СПб.: Гуманитарная Академия; Университетская книга, 2004. – С. 60.

⁶ Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Т. 2 / М. Фуко. – СПб.: Академический проект, 2004. – С. 14.

генеалогия власти, история сексуальности, техники заботы о себе — во всех тектонических сдвигах фукольдианского письма движущей силой выступало парадоксальное (не)совпадение истины и свободы. Особенно прямо Фуко заговорил о них лишь в последние годы, но без учета предшествующего пути трактовка исследований «заботы о себе» и «паррессии» может скатиться в софистические упражнения, где вопрос об истине не имеет значения. Ясный стиль поздних работ следует понимать как дистанцию, позволившую спокойным взором охватывать вовсе не спокойные прежние тексты. Тексты, чей драматизм порождался сущностным напряжением истины и свободы, далеко не всегда доступным прямому схватыванию, а потому искрящим сквозь фигуры методологического умолчания. Свобода не сказанна, а истина лишь мираж на ее немой поверхности — мираж, без которого нет ничего.

Вместе с тем актуальное рассмотрение не может происходить в нейтральном контексте, поскольку именно указанные фукольдианские темы сегодня продолжают толковать как культурализм или даже «критическое варварство»⁷, обвиняя во всевозможных формах герметизации мысли внутри антропологического пузыря и языкового релятивизма. Для многих современных материалистов ссылки на Фуко считаются дурным тоном, несмотря на обилие подобных ссылок у их главного вдохновителя Жюль Делеза и на взаимное влияние этих мыслителей. При этом нельзя сказать, что попытки материалистической трактовки Фуко не встречаются вовсе. Например, не так давно вышла любопытная книга Томаса Лемке «Правительство вещей: Фуко и новые материализмы»⁸. Однако подобные работы, как правило, лишь подшивают фукольдианскую мысль к новым проектам, предлагая даже не ребрендинг, а компаративный анализ. Речь в ней не идет о действенной реконструкции альтернативного материалистического основания философии Фуко, способного указать на полемические различия в новых материализмах. Пожалуй, сегодня не хватает именно такого подхода, высвобождающего актуальное ядро его мысли из лап «критического варварства» и обнаруживающего в нем альтернативное расширение неоматериализма. Мы не станем претендовать на восполнение данной нехватки, но попытаемся

⁷ Latour B. Why Has Critique Run out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern / B. Latour // *Critical Inquiry*. – 2004. – Vol. 30. – No. 2. – P. 225–248.

⁸ Lemke T. *The Government of Things. Foucault and the New Materialisms* / T. Lemke. – NY: New York University Press, 2021. – 320 p. – ISBN 978-1479808816.

сформулировать трактовку фукольдианской археологии как теории-практики освобождения, солидарной с подобной возможностью.

Для этого необходимо эксплицировать философские основания археологического метода, позволяющие вывести его за пределы размытой культуралистской и узкой структурно-эпистемологической интерпретаций. Именно с этой целью мы взяли две короткие формулировки, задающие геометрическую прогрессию значений, охватывающих весь объем предстоящего размышления. Первая формулировка (*пустота Внешнего*), отсылает к блестящей интерпретации творчества Мориса Бланшо⁹, но вместе с тем намекает на вполне актуальный спекулятивно-материалистический пафос поисков великого Внешнего¹⁰. Вторая формулировка (*связка истины и свободы*) также имеет как минимум два лица. С одной стороны, роль, которую в становлении Фуко сыграло чтение Мартина Хайдеггера¹¹, положившего тезис о свободе как сущности истины¹² в основу своего онто-поэтического творчества. С другой, антидиалектические аргументы 1960-х годов и попытки справиться с ними в поисках нового диалектического материализма (осмысление поздних алеаторно-материалистических текстов Луи Альтюссера, анархо-платонизм Алена Бадью, левое шеллингианство Славоя Жижека и так далее). Всего две формулировки одного и того же, но целый лабиринт историко-философских связей и актуальных проблем, в котором фигура Мишеля Фуко теряется, реализуя его собственное желание и оставляя нам возможность мыслить вместе с ним.

I. Различающая невозможность Внешнего: смерть субъекта

Как таковая тема Внешнего, наряду с пустотой, отсутствием, смертью и в целом переосмыслением сил негативного, характеризует работу Мишеля Фуко периода зачарованности литературой. В первую

⁹ Фуко М. Мысль извне // Морис Бланшо: Голос, пришедший извне / М. Фуко. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – С. 126–154.

¹⁰ Мейясу К. После конечности: эссе о необходимости контингентности / К. Мейясу. – Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015. – С. 15.

¹¹ Фуко М. Возвращение морали // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Статьи и интервью 1970–1984 / М. Фуко – Ч. 3. – М.: Практика, 2006. – С. 280.

¹² Хайдеггер М. О сущности истины // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Сборник / М. Хайдеггер. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 8–27.

очередь это тексты середины 1960-х годов между «Историей безумия» и «Археологией знания», особое положение среди которых занимает посвященное Бланшо эссе «Мысль Извне»¹³ (в другом переводе «Мысль о Внешнем») и книга о Раймоне Русселе¹⁴ — самый личный, оказавший влияние на его друга Жиля Делеза и недооцененный в русскоязычном интеллектуальном пространстве текст Фуко. Однако общие границы периода можно прочерчивать от работы о Людвиге Бинсвангере 1954 года¹⁵ до первых курсов в Коллеж де Франс начала 1970-х годов. Фуко обнаруживает здесь интерес к опыту освобождения и выхода во Внешнее через вопрошания пустоты, негативного, не в смысле отрицания, а как указание на то, что выход за пределы возможен лишь как опыт-предел. Вне конъюнктуры языка, знания, власти, всегда есть немая, немислимая и неподвластная смерть, но существует ли зазор между обществом и смертью, ускользающий от репрезентации и оставляющий место свободе? Возможен ли другой язык между немой моей смертью и автоматизмом готовой индивидуальной речи? В связи с этим Фуко ищет Внешнее как зазор промеж очевидностью зияющего в смерти Ничто и очевидностью картины мира, в которой мы живем. Подлинное Внешнее, не позволяющее расположиться и не обнаруживающее себя ни в качестве одного из мест в наших представлениях о мире, ни как их пустое отрицание, но которое вынуждает язык говорить, знание — представлять, а власть — действовать. Внешнее как немой напор свободы.

Его поиски принимают форму своего рода апофатической лирики, соединяющей мистическое растворение Я с ницшеанским тезисом о смерти Бога, в связи с чем субъект растворяется уже не в Едином или Ничто, а в пустоте Внешнего. Эта апофатическая лирика получила развитие в диалоге с Жоржем Батаем¹⁶, но, тем не менее, Фуко выстраивал не альтернативную версию «сакральной социологии», а свой собственный подход, что видно уже на материале исследований безумия. Именно здесь, вопреки расхожему представлению, корни фукольдианской археологии, а не в структуралистской

¹³ Фуко М. Мысль извне // Морис Бланшо: Голос, пришедший извне / М. Фуко. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – С. 126–154.

¹⁴ Foucault M. Death and the Labyrinth: The World of Raymond Roussel / M. Foucault. – NY: Continuum, 2004. – 256 p.

¹⁵ Фуко М. Введение к: Бинсвангер Л. Сон и существование // Фуко М. Ранние работы / М. Фуко. – СПб.: Владимир Даль, 2015. – С. 83–197.

¹⁶ Фуко М. О трансгрессии // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века / составитель Фокин С. Л. / М. Фуко. – СПб.: Мифрил, 1994. – С. 112–131.

эпистемологии. Археология — это путь Фуко сквозь различные тексты, формировавшие современного субъекта в свете переосмысленного опыта негативности. Лишь во вторую очередь она является попыткой инструментализации методологических находок этого маршрута: именно находок, чего-то обнаруженного в процессе исследований, а не предшествовавшего им¹⁷. Отсюда и странность работы «Археология знания»¹⁸ (несмотря на претензию открытия новых исследований, в некотором смысле лишь формализующую пройденный путь). Текст будто пытается оправдаться, поставить точку и вырваться из собственного предметного поля. Отсюда вовсе не следует, что в нем отсутствуют реальные методологические указания. Можно сказать, что фукольдианская археология не сводится к методу, изложенному в книге «Археология знания», хотя книга «Археология знания», вне всяких сомнений, имеет решающее значение для фукольдианской археологии. Работа совершает важный шаг в трактовке знания, извлекающий рациональное зерно предыдущих текстов и подготавливающий к проблематизации власти. Воля к знанию и воля к власти неразрывно связаны в археологии как «теории-практике множеств»¹⁹, обнаруживающей немислимое Внешнее условие мысли в зазорах между тождеством субъекта и безразличием Ничто, между Я и смертью.

Если апофатическое мышление мистика, при всем своем загадочном флере, вполне понятным образом искало в своей смертности Бога как простое негативное, как не-мир, то археология ищет нечто гораздо более немислимое и невозможное — опыт смерти Бога. Ничтожение самого ничто, которое, вместе с тем, не является формальным отрицанием отрицания или, во всяком случае, мыслится совсем не по-гегельянски. Гегель выводит из спекулятивного ядра мистицизма диалектический тезис о тождестве субъекта и субстанции как чистой негативности²⁰. При этом для Фуко мистическое и диалектическое Ничто представляются ложным опытом Внешнего, ложным выходом субъекта вовне себя, служащим лишь тому, чтобы в конечном

¹⁷ Фуко М. Власть и знание // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью 1970–1984. В 3-х частях. Ч. 1 / М. Фуко. – М.: Практикс, 2002. – С. 285–286.

¹⁸ Фуко М. Археология знания / М. Фуко. – СПб.: Гуманитарная Академия; Университетская книга, 2004. – 416 с. – ISBN 5-93762-034-8.

¹⁹ Делез Ж. Фуко / Ж. Делез. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. – С. 17.

²⁰ Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 2015. – С. 9.

счете себя же и обрести²¹. Поэтому он обращается к опыту смерти Бога как ничтожению ничто: это не опыт простого негативного, а опыт немыслимого и невозможного²², где «не-» ускользает от мистической (псевдо)трангрессии в область чистого «бытия различения» и «непозитивного утверждения»²³. Фуко обнаруживает этот постмистический, или, вполне можно сказать, трагико-дионисийский, опыт Внешнего не в какой-либо теологической тематизации (они появятся позже, например, в современных трактовках материалистической теологии, христианского атеизма и т.п.), а в литературе. Как одновременно опыт ничтожения ничто и трагический опыт безумия, он впервые заявил о себе через де Сада и Гельдерлина²⁴, а вслед за ними у Ницше, Малларме, Арто, Батая, Русселя, Клоссовски, Бланшо... Литературный язык воплощает стремление субъекта отсрочить смерть, одновременно являясь другим опытом смерти²⁵. Он есть ничто иное как раскрытие в речи субъекта другого языка, доиндивидуального, сквозящего в бесконечном умножении масок и различий между мной как самотождественным сознанием и моей смертью как безразличным ничто. Зазор Внешнего как немыслимого различительного напора, позволяющего языку говорить. Не «бытие-к-смерти», которая есть «ковчег Ничто»²⁶, где я не смогу увидеть ничего, кроме негатива собственного тождества, а переосмысленная негативность в самом сердце моего существования, организующая сновидческий опыт различенной смертности как полноты²⁷ и, вместе с тем, неуловимости бытия. Не все авторы в указанном списке первопроходцев трагико-дионисийского Внешнего как ничтожения ничто являются писателями и поэтами, но характерно, что даже философы, попавшие в него,

²¹ Фуко М. Мысль извне // Морис Бланшо: Голос, пришедший извне / М. Фуко. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – С. 30.

²² Фуко М. О трангрессии // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века / составитель Фокин С. Л. / М. Фуко. – СПб.: Мифрил, 1994. – С. 115.

²³ Там же. С. 119

²⁴ Фуко М. Мысль извне // Морис Бланшо: Голос, пришедший извне / М. Фуко. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – С. 130. Фуко М. О трангрессии // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века / составитель Фокин С. Л. / М. Фуко. – СПб.: Мифрил, 1994. – С. 112–131.

²⁵ Foucault M. Language to Infinity // Foucault M. Language, Counter, Memory, Practice. Selected Essays and Interviews / M. Foucault. – NY: Cornell University Press, 1996. – P. 53–68.

²⁶ Хайдеггер М. Вещь // Хайдеггер М. Время и бытие / М. Хайдеггер. – СПб.: Наука, 2007. – С. 448.

²⁷ Фуко М. Введение к: Бинсвангер Л. Сон и существование // Фуко М. Ранние работы / М. Фуко. – СПб.: Владимир Даль, 2015. – С. 83–197.

мыслят вполне поэтически, сознательно играют с «лирикой» слова, а не воспринимают его в качестве руды для добычи чистых логических пропозиций. Именно по этой причине Фуко утверждал, что новым опытом негативного обусловлен особый статус литературы как таковой²⁸, обретенный ею в XIX веке. Современная литература и выступает «атеологией», опытом смерти Бога в смысле нового опыта негативного. Отсюда неразрывная связь археологии с литературой как следами формирования современного субъекта в отношениях с постмистическим опытом-пределом его задушевности. Фукольдианскую археологию интересует литература не в литературоведческом смысле, а в ее антропологической функции. Поэтому она не ограничивается предметным полем художественных текстов, а берется в общем архиве высказываний, сквозь который слово только и может кристаллизовать некий опыт.

Архив²⁹ представляет собой не синоним языка как совокупности грамматических возможностей и не безразличную совокупность всего сказанного, а структурированность пустых возможностей языка реальной историей сказанного, производящей поле актуальной практики единичных высказываний. Таким образом, архив неоднороден, и не все сказанное одинаково обуславливало опыт субъективации XIX-XX вв. Параллельно исследованиям литературы Фуко интересовался гораздо более широким контекстом дискурсивностей, ключевых для понимания антропологического производства — медицины (в первую очередь психиатрии) и гуманитарных наук. Открытие человека как самостоятельной биологической, социальной и языковой материальности, а не самопрозрачного и самождественного картезианского *cogito*³⁰, как конечного бытия, а не свернутого божества, происходило одновременно со становлением нового опыта негативного, смертью Бога³¹. Душа человека модерна — это антропологический круг, где он производит представление о себе как производящем представление о себе в немислимости самих этих условий,

²⁸ Фуко М. Мысль извне // Морис Бланшо: Голос, пришедший извне / М. Фуко. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – С. 128. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб.: А-сэд, 1994. – С. 401.

²⁹ Фуко М. Археология знания / М. Фуко. – СПб.: Гуманитарная Академия; Университетская книга, 2004. – С. 238–245.

³⁰ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб.: А-сэд, 1994. – С. 330–339. – ISBN 5-85962-021-7.

³¹ Там же. С. 402.

то есть в невыводимости «я существую» из «я мыслю»³². Человек становится объектом позитивного знания, несводимым к классической научной объективности и расщепляющей ее на область естественного и гуманитарного, вовсе не оттого, что сущность человека трансцендентна. Удвоение антропологического императива происходит в силу его же собственных условий, поскольку изнутри той биологической жизни, которой всецело принадлежит человек, он строит представления, благодаря которым он и живет³³. Таким образом, «душа» означает здесь не негативность мистического единства («Глаз, которым я вижу Бога, — тот самый глаз, которым Бог видит меня»³⁴), или диалектического «раздвоения простого»³⁵ а эмпирико-трансцендентальную двойственность³⁶ антропологического знания в самой его позитивности. Именно это выступило условием становящейся гуманитаристики, психологии, медицины и, в конечном счете, определенной биополитики, а не «душа», «человек» или «жизнь» как само собой разумеющиеся универсальные сущности, якобы обнаруживаемые под этими именами всегда и везде.

Подобный критический акцент важен, но следует уточнить, что подход Фуко никогда не был культуралистским. Исследование становления определенной эпистемы в Европе Нового Времени вовсе не означает, что в ней есть нечто «органически» европейское, не способное вступать в новые синтезы в других частях света и других языках. Истины не сводятся к грамматикам, они не подчинены конкретным языкам, хотя и не высказываются вне их. В работах Фуко отсутствует туристическо-колониальное восхищение перед «дикарями», ставящее во главу вопрос о том, как эти дикие свободные наречия могли бы получить слово в новоевропейских языках (пусть даже под «дикарями» подразумеваются не-модерные внутри наших собственных обществ). Для Фуко мы, нововременные европейцы, сами являемся такими же «дикарями» со своими городскими джунглями и тюремными ритуалами. Истина функционирует

³² Там же. С. 345.

³³ Там же. С. 371.

³⁴ Реутин М. Ю. Мистическое богословие Майстера Экхарта: Традиция платоновского «Парменида» в эпоху позднего Средневековья / М. Ю. Реутин. – М.: РГГУ, 2011. – С. 185. – ISBN 978-5-7281-1229-7.

³⁵ Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 2015. – С. 9. – ISBN 5-02-026948-4.

³⁶ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб.: А-сид, 1994. – С. 339. – ISBN 5-85962-021-7.

не в господствующих или, напротив, миноритарных нарративах, а в неизбежности самих этих умножающихся различий, обусловленных необходимым для высказывания сопротивлением Внешнего. Фуко радикально чужд руссоизму и предельно денатурирует всякое знание, всякую культурную форму и, в конечном счете, всякую форму опыта. Для него «природа» лишь диспозитив новоевропейского представления о бытии, а не самоочевидное поле референции. Соответственно, ничья речь не «натуральна», ни для кого невозможно высказать «сырое» бытие – человек в качестве говорящего бытия всегда уже «приготовленный». Именно отсюда становится понятной вторая форма нового опыта негативного. Подобно тому, как смерть Бога есть ничто самого ничто, поскольку Бог в первом смысле уже есть не-мир, так и здесь мы получаем аналогичную фигуру мысли. Природа как сырое внешнее бытие есть не-язык, а его деструкция приводит нас к отрицанию самого отрицания. Небезосновательно можно назвать это вывернутым наизнанку спинозизмом, где тождество негации Бога и негации Природы становится искомым зазором Внешнего как неопозитивной утвердительностью бытия различения или, лучше сказать, дифференциальной имманентностью. Поэтому фукольдианская археология не допускает характерного для культурализма замыкания в автономном домене человеческого, дробящемся на подзамыкания в идентичностях. Достаточно вспомнить высказывание, что Фуко считает себя материалистом, поскольку не верит в реальность³⁷. Вместо герметизации человеческого, понимается ли оно как разумное или как языковое, он приближает мысль к немыслимому, к вопросу о Внешнем в его невозможности.

Если атеологическая негативность восходит к диалогу с Батаем и Ницше, то денатурирующая не обошлась без Иммануила Канта. Действительно, у Канта внешнее материальное бытие запирается в черном ящике вещи-в-себе, а поскольку оно не может быть познано, то познание сводится к исследованию субъективных условий возможности той объективности, что и дана в исследовании. Формально материальная природа остается в представлении о вещи-в-себе, но фактически происходит ее негация, что порождает весьма специфическую фигуру негативного. У самого Канта можно найти попытки схватить ее через различие между *nihil negativum* (негатив-

³⁷ Мейясу К. Время без становления / К. Мейясу. – Текст: электронный // Gefter: [сайт]. – 2013. – 14 февраля. – URL: <https://gefter.ru/archive/7657> (дата обращения: 07.10.2024).

ность как пустая самопротиворечивость, например, четырехугольный треугольник) и *nihil privativum* (отрицание без отрицания, например, светлое есть не-темное композиционно, а не отрицательно)³⁸. Именно с этого, как указывал Фуко³⁹, открылся путь критической мысли, в котором можно усмотреть первый эквивалент непозитивной утвердительности Внешнего. Кант тем более важен, что Фуко перевел на французский и прокомментировал его «Антропологию с прагматической точки зрения», надолго сохранив в собственных работах следы кантовского языка, например, в таких понятиях как «условия возможности» и «историческое а priori». Однако едва ли здесь уместно говорить о прямой преемственности. Кантианство во многом послужило основой именно для культуризма и социологизма, с которыми Фуко последовательно расходится. Даже с феноменологией, гораздо более уточненным наследием кантовского поворота, он однозначно порывает. Дело в том, что для Канта существовал некий универсальный разум, трансцендентальный субъект, в глубине целей которого, недоступной индивидуальному сознанию, гармонируется весь космический порядок, недоступный индивидуальному сознанию. Бесконечность, в которой цели разума и цели природы совпадают, не оставляя места для столкновения ни с каким Внешним. Однако на уровне социокультурных изводов кантианства эта схема начинает рушиться, ведь помещая априорную бесконечность целей разума, эту трансцендентальную рамку, в некую конкретную культуру или социальную структуру, мы сталкиваемся с несоответствиями множества локальных систем разума и бытием как таковым, данным в противоречиях культур и исторического процесса. Отсюда имеется два классических выхода, первый из которых обнаруживается в диалектическом подходе, принимающем противоречия, осмысляющем их и утверждающем в качестве субстанции самого бытия, понимаемой, таким образом, негативно. Второй же подход, цивилизационный, становится своего рода искаженным кантианством, снимая противоречия локальных культур наивно-органицистским утверждением о существовании отдельных цивилизаций, рождающихся и развивающихся неким естественным путем, логика которого теряется во мраке расовых теорий или мистицизма. Цивилизации («культурно-исторические типы»⁴⁰ или «души культур»⁴¹)

³⁸ Кант И. Критика чистого разума / И. Кант. – М.: Мысль, 1994. – С. 213.

³⁹ Фуко М. О трансгрессии // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века / составитель Фокин С. Л. / М. Фуко. – СПб.: Мифрил, 1994. – С. 119.

⁴⁰ Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – М.: Книга, 1991. – С. 85.

мыслятся как целостности, превышающие позитивно данные социальные формы и выступающие условиями их возможности, — сообразными Природе метаорганизмами, которым приписываются индивидуально-биологические циклы от рождения к смерти⁴² или от весны к зиме⁴³. Мыслить в рамках этого запоздалого романтизма, потерявшего свои зубы и очарование своей улыбкой, Фуко, очевидно, не согласен, как минимум исходя из критической позиции в отношении любых натурализаций. Тем более что в своих исследованиях он прекрасно показал условия и ограниченность тяги XIX столетия к биологизации.

Диалектика лишена подобных недостатков, настаивая на прогрессивном разуме и переосмыслении сил негативного, однако и с ней Фуко также расходится, что ясно уже из рассмотренного ранее отношения к Ничто. Негативность в диалектике остается лишь отрицательной — как явленное в противоречии негативное тождество субъекта и субстанции. Да, в конечном счете происходит синтез, где отрицание выступает лишь моментом становления. Однако само определение негативного как всего лишь момента отрицания в понятии и не устраивает Фуко, настаивающего на трагико-дионисийском (постмистическом) опыте негативности. Диалектическая негативность, как и Ничто мистицизма, представляется ему ложным становлением и ложным выходом субъекта за пределы себя⁴⁴, а, следовательно, ложным образом Внешнего и смерти, поскольку отрицание не содержит в себе ничего кроме того, что оно отрицает, и тем самым, в действительности, лишь сохраняет тождество. В противоположность этому ничтожение самого ничто (смерть Бога-не-мира и деструкция Природы-не-языка) является положительно заряженной пустотой Внешнего — дифференциальной имманентностью, а не отрицанием и нехваткой. В связи с этим Фуко и писал, что необходимо «вернуть в пространство знака, в это открытое, бесконечное, зияющее пространство, не имеющее никакого реального содержимого, не знающее примирения, всю ту игру негативного, которую диалектика в конце концов обезвредила»⁴⁵. При этом речь не о фигуре нигилизма, а скорее о диалектике без

⁴¹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: В 2 т. Т. 1. Образ и действительность / О. Шпенглер. — М.: Академический проект, 2022. — С. 26.

⁴² Там же. С. 56.

⁴³ Там же. С. 82.

⁴⁴ Фуко М. Мысль извне // Морис Бланшо: Голос, пришедший извне / М. Фуко. — М.: Новое литературное обозрение, 2023. — С. 130.

⁴⁵ Фуко М. Ницше, Фрейд, Маркс / М. Фуко // Кентавр. — 1994. — № 2. — С. 48–56.

диалектики, где все двойится и множится, но не через противоречие и отрицание, а в гетерогенности самих условий возможности оппозиций, в неизгладимом зазоре Внешнего, дифференциальной имманентности. Дух работ Фуко, как и общий дух революционного мышления 1960-х годов в целом (от негативной диалектики и ситуационизма до контркультуры и антипсихиатрии), заключался не в варварском цинизме, а именно в позитивности негативного, в прорыве ко Внешнему, в поиске путей возможности невозможного в его конкретных формах. Попытка более подробного рассмотрения донисийского непозитивно-утвердительного понимания негативности от Канта и Гегеля через Ницше к постструктурализму Фуко и Делеза была предпринята в исследовании Дианы Кул⁴⁶, хотя она и опускает многие затрагиваемые нами вопросы. В целом можно сказать, что не все трактовки диалектики сводятся к нигилизму или обслуживанию тождества. Мы лишь отметили расхождение присущего Фуко ницшеанско-постструктуралистского взгляда на становление с понятием становления в гегельянской диалектике. Конечно, существуют попытки ее переучреждения на шеллингианских основаниях Славоем Жижекком или трансформации материалистической диалектики у позднего Луи Альтюссера. Однако без учета антигегельянства 1960-х годов трудно представить подобное перерождение вопроса о диалектическом материализме — вопроса, подвешенного до сих пор.

Таким образом, Внешнее как невозможный предел, вносящий смуту становления в вещи и позволяющий языку говорить, не может быть ни представлением самотождественного сознания, ни безразличием Ничто. Негативное как отрицание и ничто ироничным образом лишь возвращается к тождеству, к разумным целям автономного сознания и линейного движения исторического процесса. Подлинную негативность Внешнего можно понять лишь как непозитивно-утвердительную: дифференциальная имманентность немислимого и невозможного, чей напор превращает критику в производство. «Абстрактная буря»⁴⁷, вносящая различие в саму негативность как неуловимый избыток свободы. Впервые Фуко извлекает этот конститутивный для археологии опыт в атеологических и денатурализирующих исследованиях условий становления антропологической машины XIX-XX вв. Производство человека расщепленной души, человека

⁴⁶ Coole D. *Negativity and Politics: Dionysus and Dialectics From Kant to Poststructuralism* / D. Coole. – London; NY: Routledge, 2000. – 282 с. – ISBN 978-0415031769.

⁴⁷ Делез Ж. Фуко / Ж. Делез. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. – С. 172

«психологического», формировавшегося от романтизма к психоанализу и породившего мифы о вдохновенных гениях и ужасающих безумцах. Открытым остается вопрос, в какой мере мы, жители первой четверти XXI века, все еще остаемся связанными с данным типом антропологического производства. Конечно, по более поздним признаниям самого Фуко⁴⁸, процесс стирания фигуры человека на песках истории оказался не столь однозначным, как он полагал в конце «Слов и вещей»⁴⁹, но контуры этой фигуры определенно изменились. В любом случае археология пыталась обнажить негативную субстанцию психоморфного воображения человека XIX-XX вв. не в качестве разоблачающей изнанки, а именно как утвердительную свободу Внешнего. Вопрос не в том, что некая истина оказывается мифом, и что «внутренние» образы требуется проверять «внешними» предметами. Речь о зазорах невозможного Внешнего, из которых свободно разворачиваются все возможные различия. Отсюда специфический формализм Фуко и его ассоциация с трактовкой различия Жилем Делезом, что обусловлено не только духом времени, но и взаимным чтением, интеллектуальной дружбой между философами. Делез в «Различии и повторении»⁵⁰ прямо ссылаясь на анализ различительной силы масок и двойничества, предпринятый Фуко в исследовании творчества Раймона Русселя⁵¹. В ответ и сам Фуко высоко оценил «Различие и повторение», а в 1970 году в посвященной Делезу статье для журнала «Critique» написал: «Бытие — это повторение различия, без всякого различия в форме его выражения. Бытие не распределяется по областям; реальное не подчинено возможному; а случайное не противостоит необходимому»⁵². Сугубо делезианские изводы данных тезисов, при всей солидарности, отличны от фукольдианских, но ограничимся утверждением, что из обеих перспектив негативный напор Внешнего не следует мыслить ни силой отрицания, исходящей из субъекта, ни безразличием Ничто. Внешнее как невозможный и необходимый предел есть чистое различие,

⁴⁸ Фуко М. Возвращение морали // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Статьи и интервью 1970–1984 / М. Фуко – Ч. 3. – М.: Праксис, 2006. – С. 271–287.

⁴⁹ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб.: А-сэд, 1994. – С. 404.

⁵⁰ Делез Ж. Различие и повторение / Ж. Делез. – СПб.: Петрополис, 1998. – С. 38.

⁵¹ Foucault M. Death and the Labyrinth: The World of Raymond Roussel / M. Foucault. – NY: Continuum, 2004. – 256 p.

⁵² Фуко М. Theatrum philosophicum // Делез Ж. Логика смысла / Ж. Делез. – М.: Академический проект, 2011. – С. 460.

дифференциальная имманентность, в которой этот субъект растворяется. Именно отсюда проступают контуры понимания Внешнего и свободы-истины как модификаций одного (Не-Единого).

II. Свобода как условие реальности возможного: да здравствует субъект!

Однако вернемся к следам Канта в «условиях возможности» неких «форм опыта», характеризующих восприятие «ненормальных» в «Истории безумия», представление о человеке в «Словах и вещах», а в конечном счете и практики «дисциплины» в «Надзирать и наказывать». Для понимания отличий археологического подхода от кантовского достаточно указать, что находкой в нем является вовсе не гомогенность условий, предписывающих правила представления гетерогенного опыта, а гетерогенность самих этих условий. Говоря иначе, не субъект выступает условием возможности опыта, а, наоборот, опыт, рационализирующий гетерогенность времени, производит субъекта⁵³. В этом и заключался смысл введения понятия «историческое а priori»⁵⁴. Археология производит деструкцию кантовского трансцендентализма вместо его структурно-эпистемологической итерации, исходя из которой переход Фуко к тематизации власти выглядел бы разрывом, а наличие связанных с ней исследований внутри «археологического периода» было бы неуместным. Различные формы опыта и типы высказываний действительно обусловлены соответствующими эпистемами, стратегиями власти, диаграммами знания-власти в целом, но сам факт, что существуют *различные* типы высказываний в *различных* условиях, определяется не «условиями возможности», а тем, что сами условия обусловлены различительной силой Внешнего. Именно это выступает реальным предметом археологии. У Канта же нет никакого давления извне на априорное. Да, чувства аффицируются, без чего априорное себя не явит, но проявляется оно лишь в одностороннем порядке, лишь формируя чувственность согласно своим правилами, ограничивающим все поле возможного опыта. У Фуко, напротив, именно Внешнее как различающая сила вынуждает постоянно создавать правила, и оно же дела-

⁵³ Фуко М. Возвращение морали // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Статьи и интервью 1970–1984 / М. Фуко – Ч. 3. – М.: Праксис, 2006. – С. 284.

⁵⁴ Фуко М. Археология знания / М. Фуко. – СПб.: Гуманитарная Академия; Университетская книга, 2004. – С. 244.

ет любые правила гетерогенными. Как если бы трансцендентальный субъект возникал в качестве зыбкого миража некоего опыта, а не его формы, но при этом — миража необходимого. Тонкие ходы, избегающие как пошлого релятивизма, так и наивного универсализма.

Отсюда постоянные двусмысленности в работах Фуко, непротиворечивое двойничество ключевых понятий. С одной стороны, описание механизмов установления истинного, принуждающих нас к определенному порядку, а с другой — утверждение, что истина разрывает порядок. Причем скрытым следствием оказывается не простое столкновение или софистический парадокс, а обнаружение действительности истины в плане чистых множеств, дифференциальной имманентности: «Нет утверждения истины без сознательной позиции инаковости; истина никогда не бывает тем же самым; истина возможна лишь в форме другого мира и другой жизни»⁵⁵. Мышление не сводится к эпистемической конъюнктуре; напротив, только в событии мышления и можно столкнуться с отчуждающими его стереотипами. Вездесущая власть не означает отсутствие свободы, напротив, лишь в отношении действительной свободы реализуется власть. Не трансцендентализм и не диалектика, а мультиплицирование свободы. Не требует свободы для своей реализации только насилие, которое часто сопрягается с различными формами знаний и власти, но само таковыми не является. Насилие — это реальное событие, а не игра возможностей, хотя в качестве такового оно может вносить учреждающие разрывы в поле возможного, а его эффекты неизбежно абсорбируются некими истинностными играми. В этом плане характерно, что Фуко, при всех критических дистанциях и методологических двусмысленностях, был весьма недвусмысленным в отношении насилия. Насилие оказывалось вне игры не оттого, что Фуко не хватало мужества включать его в игру. Едва ли такой упрек можно адресовать нищанцу, с арматурой в руках отбивающему протестующих студентов от полицейских. Дело в том, что насилие как таковое вообще не «играет», сущностно отличаясь от знания и власти как обусловленных свободой условий. В действительности оно регулярно выступает инструментом этих игр, но не совпадает с действующей в них силой и, более того, не является их необходимым условием⁵⁶. Между прочим,

⁵⁵ Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983–1984 учебном году / М. Фуко. — СПб.: Наука, 2014. — С. 311.

⁵⁶ Фуко М. Субъект и власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Статьи и интервью 1970–1984. В 3-х частях. Ч. 3 / М. Фуко. — М.: Праксис, 2006. — С. 180.

данный момент демонстрирует принципиальное расхождение фукольдиданской мысли с деконструктивизмом Деррида. Несмотря на то, что деконструкция в определенном смысле тоже расщепляет кантианскую рамку и даже оказывается близкой спекулятивному материализму⁵⁷, в ней не остается никакого нерастворимого остатка, ничего реального, кроме расщепления в бесконечном потоке оговорок. Работая в той же плоскости онтологий различия, деконструкция не извлекает немой напор свободы в истине, а приводит саму мысль к немоте, к своего рода аскетическому идеалу, далекому от дионисийского опыта Фуко.

Сводя все сказанное в один посткантианский принцип, позаимствуем формулу Анри Бергсона: «не возможное делается реальным, а реальное становится возможным»⁵⁸. Никакой нехватки и неполноты реального, восполняемой знанием-властью как формой, штампующей действительность, в которой некуда отвести взгляда и за пределами которой лишь смерть. Да, существуют некоторые структурные элементы, чья комбинаторика обуславливает поле возможного, — эдакие геометрические фигуры из платоновского диалога «Тимей» или бегущие строчки кода в фильме «Матрица». Однако сами эти элементы существуют отнюдь не в модусе возможного — они вполне реальны, а реальное с необходимостью вносит учреждающий разрыв в поле возможного. Синхронизируясь в этом пункте с Делезом, Фуко выбирает, до некоторой степени, более удачные ходы, не допускающие упреков в витализме. Отношения Делеза с витализмом носят непростой характер, позволяющий вынести из полемики невинный остаток; но, тем не менее основания для антивиталистской критики в его адрес существуют. Фуко же, подходящего к условиям реальности через ничтожение ничто и вывернутый наизнанку спинозизм, не удастся обвинить в витализме. Безусловно, его критика «природы» является лишь отказом от господствующей новоевропейской трактовки (галилео-картезианской), но вполне может быть соотнесена с представлением о «земле», характерном для геофилософии (особенно если учесть общее для них значение Ницше). Здесь можно вспомнить слова Джейн Беннетт: «Понятие Дикого у Торо имеет любопытные сходства с идеей виртуального у Делеза и

⁵⁷ Goldgaber D. *Speculative Grammatology: Deconstruction and the New Materialism* / D. Goldgaber. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2021. – 200 p. – ISBN 978-1474438346.

⁵⁸ Бергсон А. *Возможное и действительное* // Бергсон А. *Мысль и движущееся: Статьи и выступления* / А. Бергсон. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. – С. 88.

понятием немислимого у Фуко. Все три мыслителя пытаются отдать должное силе, которая, хотя и является реальной и могущественной, однако внутренне сопротивляется репрезентации»⁵⁹. Действительно, Фуко относится к числу тех мыслителей, кто осуществлял деструкцию натурализма, которая, будучи отличной от «критического варварства», сделала сегодня возможным вопрос о новой натурфилософии. О философии природы не в качестве метафизики сущего в Целом как представления об однородности Вселенной или о порядке Космоса (будто о нем можно знать что-то кроме красоты), а природы как Внешнего, предстающего для Фуко непозитивно-утвердительным столкновением с невозможным. Однако проступающий за этим материализм археологического подхода следует назвать скорее формалистским, чем виталистическим.

Таким образом, принцип «не возможное делается реальным, а реальное становится возможным», означает, что археология не ищет истину вещей в условиях субъективного производства высказываний о них, а открывает гетерогенность внутри самой истины. Разрывы, проблематизирующие мышление, драматизирующие истину, и через это выводящие к свободе дифференцирующего Внешнего. Но как понимать несоответствие в истине, если истина сама есть соответствие («*adaequatio*», «*correspondentia*»)? По мнению Фуко, в опыте знания расположена фундаментальная несводимость, асимметрия — это различие между видимым и говоримым, между двумя неразрывно связанными друг с другом необходимыми условиями нашего знания. Каждое из них представляет собой относительно гомогенное знаковое пространство, но неизбежно обнаруживает гетерогенность в отношении другого. Проще говоря, слова и вещи не переводятся друг в друга единообразно и без остатка, но именно этот немислимый зазор выводит мысль в реальное Внешнее и связанную с ним проблему истины. Это было хорошо подмечено Делезом:

Процесс мысли относится к внешнему, если только оно, эта “абстрактная буря”, проваливается в промежуток между видением и говорением. Обращение к проблеме внешнего — постоянная тема у Фуко, и это означает, что мышление не является лишь проявлением некоей врожденной способности, но должно еще “случиться” с мыслью⁶⁰.

⁵⁹ Беннетт Дж. Пульсирующая материя: Политическая экология вещей / Дж. Беннетт. — Пермь: Гиле Пресс, 2018. — С.16.

⁶⁰ Делез Ж. Фуко / Ж. Делез. — М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. — С. 116.

Более того, видимое и говоримое не просто гетерогенны друг в друге, но, будучи основными регистрами знаемого, уже несут в себе разрыв, находясь в обусловливающих отношениях с незримым и несказанным, где, собственно, и разворачивается основная драма. Как таковой различительный принцип (не)видимое/(не)говоримое функционировал в текстах Фуко как минимум с изданного в 1963 году «Рождения клиники»⁶¹, но с годами совершенствовался и, пожалуй, наибольшую тонкость обрел в тексте 1973 года, посвященном картине Рене Магритта⁶². При этом самое знаменитое отражение он нашел в идее паноптической власти, изложенной в опубликованной в 1975 году «Надзирать и наказывать»⁶³, что в очередной раз демонстрирует распространение археологических принципов далеко за пределы общепринятых рамок периода «археологии знания» (или «структуралистского периода») творчества Фуко, проникая в самое сердце «генеалогии власти». Даже среди исследователей, настаивающих на строгом разграничении, многие обращают внимание, что выход к проблеме власти происходит через концептуализацию проблематичного совпадения воли к знанию и воли к власти⁶⁴, соответствующего археологическим находкам, а не через разрыв в предметном поле. По этой причине мы и считаем себя вправе обозначать подход Фуко как «археологический» безотносительно «периодов». Археология как путь весьма гетерогенна, а ее ключевая метафора и онтология различия характеризуют всю работу Фуко в целом, даже когда она подступает к своему пределу, оставляя нам то, что следовало бы назвать уже *анархеологическим*.

Однако (ан)археологическая идея гетерогенности истины как ее обусловленности свободой не исчерпывается рассмотрением оптико-лингвистического различия. Она восходит к прочтению Мартина Хайдеггера, которое, по собственному признанию Фуко⁶⁵, сыграло огромную роль в его становлении. Дело в том, что именно Хайдеггер определил сущность истины как свободу⁶⁶. При этом свобода берется

⁶¹ Фуко М. Рождение клиники / М. Фуко. – М.: Смысл, 1998. – 310 с. – ISBN 5-89357-030-8.

⁶² Фуко М. Это не трубка / М. Фуко. – М.: Художественный журнал, 1999. – 152 с. – ISBN 5-901116-02-X.

⁶³ Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / М. Фуко. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – С. 238.

⁶⁴ Elden S. Foucault: The Birth of Power / S. Elden. – Cambridge: Polity Press, 2017. – P. 31.

⁶⁵ Фуко М. Возвращение морали // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Статьи и интервью 1970–1984 / М. Фуко – Ч. 3. – М.: Праксис, 2006. – С. 280.

⁶⁶ Хайдеггер М. О сущности истины // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Сборник / М. Хайдеггер. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 15.

не в качестве человеческой способности⁶⁷, провоцируя индивидуально-волюнтаристский релятивизм, а как феноменологическая данность сущего в его простоте, то есть значащее пространство поведения человека. Таким образом, не человек владеет свободой, а свобода — человеком. Хайдеггер приходит к утверждению свободы в существовании истины, отказываясь от привычного понимания истины как соответствия представления предмету (или говоримого видимому), то есть как правильности. Истинность, конечно же, выполняет данную функцию, но представление и предмет (говоримое и видимое) принципиально отличны друг от друга, гетерогенны. Требуется нечто третье в качестве внешнего условия, устанавливающего возможность их соответствия и последующей оценки его правильности. Таковым условием логической истины-правильности выступает для Хайдеггера онтологическая истина-несокрытость — не соответствие, а открытое пространство поведения, в котором человек способен проводить соответствия. Это и есть свобода, в которой исторически различным образом решается вопрос о соответствии, а не установленное *a priori* поле возможного, из которого такое решение могло бы следовать всеобщим и необходимым образом. Иначе говоря, задающая пространство человеческого поведения и сущностная для истины свобода обнаруживает себя не там, где наличествует «картина мира», слаженные и обусловленные знания, а в сопротивляющейся неизвестности⁶⁸. Говоря языком Фуко, в той самой немыслимости, откуда исходит различающая сила Внешнего. Хайдеггер сам пишет, что свобода проявления сущего в истине как несокрытость всегда имеет в качестве пред-сущности сокрытость⁶⁹. Мы никогда не оказываемся в чистоте и непосредственности абсолютной истины — тайна бытия древнее его несокрытости, а значит истина всегда ускользает в тени учреждающего сокрытия. Мы никогда не оказываемся в открытом просторе Внешнего, поскольку всегда находимся внутри заданных им условий, а значит одновременно и внутри, и вовне него.

Несложно усмотреть здесь предпосылки «исторического а priori», оптико-лингвистического различия и многих других археологических инструментов обнаружения гетерогенности истины как дифференцирующего молчания Внешнего. Однако здесь же необходимо отметить и существенные различия, находящие отражение

⁶⁷ Там же. С. 18.

⁶⁸ Там же. С. 20.

⁶⁹ Там же. С. 21.

в асимметричных отношениях между понятиями Внешнего и Открытого. Последнее выступает хайдеггеровским именем осмысления способа данности бытия в истине, то есть просвета бытия в *Dasein*⁷⁰, в то время как фукольдианское Внешнее подразумевает немислимое и даже невозможное самой этой данности. Достаточно обратить внимание, что для перевода на французский язык хайдеггеровского «открытого» («*offen*») обычно используется «*l'ouvert*», в то время как Фуко, говоря о «внешнем», использует «*dehors*» – не открытое, раскрытое, свободное для мысли, а нечто извне, снаружи — внешнее. В этом смысле Внешнее оказывается где-то между Открытым и радикально Иным, Чужим, выступая скорее пространством остранения, чем прояснения. Говоря иначе, если Открытое есть истина как несокрытость, которой предшествует тайна бытия, то Внешнее является именно этой тайной — извне самого Открытого. Однако нам важнее артикулировать различие, которое фукольдианское Внешнее вносит в само хайдеггеровское Открытое. Для Хайдеггера понимание Открытого удерживается в принципиальном различии между человеком и животным⁷¹, в то время как Внешнее у Фуко связано с деструкцией самой натуралистической границы в чистом бытии различения. Конечно, хайдеггеровская философия с его ставкой на онтологическое различие не может быть названа вполне антропоцентрической. Существуют убедительные интерпретации *Dasein* как нечеловеческого. Тем не менее сам Хайдеггер настаивает на фундаментальной значимости различия человек/животное, причем не только в полемике с Рильке на тему Открытого⁷², но и во многих других вопросах. К примеру, знаменитые строки о том, что умирает лишь человек, в то время как животное просто околева-ет⁷³. Можно сказать, что фундаментальность онтико-онтологического различия как бы заслоняется здесь различием антропо-анималистическим. Связано это, по всей видимости, с упоминавшимся ранее спекулятивным ядром мистицизма, которое через Гегеля стало негативным тождеством субъекта и субстанции. Оно сохранилось у Хайдеггера в рассуждениях об уникальности человеческого бытия

⁷⁰ Хайдеггер М. Парменид / М. Хайдеггер. – СПб.: Владимир Даль, 2009. – С. 283.

⁷¹ Агамбен Дж. Открытое. Человек и животное / Дж. Агамбен. – М.: РГГУ, 2012. – С. 69.

⁷² Хайдеггер М. Нужны ли поэты? // Хайдеггер М. О поэтах и поэзии / М. Хайдеггер. – М.: Водолей, 2017. – С. 43.

⁷³ Хайдеггер М. Вещь // Хайдеггер М. Время и бытие / М. Хайдеггер. – СПб.: Наука, 2007. – С. 448.

как «выдвинутости в Ничто»⁷⁴, фундирующих тему раскрытия сущего в его бытие, то есть интересующего нас Открытого. Иначе говоря, хайдеггеровское Открытое можно трактовать как отрицательное, поскольку оно принципиально связано с человеческим бытием в его сущностном противопоставлении животному через отношение к Ничто. Напротив, Открытое, каким он предстает из фукольдианского немислимого Внешнего, оказывается ближе к Рильке как оппоненту Хайдеггера. В восьмой «Дуинской элегии»⁷⁵ он писал об Открытом в смысле свободы бытия без значения, в которой живут звери. Здесь мы возвращаемся к приведенной ранее цитате Беннетт о диком немислимом в философии Фуко⁷⁶, хотя, конечно же, его сопоставление с Торо, как и с Рильке, справедливо лишь формально, как равная удаленность от «выдвинутости в Ничто».

Таким образом, мысль Фуко о немислимом Внешнем не безразлична к хайдеггеровскому Открытому как онтологической связке истины и свободы, но усваивает его именно критически. Хайдеггер в рассуждениях об истине настаивал на очищающей деструкции, полностью вынося за скобки любые антропологические и социально-исторические обстоятельства как засоряющие просвет бытия, Открытое. И действительно, что может быть чище, чем Ничто? У Фуко же, напротив, лишь в ранний период апофатической лирики просматривались подобные склонности, но чем дальше, тем он больше настаивал на необходимости отрабатывать руду материальных условий истины-свободы. Соппротивление Внешнего — это пустое для репрезентации, немислимое, но непозитивно-утвердительное в своей материальности бытие различения. Петер Слотердайк, высоко ценивший Фуко, писал об этой ситуации: «Есть одна решительно проигнорированная Хайдеггером история выхода человека в просвет — социальная история затронутости человека вопросом о бытии... Просвет является одновременно ареной борьбы»⁷⁷. Именно в этом проигнорированном самим Хайдеггером направлении

⁷⁴ Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Хайдеггер М. Время и бытие / М. Хайдеггер. — СПб.: Наука, 2007. — С. 32.

⁷⁵ Рильке Р. М. Дуинские элегии // Рильке Р. М. Собрание сочинений в 3 т. Т. 2 / Р. М. Рильке. — М.: Престиж Бук, 2012. — С. 168.

⁷⁶ Беннетт Дж. Пульсирующая материя: Политическая экология вещей / Дж. Беннетт. — Пермь: Гиле Пресс, 2018. — С. 16.

⁷⁷ Слотердайк П. Правила для человеческого зоопарка // Слотердайк П. — Текст: электронный // Nietzsche.ru: [сайт]. — 2002. — URL: <https://www.nietzsche.ru/influence/philosophy/philosophic/sloterdijk/> (дата обращения: 07.10.2024).

хайдеггеровской мысли и двигался Фуко. Временами для этого приходилось даже срastаться с маской позитивиста, но не следует обманываться на ее счет. Гораздо более существенную роль сыграло обращение к Ницше, для которого вопрос «*что* есть истина?» неотделим от «*кто* ее говорит?». Например, в знаменитых местах из «Генеалогии морали»⁷⁸, где только скучающий взгляд способен увидеть социал-дарвинизм, самим же Ницше и презираемый («ученое быдло заподозрило меня в дарвинизме»⁷⁹), или пошлое критическое варварство.

Вопрос «кто говорит?» важен именно генеалогическим взглядом на становление ценности ценностей и истинности истин. Субъектность говорящего здесь — это реальное место свершения истины как сопряжения различных сил в их различии, а не индивидуальное тождество. Подобная «силовая» концепция не является бруталистской, поскольку даже в тексте «Генеалогии морали» силовые конфигурации истины не остаются в руках военной аристократии, а способны кочевать и мутировать от воина к священнику без того, чтобы священники осуществили вооруженный захват. Не говоря уже о трактовках, которые генеалогический принцип получил в работах Мишеля Фуко, Жюлья Делеза, Пьера Кlossовски и прочих. Знание действует, истина становится, и в этой активности ими движет освобождающий напор Внешнего, гарантирующий необходимую для становления гетерогенность их условий. Даже Хайдеггер говорит в этом свете о «поведении»⁸⁰, о том, что открытый простор различий по ту сторону субъективных условий производства высказываний в первую очередь неким образом ведет и располагает Dasein, а лишь затем это все как-то им представляется. Здесь и напрашивается то, что Слотердаjk назвал «социальной историей затронутости человека вопросом о бытии», но у Хайдеггера «поведение» остается в загадочном подвешенном состоянии, в мистическом молчании, как если бы Dasein само было идеальностью Ничто. Фуко же прибегает к ницшеанскому вопросу «кто говорит?» и понятию «воли к власти» для обнаружения формально-материалистического антагонизма внутри ведущей

⁷⁸ Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 5 / Ф. Ницше. – М.: Культурная революция, 2012. – С. 245–246.

⁷⁹ Ницше Ф. Эссе Номо // Ницше Ф. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 6 / Ф. Ницше. – М.: Культурная революция, 2009. – С. 225.

⁸⁰ Хайдеггер М. О сущности истины // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Сборник / М. Хайдеггер. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 20.

человека свободы как сущности истины. Без включения власти в связь поведения, свободы и истины, поведение оставалось в мире теней, вне общественных конфликтов и неврозов бессознательного. Воля к знанию и воля к власти смыкаются в проблематичном совпадении (не-тождестве), маркирующем различные конфигурации Внешнего как согласующую поведение человека связь свободы и истины. Именно это является предметным полем всей исследовательской работы Фуко, которое можно было бы назвать одним словом: субъект. Определенные конфигурации (не)совпадения свободы и истины, а не тождество сознания и тем более не отрицание или нехватка — это в конечном счете и есть субъект. Децентрированный и растоптаный, но не в силу своей негативной природы, а, напротив, поскольку является эффектом различий в истинностных играх, актуализирующих невозможное Внешнего как непозитивно-утвердительно. Именно в связи с этим Антонио Негри говорит, что «Фуко — автор антропологии, конечно, либертарианской, но не индивидуалистической; он конструирует биополитику, в которой формируется не индивид, а субъект (и с какой сингулярностью!)»⁸¹.

Планомерно разрабатывая теорию-практику множественности истины-свободы через различные типы знаний и высказываний, через властные стратегии человеческого поведения, Мишель Фуко в конце концов вернулся к вопросу о субъекте. Не в смысле возвращения отвергнутого прежде тождества сознания и не в качестве инстанции, обладающей истиной или свободой. Его можно рассмотреть, как трактовку хайдеггеровского *Dasein* («вот-бытие») через спинозистскую *vis existendi* («сила существования»⁸²) — субъект, обретающий себя лишь в той мере, в которой через истину открывает свободу как собственное условие. Говоря иначе, он и является определенной конфигурацией Внешнего как (не)совпадения свободы и истины, а значит логично ставить вопрос о конкретных практиках, реализующих его в качестве такового. Поэтому «духовность»⁸³ или, иначе, «забота о себе» в поздних работах Фуко — это вовсе не очередной разрыв с предыдущим периодом (тем более, что «периоды», как мы

⁸¹ Негри А. Империя и Множество. Диалог о новом порядке глобализации / А. Негри // Новое литературное обозрение. – 2024. – № 4. – С. 42.

⁸² Спиноза Б. Этика // Спиноза Б. Сочинения. В 2-х т. Т. 1 / Б. Спиноза. – СПб.: Наука, 1999. – С. 391.

⁸³ Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2007. – С. 27.

уже поняли, весьма условны и археологический путь пронизывает их все). Обращение к духовности в смысле изменений, которые субъект производит в себе исходя из отношения к истине, и противопоставление этой духовности нейтральному картезианскому познанию обусловлено все той же раздуваемой Внешним связкой истины-свободы. Фуко указывал, что от Спинозы до Хайдеггера духовное в знании действительно о себе заявляло, но никогда ими так вполне и не отделялось от картезианского (или фаустовского⁸⁴) познавательного знания. Возможность подобного разделения он и пытался исследовать в последние годы, окидывая взором весь пройденный археологический путь, а вовсе не довольствуясь сведением философии к древнегреческим психологическим упражнениям. Другой вопрос, насколько эта попытка была удачной, ведь после обращения к данной теме в лекционном курсе «Герменевтика субъекта» в начале 1982 года у него оставалось немногим больше двух лет жизни, конец которых был омрачен (или, напротив, прояснен?) болезнью. Проект нельзя считать завершенным — скорее мы имеем дело с разработкой поля для вопроса о духовности как силе существования, приведенной к собственной свободе истиной, но никак не с ответом на него.

Тем не менее не вызывает сомнений, что в эти последние годы, когда археология обернулась исследованиями духовности, Фуко не стал эскапистом, в чем его обвиняют многие левые. Напротив, он продолжал удерживать акцент на связи истины и свободы как актуальных конфигурациях невозможного Внешнего, выделяя особое положение кинических практик в греческой заботе о себе и их наследие в революционных практиках модерна. Отдельно следовало бы рассмотреть, насколько данное указание можно сопоставить с произошедшим примерно в те же годы обращением к фигуре киника у Слотердайка, а также с его призывом к разоружению субъективности⁸⁵. Можно ли рассматривать это разоружение как растождествление и пересборку субъекта, произведенные в археологии? Схожим ли образом они наследуют жесту Диогена Синопского, сказавшему властителю мира: «Отойди, ты заслоняешь мне солнце»? Интересный вопрос, который мы оставим другим текстам. В любом случае, не следует спешить с приравниванием Фуко к киникам. Одни весьма убедительно называли его современным скептиком, другие

⁸⁴ Там же. С. 336.

⁸⁵ Слотердаик П. Критика цинического разума / П. Слотердаик. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ, 2009. – С. 573–574. – ISBN 978-5-9757-0422-1.

видели в нем новый стоицизм, а исходя из концептуализации «удовольствия» можно было бы отнести его и к эпикурейцам. Вероятно, корректнее просто сказать, что Фуко — это фигура сократическая. Как бы то ни было, нам достаточно того, что в незавершенных исследованиях кинико-сократической, мистико-христианской и революционно-модернистской духовности Фуко подтвердил верность археологическому подходу как теории-практики свободы *в истине и через истину*. Субъекта нет без истины, истины нет без свободы, а в их отсутствии остается лишь безразличие языка, закрытого от Внешнего и не способного на загадочное в своей простоте «Я говорю».

Заключение. Мужество истины

Можно ли со всей историко-философской строгостью ручаться, что извлеченное нами из опыта чтения Фуко соответствует каждой букве его мысли? Вопрос риторический. Фуко сам планомерно стирал обобщающий авторский взгляд и сам призывал не допытывать его, а работать с предложенными инструментами. Действительно, попытки — это плохо. Однако мы вправе надеяться, что предпринятое нами формально-материалистическое рассмотрение способно высветить в его текстах нечто более интересное, чем культуралистские клише и ржавеющие секиры критических варваров, в немом заговоре с неореакцией стоящих на страже современной паранойи.

Свобода как дифференцирующий зазор невозможного и немислимого Внешнего, открывающийся в качестве гетерогенной изнанки истинностных игр, есть то, что владеет человеком, а не то, чем он обладает или может обладать. Опыт этой свободы дается не в качестве права или способности, но исключительно как высвобождение того, что есть — то есть истины. Вместе с тем свободу не высказать в некоем предмете истинностных пропозиций, поскольку она сама выступает условием их возможности. По этой причине если смысл всей работы Фуко можно обобщить в виде некоторой теории освобождения субъекта, то и положение такой работы по отношению к своему предмету может быть лишь теорией-практикой, а не прозрачным и нейтральным представлением. Субъект не присваивает свободу как представление, способность или право, поскольку свобода в первую очередь освобождает меня от себя самого в смысле автоматизмов сознания⁸⁶ и

⁸⁶ Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Т. 2 / М. Фуко. — СПб.: Академический проект, 2004. — С. 14.

индивидуальности. Освобождает не в смысле растворения в нирваническом Ничто, а через обнаружение в себе другого языка и других миров, через трансформации в сопротивлении власти, в меняющихся способах практиковать удовольствие и в конечном счете в «духовности» как «философской жизни» и «практике себя». Жижек обвинял Фуко в том, что после первого тома «Истории сексуальности» он сдал позиции и в 1980-е гг. обратился к своего рода «мифу о золотом веке» в исследованиях тел и удовольствий⁸⁷. Даже Делез, гораздо более осторожный в формулировках, допускал, что Фуко потерял некий освободительный рубеж, сделав акцент на понятии удовольствия вместо желания⁸⁸, поскольку для самого Делеза именно желание было функцией утечек в ткани социального бытия. Возможно, незавершенность и некоторые двусмысленности последнего проекта Фуко и оставляют поводы для подобной критики, но главное в том, что функцию непрозрачного зазора, опора на который позволяет ускользать вовне, выполняет у него именно (не)совпадение истины и свободы, заряжаемое различительной силой непредставимого Внешнего. Фукольдрианская мысль о парадоксальной связке «истина-свобода» продолжает долгую традицию от сократической познающей души и евангельского «истина сделает вас свободными» до спинозистской осознанной необходимости и хайдеггеровского «пастуха бытия», но упорствует в выведении ее на другой уровень. На тот уровень формализма и, вместе с тем, бунтарства, который, возможно, и остался недостижимой мечтой середины XX столетия, но действенность которого не стоит недооценивать.

Спасая разум от рационализма, а истину — от экспертного заключения, археология субъекта в связке истины-свободы сбивает с ног наивный универсализм, но вскрывает необходимость универсализирующего зерна в принципе, так как не сводится к простому языковому релятивизму. В этом смысле она выступает не «критическим варварством», а «критической онтологией нас самих» как «терпеливым трудом, оформляющим нетерпение свободы»⁸⁹. Свободы, которая слишком часто разбивается о депрессивную данность

⁸⁷ Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / С. Жижек. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. – С. 337.

⁸⁸ Делез Ж. Мая 68-го не было / Ж. Делез. – М.: Ад Маргинем, 2016. – С. 42–44.

⁸⁹ Фуко М. Что такое Просвещение? // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью 1970–1984. В 3-х частях. Ч. 1 / М. Фуко. – М.: Праксис, 2002. – С. 357–358.

или растворяется в бессмысленности отрицания. С самого начала, с текста о смерти и сновидении у Бинсвангера⁹⁰, Фуко говорил о негативности как свободе, раскрывающей непредставимую полноту бытия, а не его нехватку или отрицание. Данная мысль, развиваясь и мутируя, сопровождала все его творчество: немота исключенных из общества, пустота языка, сопротивление как изнанка властных отношений. Все то, что дает место играм истины в перспективе Внешнего и, как следствие, в возможности другого мира с другим будущим, а не линейности нарративов и нейтральности грамматик. В этой не-нейтральности истины и заключается главный посыл всей критической работы Фуко. Истина опасна и должна оставаться таковой.

Библиография

1. Фуко М. Власть и знание // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью 1970–1984. В 3-х частях. Ч. 1 / М. Фуко. – М.: Праксис, 2002. – С. 278–303. – ISBN 5-910574-23-0.
2. Фуко М. Власть, великолепный зверь // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Статьи и интервью 1970–1984. В 3-х частях. Ч. 3 / М. Фуко. – М.: Праксис, 2006. – С. 7–27. – ISBN 5-901574-53-2.
3. Фуко М. Интеллектуалы и власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. В 3-х частях. Ч. 1 / М. Фуко. – М.: Праксис, 2002. – С. 66–81. – ISBN 5-910574-23-0.
4. Уэйд С. Мишель Фуко в Долине Смерти. Как великий французский философ триповал в Калифорнии / С. Уэйд. – М.: РИПОЛ классик, 2020. – 192 с. – ISBN 978-5-386-13819-6.
5. Фуко М. Археология знания / М. Фуко. – СПб.: Гуманитарная Академия; Университетская книга, 2004. – 416 с. – ISBN 5-93762-034-8.
6. Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Т. 2 / М. Фуко. – СПб.: Академический проект, 2004. – 432 с. – ISBN 5-7331-0304-1.
7. Latour B. Why Has Critique Run out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern / B. Latour // Critical Inquiry. – 2004. – Vol. 30. – No. 2. – P. 225–248.

⁹⁰ Фуко М. Введение к: Бинсвангер Л. Сон и существование // Фуко М. Ранние работы / М. Фуко. – СПб.: Владимир Даль, 2015. – С. 83–197.

8. Lemke T. The Government of Things. Foucault and the New Materialisms / T. Lemke. – NY: New York University Press, 2021. – 320 p. – ISBN 978-1479808816.

9. Фуко М. Мысль извне // Морис Бланшо: Голос, пришедший извне / М. Фуко. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – С. 126–154. – ISBN 978-5-4448-1987-6.

10. Мейясу К. После конечности: эссе о необходимости контингентности / К. Мейясу. – Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015. – 196 с. – ISBN 978-5-7525-3069-2.

11. Фуко М. Возвращение морали // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Статьи и интервью 1970–1984 / М. Фуко – Ч. 3. – М.: Праксис, 2006. – С. 271–287. – ISBN 5-901574-53-2.

12. Хайдеггер М. О сущности истины // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Сборник / М. Хайдеггер. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 8–27. – ISBN 5-06-002425-3.

13. Foucault M. Death and the Labyrinth: The World of Raymond Roussel / M. Foucault. – NY: Continuum, 2004. – 256 p. – ISBN 978-0485113365.

14. Фуко М. Введение к: Бинсвангер Л. Сон и существование // Фуко М. Ранние работы / М. Фуко. – СПб.: Владимир Даль, 2015. – С. 83–197. – ISBN 978-5-93615-152-1.

15. Фуко М. О трансгрессии // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века / составитель Фокин С. Л. / М. Фуко. – СПб.: Мифрил, 1994. – С. 112–131. – ISBN 5-864574-008-7.

16. Делез Ж. Фуко / Ж. Делез. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. – 172 с. – ISBN 5-87121-013-9.

17. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 2015. – 444 с. – ISBN 5-02-026948-4.

18. Foucault M. Language to Infinity // Foucault M. Language, Counter, Memory, Practice. Selected Essays and Interviews / M. Foucault. – NY: Cornell University Press, 1996. – P. 53–68. ISBN 978-0801492044.

19. Хайдеггер М. Вещь // Хайдеггер М. Время и бытие / М. Хайдеггер. – СПб.: Наука, 2007. – С. 437–452. – ISBN 5-250-01496-8.

20. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб.: А-сэд, 1994. – 407 с. – ISBN 5-85962-021-7.

21. Реутин М. Ю. Мистическое богословие Майстера Экхарта: Традиция платоновского «Парменида» в эпоху позднего Средневековья / М. Ю. Реутин. – М.: РГГУ, 2011. – 472 с. – ISBN 978-5-7281-1229-7.

22. Мейясу К. Время без становления / К. Мейясу. – Текст: элек-

тронный // Гефтер: [сайт]. – 2013. – 14 февраля. – URL: <https://gefter.ru/archive/7657> (дата обращения: 07.10.2024).

23. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант. – М.: Мысль, 1994. – 591 с. – ISBN 5-244-00737-8.

24. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – М.: Книга, 1991. – 576 с. – ISBN 5-212-00482-9.

25. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: В 2 т. Т. 1. Образ и действительность / О. Шпенглер. – М.: Академический проект, 2022. – 543 с.

26. Фуко М. Ницше, Фрейд, Маркс / М. Фуко // Кентавр. – 1994. – № 2. – С. 48–56.

27. Coole D. Negativity and Politics: Dionysus and Dialectics From Kant to Poststructuralism / D. Coole. – London; NY: Routledge, 2000. – 282 с. – ISBN 978-0415031769.

28. Делез Ж. Различие и повторение / Ж. Делез. – СПб.: Петрополис, 1998. – 384 с. – ISBN 5-86708-110-9.

29. Фуко М. *Theatrum philosophicum* // Делез Ж. Логика смысла / Ж. Делез. – М.: Академический проект, 2011. – С. 438–470. – ISBN 978-5-8291-1251-6.

30. Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983–1984 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2014. – 358 с. – ISBN: 978-5-02-037148-4.

31. Фуко М. Субъект и власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Статьи и интервью 1970–1984. В 3-х частях. Ч. 3 / М. Фуко. – М.: Праксис, 2006. – С. 161–191. – ISBN 5-901574-53-2.

32. Goldgaber D. Speculative Grammatology: Deconstruction and the New Materialism / D. Goldgaber. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2021. – 200 p. – ISBN 978-1474438346.

33. Бергсон А. Возможное и действительное // Бергсон А. Мысль и движущееся: Статьи и выступления / А. Бергсон. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. – С. 77–90. – ISBN 978-5-98712-786-5.

34. Беннетт Дж. Пульсирующая материя: Политическая экология вещей / Дж. Беннетт. – Пермь: Гиле Пресс, 2018. – 220 с. – ISBN 978-5-6041044-2-2.

35. Фуко М. Рождение клиники / М. Фуко. – М.: Смысл, 1998. – 310 с. – ISBN 5-89357-030-8.

36. Фуко М. Это не трубка / М. Фуко. – М.: Художественный журнал, 1999. – 152 с. – ISBN 5-901116-02-X.

37. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / М. Фуко.

- М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 416 с. – ISBN 9785911032296.
38. Elden S. Foucault: The Birth of Power / S. Elden. – Cambridge: Polity Press, 2017. – 240 p. – ISBN 978-1509507269.
39. Хайдеггер М. Парменид / М. Хайдеггер. – СПб.: Владимир Даль, 2009. – 382 с. – ISBN 978-5-93615-083-8.
40. Агамбен Дж. Открытое. Человек и животное / Дж. Агамбен. – М.: РГГУ, 2012. – 112 с. – ISBN 978-5-7281-1329-4.
41. Хайдеггер М. Нужны ли поэты? // Хайдеггер М. О поэтах и поэзии / М. Хайдеггер. – М.: Водолей, 2017. – С. 25–85. – ISBN 978-5-91763-378-7.
42. Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Хайдеггер М. Время и бытие / М. Хайдеггер. – СПб.: Наука, 2007. – С. 23–38. – ISBN 978-5-8291-1462-6.
43. Рильке Р. М. Дуинские элегии // Рильке Р. М. Собрание сочинений в 3 т. Т. 2 / Р. М. Рильке. – М.: Престиж Бук, 2012. – 368 с. – ISBN 978-5-371-00290-7.
44. Слотердайк П. Правила для человеческого зоопарка // Слотердайк П. – Текст: электронный // Nietzsche.ru: [сайт]. – 2002. – URL: <https://www.nietzsche.ru/influence/philosophy/philosophie/sloterdijk/> (дата обращения: 07.10.2024).
45. Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 5 / Ф. Ницше. – М.: Культурная революция, 2012. – С. 229–381. – ISBN 978-5-250-06096-7.
46. Ницше Ф. Эссе Homo // Ницше Ф. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 6 / Ф. Ницше. – М.: Культурная революция, 2009. – С. 187–287. – ISBN 978-5-250-06071-4.
47. Негри А. Империя и Множество. Диалог о новом порядке глобализации / А. Негри // Новое литературное обозрение. – 2024. – № 4. – С. 41–60.
48. Спиноза Б. Этика // Спиноза Б. Сочинения. В 2-х т. Т. 1 / Б. Спиноза. – СПб.: Наука, 1999. – 489 с. – ISBN 5-02-026750-3.
49. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2007. – 677 с. – ISBN 978-5-02-026922-4.
50. Слотердайк П. Критика цинического разума / П. Слотердайк. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ, 2009. – 800 с. – ISBN 978-5-9757-0422-1.
51. Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / С. Жижек. – М.: Издательский дом «Дело» РАН-ХиГС, 2014. – 528 с. – ISBN 978-5-7749-0823-3.

52. Делез Ж. Мая 68-го не было / Ж. Делез. – М.: Ад Маргинем, 2016. – 96 с. – ISBN 978-5-91103-312-5.

53. Фуко М. Что такое Просвещение? // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью 1970–1984. В 3-х частях. Ч. 1 / М. Фуко. – М.: Праксис, 2002. – С. 335–360. – ISBN 5-910574-23-0.

Po(e/li)tical Anarchaeology of the Outside: Essays on Foucault, Truth and Freedom

Dorozhkin Egor Leonidovich — Ph.D. in Philosophy, Associate professor, Department of Philosophy and Aesthetics, Nizhny Novgorod State Glinka Conservatoire; Nizhny Novgorod, Russia; e-mail: egor.dorozhkin.1453@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2083-7644

Keywords: archaeology, Outside, negativity, atheology, truth, freedom, subject, optico-linguistic difference, differential immanence

Today, Michel Foucault's concept of disciplinary power is one of the most represented in the academic intellectual field. The common knowledge of Foucault's legacy gives rise to controversial perceptions of him, making him a convenient object of criticism. In particular, Michel Foucault is forgotten as a thinker who proposed one of the most subtle theory-practices of the liberation of the subject. The aim of this text is to explicate the philosophical foundations of Foucauldian archaeology, allowing us to take it beyond the 'critical barbarism' of contemporary culturalists and offer a formal-materialist interpretation. The article demonstrates that this kind of foundation is the problem of the impossible Outside as differential immanence and the consequent heterogeneity of truth. From the author's point of view, it is the heterogeneity, not the neutrality, of truth that is the main subject of archaeological research, and it is also the reason for Foucault's fundamental (un)coincidence of truth with freedom, which shaped his research on power and sexuality. There is no subject without truth, there is no truth without freedom, and in their absence there remain only the contingent possibilities of language, closed off from the outside and incapable of the mysterious in its simplicity 'I say'. Thus, this article attempts to comprehend Foucauldian archaeology as going beyond the stable stereotype about it, capable of plunging into the actual problems of the new materialism and universalism.

References

1. Foucault M. Vlast' i znanie [Power and Knowledge] // Foucault M. Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystuplenija i interv'ju 1970–1984. V 3 ch. Ch. 1 [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews. In 3 Vol. Vol.1] / M. Foucault. – Moscow: Praksis, 2002. – P. 278–303. – ISBN 5-910574-23-0. (In Russian)
2. Foucault M. Vlast', velikolepnyj zver' [Power, the Magnificent Beast] // Foucault M. Intellektualy i vlast'. Stat'i i interv'ju 1970–1984. V 3 ch. Ch. 3 [Intellectuals and Power. Articles and Interviews 1970–1984. In 3 Vol. Vol. 3] / M. Foucault. – Moscow: Praksis, 2006. – P. 7–27. – ISBN 5-901574-53-2. (In Russian)
3. Foucault M. Intellektualy i vlast' [Intellectuals and Power] // Foucault M. Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystuplenija i interv'ju 1970–1984. V 3 ch. Ch. 1 [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews. In 3 Vol. Vol. 1] / M. Foucault. – Moscow: Praksis, 2002. – P. 66–81. – ISBN 5-910574-23-0. (In Russian)
4. Wade S. Mishel' Fuko v Doline Smerti. Kak velikij francuzskij filosof tripoval v Kalifornii [Michel Foucault in the Valley of Death. How the Great French Philosopher Tripped in California] / S. Wade. – Moscow: RIPOL klassik, 2020. – 192 p. – ISBN 978-5-386-13819-6. (In Russian)
5. Foucault M. Arheologija znanija [Archaeology of Knowledge] / M. Foucault. – Saint Petersburg: Gumanitarnaja Akademija; Universitetskaja kniga, 2004. – 416 p. – ISBN 5-93762-034-8. (In Russian)
6. Foucault M. Ispol'zovanie udovol'stvij. Istorija seksual'nosti. V 3 ch. Ch. 2 [The Use of Pleasure. History of Sexuality. In 3 Vol. Vol. 2] / M. Foucault. – Saint Petersburg: Akademicheskij proekt, 2004. – 432 p. – ISBN 5-7331-0304-1. (In Russian)
7. Latour B. Why Has Critique Run out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern / B. Latour // Critical Inquiry. – 2004. – Vol. 30. – No. 2. – P. 225–248.
8. Lemke T. The Government of Things. Foucault and the New Materialisms / T. Lemke. – New York: New York University Press, 2021. – 320 p. – ISBN 978-1479808816.
9. Foucault M. Mysli izvne [Thoughts from Outside] // Moris Blansho: Golos, prishedshij izvne [Maurice Blanchot: The Voice That Came from Outside] / M. Foucault. – Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. – P. 126–154. – ISBN 978-5-4448-1987-6. (In Russian)

10. Meillassoux Q. Posle konechnosti: Jesse o neobhodimosti kontingentnosti [After Finitude: Essays on the Necessity of Contingency] / Q. Meillassoux. – Ekaterinburg; Moscow: Kabinetnyj uchenyj, 2015. – 196 p. – ISBN 978-5-7525-3069-2. (In Russian)

11. Foucault M. Vozvrashhenie morali [The Return of Morality] // Foucault M. Intellektualy i vlast'. Stat'i i interv'ju 1970-1984. V 3 ch. Ch. 3 [Intellectuals and Power. Articles and Interviews 1970-1984. In 3 Vol. Vol. 3] / M. Foucault. – Moscow: Praksis, 2006. – P. 271–287. – ISBN 5-901574-53-2. (In Russian)

12. Heidegger M. O sushhnosti istiny [On the Essence of Truth] // Heidegger M. Razgovor na proselochnoj doroge: Sbornik [Conversation on a Country Road] / M. Heidegger. – Moscow: Vysshaja shkola, 1991. – P. 8–27. – ISBN 5-06-002425-3. (In Russian)

13. Foucault M. Death and the Labyrinth: The World of Raymond Roussel / M. Foucault. – New York: Continuum, 2004. – 256 p. – ISBN 978-0485113365.

14. Foucault M. Vvedenie k: Binsvanger L. Son i sushhestvovanie [Introduction to: Binswanger L. Dream and Existence] // Foucault M. Rannie raboty [Foucault M. Early Works] / M. Foucault. – Saint Petersburg: Vladimir Dal', 2015. – P. 83–197. – ISBN 978-5-93615-152-1. (In Russian)

15. Foucault M. O transgressii [On Transgression] // Tanatografija Jerosa: Zhorzh Bataj i francuzskaja mysl' serediny XX veka [The Thanatography of Eros: Georges Bataille and French Thought of the Mid-20th Century] / sostavitel' Fokin S. L. [Fokin S. L. editor] / M. Foucault. – Saint Petersburg: Mifril, 1994. – P. 112–131. – ISBN 5-864574-008-7. (In Russian)

16. Deleuze G. Fuko [Foucault] / G. Deleuze. – Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoj literatury, 1998. – 172 p. – ISBN 5-87121-013-9. (In Russian)

17. Hegel G. W. F. Fenomenologija duha [Phenomenology of Spirit] / G. W. F. Hegel – Saint Petersburg: Nauka, 2015. – 444 p. – ISBN 5-02-026948-4. (In Russian)

18. Foucault M. Language to Infinity // Foucault M. Language, Counter, Memory, Practice. Selected Essays and Interviews / M. Foucault. – New York: Cornell University Press, 1996. – P. 53–68. – ISBN 978-0801492044.

19. Heidegger M. Veshch' [Thing] // Heidegger M. Vremja i bytie [Time and Being] / M. Heidegger. – Saint Petersburg: Nauka, 2007. – P. 437–452. – ISBN 5-250-01496-8. (In Russian)

20. Foucault M. Slova i veshhi. Arheologija gumanitarnyh nauk [The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences] / M. Foucault. – Saint Petersburg: A-cad, 1994. – 407 p. – ISBN 5-85962-021-7. (In Russian)

21. Reutin M. Ju. *Misticheskoe bogoslovie Majstera Jekharta: Tradicija platonovskogo «Parmenida» v jepohu pozdnego Srednevekov'ja* [Mystical Theology of Meister Eckhart: Tradition of Plato's «Parmenides» in the Late Middle Ages] / M. Ju. Reutin. – Moscow: RGGU, 2011. – 472 p. – ISBN 978-5-7281-1229-7. (In Russian)

22. Meillassoux Q. *Vremja bez stanovlenija* [Time without Becoming] / Q. Meillassoux. – Text: digital // Gefter: [website]. – 2013. – February 14. – URL: <https://gefter.ru/archive/7657> (accessed: 07.10.2024). (In Russian)

23. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason] / I. Kant. – Moscow: Mysl', 1994. – 591 p. – ISBN 5-244-00737-8. (In Russian)

24. Danilevskij N. Ja. *Rossija i Evropa* [Russia and Europe] / N. Ja. Danilevskij. – Moscow: Kniga, 1991. – 576 p. – ISBN 5-212-00482-9. (In Russian)

25. Spengler O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii: V 2 t. T. 1. Obraz i dejstvitel'nost'* [The Decline of the West. Essays on the Morphology of World History: In 2 Vol. V. 1. Form and Actuality] / O. Spengler. – Moscow: Akademicheskij proekt, 2022. – 543 p. (In Russian)

26. Foucault M. *Nicshе, Frejd, Marks* [Nietzsche, Freud, Marx] / M. Foucault // *Kentavr*. – 1994. – № 2. – P. 48–56. (In Russian)

27. Coole D. *Negativity and Politics: Dionysus and Dialectics From Kant to Poststructuralism* / D. Coole. – London; New York: Routledge, 2000. – 282 p. – ISBN 978-0415031769.

28. Deleuze G. *Razlichie i povtorenie* [Difference and Repetition] / G. Deleuze. – Saint Petersburg: Petropolis, 1998. – 384 p. – ISBN 5-86708-110-9. (In Russian)

29. Foucault M. *Theatrum philosophicum* // Deleuze G. *Logika smysla* [The Logic of Sense] / M. Foucault. – Moscow: Akademicheskij proekt, 2011. P. 438–470. – ISBN 978-5-8291-1251-6. (In Russian)

30. Foucault M. *Muzhestvo istiny. Upravlenie soboj i drugimi II. Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1983–1984 uchebnom godu* [The Courage of Truth (The Government of Self and Others II): Lectures at the Collège de France, 1983–1984] / M. Foucault. – Saint Petersburg: Nauka, 2014. – 358 p. – ISBN 978-5-02-037148-4. (In Russian)

31. Foucault M. *Sub»ekt i vlast'* [Subject and Power] // Foucault M. *Intellektualy i vlast'. Stat'i i interv'ju 1970–1984. V 3 ch. Ch. 3* [Intellectuals and Power. Articles and Interviews 1970–1984. In 3 Vol. Vol. 3] / M. Foucault. – Moscow: Praxis, 2006. P. 161–191. – ISBN 5-901574-53-2. (In Russian)

32. Goldgaber D. *Speculative Grammatology: Deconstruction and the New Materialism* / D. Goldgaber. – Edinburgh: Edinburgh University

Press, 2021. – 200 p. – ISBN 978-1474438346.

33. Bergson H. Vozmozhnoe i dejstvitel'noe [The Possible and the Real] // Bergson A. Mysl' i dvizhushheesja: Stat'i i vystuplenija [Thought and the Moving: Articles and Speeches] / H. Bergson. – Moscow: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2019. P. 77–90. – ISBN 978-5-98712-786-5. (In Russian)

34. Bennett J. Pul'sirujushhaja materija: Politicheskaja jekologija veshhej [Vibrant Matter: A Political Ecology of Things] / J. Bennett. – Perm: Gile Press, 2018. – 220 p. – ISBN 978-5-6041044-2-2. (In Russian)

35. Foucault M. Rozhdenie kliniki [The Birth of the Clinic] / M. Foucault. – Moscow: Smysl, 1998. – 310 p. – ISBN 5-89357-030-8. (In Russian)

36. Foucault M. Jeto ne trubka [This Is Not a Pipe] / M. Foucault. – Moscow: Hudozhestvennyj zhurnal, 1999. – 152 p. – ISBN 5-901116-02-X. (In Russian)

37. Foucault M. Nadzirat' i nakazyvat': Rozhdenie tjur'my [Discipline and Punish: The Birth of the Prison] / M. Foucault. – Moscow: Ad Marginem Press, 2015. – 416 p. – ISBN 9785911032296. (In Russian)

38. Elden S. Foucault: The Birth of Power / S. Elden. – Cambridge: Polity Press, 2017. – 240 p. – ISBN 978-1509507269.

39. Heidegger M. Parmenid [Parmenides] / M. Heidegger. – Saint Petersburg: Vladimir Dal', 2009. – 382 p. – ISBN 978-5-93615-083-8. (In Russian)

40. Agamben G. Otkrytoe. Chelovek i zhivotnoe [The Open: Man and Animal] / G. Agamben. – Moscow: RGGU, 2012. – 112 p. – ISBN 978-5-7281-1329-4. (In Russian)

41. Heidegger M. Nuzhny li poety? [What Are Poets For?] // Heidegger M. O pojetah i poezii [On Poets and Poetry] / M. Heidegger. – Moscow: Vodolej, 2017. P. 25–85. (In Russian)

42. Heidegger M. Chto takoe metafizika? [What is Metaphysics?] // Heidegger M. Vremja i bytie [Time and Being] / M. Heidegger. – Saint Petersburg: Nauka, 2007. P. 23–38. – ISBN 978-5-8291-1462-6. (In Russian)

43. Rilke R.M. Duinskie jelegii [Duino Elegies] // Rilke R.M. Sobranie sochinenij v 3 t. T. 2 [Collected Works in 3 Volumes. Vol. 2] / R.M. Rilke. – Moscow: Prestizh Buk, 2012. – 368 p. – ISBN 978-5-371-00290-7. (In Russian)

44. Sloterdijk P. Pravila dlya chelovecheskogo zooparka [Rules for the Human Zoo] / P. Sloterdijk. – Text: digital // Nietzsche.ru: [website]. – 2002. – URL: <https://www.nietzsche.ru/influence/philosophy/philosophie/sloterdijk/> (accessed: 07.10.2024). (In Russian)

45. Nietzsche F. K genealogii morali [On the Genealogy of Morality] // Nietzsche F. Polnoe sobranie sochinenij. V 13 t. T. 5 [Complete Works in 13 Volumes. Vol. 5] / F. Nietzsche. – Moscow: Kul'turnaja revoljucija, 2012. P. 229–381. – ISBN 978-5-250-06096-7. (In Russian)

46. Nietzsche F. Ecce Homo // Nietzsche F. Polnoe sobranie sochinenij. V 13 t. T. 6 [Complete Works in 13 Volumes. Vol. 6] / F. Nietzsche. – Moscow: Kul'turnaja revoljucija, 2009. P. 187–287. – ISBN 978-5-250-06071-4. (In Russian)

47. Negri A. Imperija i Mnozhestvo. Dialog o novom porjadke globalizacii [Empire and the Multitude: A Dialogue on the New Order of Globalization] // A. Negri. – New Literary Review, 2024. № 4. P. 41–60. (In Russian)

48. Spinoza B. Jetika [Ethics] // Spinoza B. Sochinenija. V 2-h tomah. T. 1 [Works in 2 Vol. Vol. 1] / B. Spinoza. – Saint Petersburg: Nauka, 1999. – 489 p. – ISBN 5-02-026750-3. (In Russian)

49. Foucault M. Germenevtika sub»ekta: Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1981–1982 uchebnom godu [The Hermeneutics of the Subject: Lectures at the Collège de France, 1981–1982] / M. Foucault. – Saint Petersburg: Nauka, 2007. – 677 p. – ISBN 978-5-02-026922-4. (In Russian)

50. Sloterdijk P. Kritika cinicheskogo razuma [Critique of Cynical Reason] / P. Sloterdijk. – Ekaterinburg: U-Faktorija; Moscow: AST, 2009. – 800 p. – ISBN 978-5-9757-0422-1. (In Russian)

51. Žižek S. Shhekotlivyj sub»ekt: otsutstvujushij centr politicheskoj ontologii [The Ticklish Subject: The Absent Centre of Political Ontology] / S. Žižek. – Moscow: Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 2014. – 528 p. – ISBN 978-5-7749-0823-3. (In Russian)

52. Deleuze G. Maja 68-go ne bylo [May 68th Never Happened] / G. Deleuze. – Moscow: Ad Marginem, 2016. – 96 p. – ISBN 978-5-91103-312-5. (In Russian)

53. Foucault M. Chto takoe Prosveshhenie? [What is Enlightenment?] // Foucault M. Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystuplenija i interv'ju. V 3 ch. Ch. 1 [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches, and Interviews. In 3 Vol. Vol. 1] / M. Foucault. – Moscow: Praxis, 2002. P. 335–360. – ISBN 5-910574-23-0. (In Russian)

Некрополитика

Ашиль Мбембе — доктор (Ph.D) исторических наук, доктор (D.E.A.) политических наук, научный сотрудник, Институт социальных и экономических исследований Университета Витватерсранда; Йоханнесбург, Южно-Африканская республика; e-mail: Achille.Mbembe@wits.ac.za

Перевод с англ.¹: Алексей Антипов — кандидат философских наук, научный сотрудник, Институт философии РАН; Москва, Россия; e-mail: nelson02@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7048-3373

Редактор: Михаил Журавлев — аспирант философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова; Москва, Россия; e-mail: zj-mk@yandex.ru

Научный редактор (консультант): Кыласов Алексей Валерьевич — доктор культурологии, профессор, РЭУ имени Г. В. Плеханова; Москва, Россия; e-mail: kylasov@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5350-6214

Ключевые слова: биовласть, некрополитика, война, суверенитет

В данном эссе камерунский исследователь Ашиль Мбембе, опираясь на концепцию суверенной власти Мишеля Фуко, рассуждения Джорджо Агамбена о *homo sacer* и деколониальный подход Франца Фанона, помещает понятие биовласти в пространство постколонии и демонстрирует его недостаточность для понимания современных форм подчинения жизни власти смерти. Мбембе вводит понятие некрополитики, или некровласти, для объяснения различных способов, посредством которых оружие используется в современном мире для создания «миров смерти». Он утверждает, что колония в целом и плантации рабов в частности породили те некрополитические практики, которые сохраняют свою актуальность и сегодня. Мбембе описывает постколониальный локус как место, где диффузная и не всегда исключительно государственная власть вписывает «экономику смерти» в отношения управления и производства, и утверждает,

¹ Перевод выполнен по изданию: Mbembé J.-A. Necropolitics / J.-A. Mbembé // Public Culture. – 2003. – Vol. 15(1). – P. 11-40. Публикуется с любезного разрешения автора.

что если в колониальную эпоху насилие являлось исключительно средством достижения прибыли, то в пространстве постколонии оно становится самоцелью².

Wa syo' lukasa rebwe
Umwime wa pita
[Он оставил свой след на камне и продолжил свой путь]
Пословица ламба, Замбия

ВЫСШЕЕ ВЫРАЖЕНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА в значительной степени заключается во власти предписывать, кому жить, а кому умереть³. Убивать или оставлять в живых — вот пределы суверенитета, его главные атрибуты. Быть суверенным — значит осуществлять контроль над смертностью и определять жизнь через развертывание и манифестацию власти.

Вот что Мишель Фуко подразумевал под *биовластью*: это область жизни, над которой власть установила свой контроль⁴. Но в каких практических условиях осуществляется право убивать, оставлять в живых или обрекать на смерть? Кто является субъектом этого права? Что осуществление подобного права говорит нам о человеке, которого таким образом предают смерти, и об отношениях вражды, которые ставят этого человека лицом к лицу с его убийцей? Достаточно

² Прим. Ашиля Мбембе: «Это эссе является результатом длительных бесед с Арджуной Аппадурой, Кэрл Бреккенридж и Франсуазой Верже. Отдельные фрагменты были представлены на семинарах в Эванстоне, Чикаго, Нью-Йорке, Нью-Хейвене и Йоханнесбурге. Полезные критические замечания предоставили Пол Гилрой, Дилип Парамешвар Гаонкар, Бет Повинелли, Бен Ли, Чарльз Тейлор, Крофорд Янг, Абдумалик Симон, Люк Синджун, Сулейман Башир Диань, Карлос Формент, Ато Куэйсон, Ульрике Кистнер, Дэвид Тео Голдберг и Дебора Посел. Рехана Эбр-Валли и Сара Наттолл предложили дополнительные идеи и комментарии, а также оказали критическую поддержку. Эссе посвящается моему покойному другу Чикале Кайембе Бийе».

³ В этом эссе мы отходим от традиционных представлений о суверенитете, характерных для политологии и исследований в области международных отношений. Это представления, как правило, подразумевают, что мы рассматриваем суверенитет в границах национальных государств, институтов, обладающих государственной властью, или наднациональных институтов и сетей (Jackson R. Introduction: Sovereignty at the Millennium / R. Jackson // Political Studies. – 1999. – Vol. 47 – No 3. – P. 423–430). Мой собственный подход опирается на критику Мишелем Фуко понятия суверенитета и его связи с войной и био властью в цикле лекций «Нужно защищать общество» (Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2005. – С. 81–100, 101–129, 156–181, 253–278). См. также: Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Дж. Агамбен. – М.: Издательство «Европа», 2011. – С. 22–89.

⁴ Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2005. – С. 81–100, 101–129, 156–181, 253–278.

ли понятия биовласти, чтобы объяснить современные способы, с помощью которых политика — в обличье войны, сопротивления или борьбы с террором — делает своей главной и абсолютной целью уничтожение врага? В конце концов, война есть в равной степени и средство достижения суверенитета, и способ осуществления права на убийство. Представляя себе политику как форму войны, мы обязаны также спросить: какое место отводится жизни, смерти и человеческому телу (в частности, раненому или умерщвленному)? И как они вписаны в порядок власти?

Политика, работа смерти и «становление субъекта»

Чтобы ответить на эти вопросы, в данном эссе мы будем опираться на понятие биовласти и исследуем его связь с понятиями суверенитета (*imperium*) и чрезвычайного положения⁵. Я хотел бы кратко рассмотреть ряд эмпирических и философских вопросов, возникающих в этом контексте. Как известно, понятие чрезвычайного положения часто обсуждается в связи с нацизмом, тоталитаризмом и концентрационными лагерями, и лагерями смерти. В частности, лагеря смерти интерпретируются — в различных вариациях — как ключевая метафора суверенного и разрушительного насилия и как высший знак абсолютной власти негативного. По словам Ханны Арендт, «аналогии жизни в концентрационных лагерях не существует. Ужас этой жизни не может вместить никакое воображение именно потому, что она пребывает вне жизни и смерти»⁶. Поскольку его обитатели лишены политического статуса и сведены к голой жизни, лагерь, по мнению Джорджо Агамбена, является «местом, в котором были реализованы самые абсолютные *conditio inhumana*, когда-либо существовавшие на Земле»⁷. Он добавляет, что в политико-правовой структуре лагеря чрезвычайное положение перестает быть временной приостановкой нормального правового состояния. Согласно Агамбену, оно приобретает

⁵ Шмитт К. Диктатура: от истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / К. Шмитт. – СПб.: Наука, 2005. – С. 229–243, 249–250, 254–256, 268–269; Шмитт К. Теория партизана: Промежуточное замечание по поводу понятия политического / К. Шмитт. – М.: Праксис, 2007. – 301 с. – ISBN 978-5-901574-66-9.

⁶ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арендт. – М.: ЦентрКом, 1996. – С. 499.

⁷ Агамбен Дж. Средства без цели: Заметки о политике / Дж. Агамбен. – М.: Гилея, 2015. – С. 43.

пространственную организацию, которая постоянно остается за пределами правового поля.

В задачи данного эссе не входит обсуждение вопроса об уникальности события истребления евреев или использование его в качестве примера⁸. Я исхожу из того, что модерн порождает множество понятий суверенитета, а значит, и понятий биополитического. Увы, политическая критика позднего модерна упустила эту множественность из вида, отдавая предпочтение нормативным теориям демократии и выдвигая на первый план понятие разума (для осмысления как проекта модерна, так и топоса суверенитета)⁹. С этой точки зрения высшим проявлением суверенитета является создание обществом (демосом), то есть свободными и равными мужчинами и женщинами, общих норм. Эти мужчины и женщины позиционируются как полноправные субъекты, способные к самопониманию, самосознанию и самопредставлению. Политика, таким образом, получает двойственное определение: как проект автономии и как достижение коллективного согласия посредством коммуникации и признания. Именно это, нам говорят, отличает ее от войны¹⁰.

Иными словами, именно на основании различия разума и неразумия (страсти, фантазии) критика позднего модерна смогла сформулировать определенное представление о политическом сообществе, субъекте, а также, что более важно, о достойной жизни, о том, как ее достичь и как при этом действовать морально. В рамках этой парадигмы разум — это истина субъекта, а политика — это осуществление разума в публичной сфере. Быть разумным — значит быть свободным, а свобода является ключевым элементом индивидуальной автономии. В таком случае романтика суверенитета опирается на убеждение, что субъект является автором и господином своих смыслов. Суверенитет, таким образом, определяется как двуединый процесс *самоучреждения* и *самоограничения* (закрепления собственных границ). Осуществление суверенитета, в свою очередь, состоит в способности общества

⁸ См.: Probing the Limits of Representation: Nazism and the «Final Solution» / S. Friedlander (ed.). – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. – 414 p. – ISBN 978-0674707665; Ogilvie B. Comparer l'incomparable / B. Ogilvie // Multitudes. – 2001. – Vol. 7. – P. 130–166.

⁹ См.: Deliberative Democracy: Essays on Reason and Politics / J. Bohman, W. Rehg (eds.). – Cambridge, MA: mit Press, 1997. – 477 p. – ISBN 978-0262522410; Habermas J. Between Facts and Norms / J. Habermas. – Cambridge, MA: mit Press, 1996. – 676 p. – ISBN 978-0262581622.

¹⁰ What Is Enlightenment? Eighteenth-Century Answers and Twentieth-Century Questions / J. Schmidt. (ed.). – Berkeley: University of California Press, 1996. – 563 p. – ISBN 978-0520202269.

к самосозиданию с использованием институтов, которым приписываются специфические социальные и воображаемые значения¹¹.

Такому строго нормативному прочтению политики суверенитета уже было адресовано множество критических замечаний, поэтому мы не будем останавливаться на них¹². Нас интересуют лишь те формы суверенитета, центральным проектом которых является не борьба за автономию, а *всеобщая инструментализация человеческого существования и материальное уничтожение человеческих тел и населения*. Не стоит видеть в этом свидетельство запредельного безумия или выражение разрыва между импульсами и интересами тела и импульсами и интересами разума. В действительности, подобно лагерям смерти, такая суверенность представляет собой номос политического пространства, в котором мы продолжаем жить и сегодня. Более того, современные примеры уничтожения людей позволяют выработать прочтение политики, суверенитета и субъектности, отличное от того, которое завещал нам философский дискурс модерна. Вместо того чтобы воспринимать разум как истину субъекта, мы можем обратиться к другим основополагающим категориям, менее абстрактным и более осязаемым, таким как жизнь и смерть.

В этом контексте большое значение имеет гегелевская трактовка отношения между смертью и «становлением субъекта». В центре рассуждений Гегеля о смерти лежит двухчастная концепция негативности. Во-первых, человек отрицает природу (отрицание, которое экстериоризируется в стремлении человека свести природу к его собственным потребностям); во-вторых, он преобразует отрицаемый элемент через труд и борьбу. Преобразуя природу, человек создает мир, но при этом он также подвергается воздействию собственной негативности. В гегелевской парадигме смерть человека по сути своей добровольна. Она — следствие рисков, на которые сознательно идет человеческий субъект, чтобы одержать победу над «животным», которое составляет его природное бытие.

Иными словами, в борьбе и в труде, посредством которых человек противостоит смерти (понимаемой как насилие негативности), он по-настоящему *становится субъектом*, то есть отделяется от животного. Именно через это противостояние со смертью человек вовлекается

¹¹ Касториадис К. Воображаемое установление общества / К. Касториадис. – М.: Гнозис, Логос, 2003. – 480 с. – ISBN 5-8163-0047-4; Castoriadis C. Figures of The Thinkable / C. Castoriadis. – Stanford: Stanford University Press, 1999. – 303 p. – ISBN 978-0804756181.

¹² См. ч. 2 в работе: Gilroy P. The Black Atlantic: Modernity and Double Consciousness / P. Gilroy. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993. – 280 p. – ISBN 978-0674076068.

в непрерывное движение истории. Становление субъектом, таким образом, предполагает поддержание работы смерти. «Поддерживать работу смерти» — именно так Гегель определяет жизнь Духа. Жизнь духа, говорит он, это не та жизнь, которая боится смерти и стремится сберечь себя от разрушения; это жизнь, которая принимает смерть и живет с ней. Дух достигает своей истины, лишь обнаруживая себя в абсолютном расчленении¹³. Таким образом, политика — это смерть, которая живет человеческой жизнью. В этом же состоит определение абсолютного знания и суверенитета: ставить на кон свою жизнь.

Жорж Батай также предлагает критический взгляд на то, как смерть структурирует понятия суверенитета, политического и субъекта. Батай вносит в гегелевскую концепцию отношений между смертью, суверенитетом и субъектом по меньшей мере три изменения. Во-первых, он интерпретирует смерть и суверенитет как пароксизм обмена и чрезмерного изобилия — или, используя его собственную терминологию, избытка. Для Батая всплески и обмены со смертью составляют саму жизнь, которая становится ущербной лишь тогда, когда оказывается у смерти в заложниках¹⁴. Он утверждает, что смерть — это гниение жизни, зловоние, которое является одновременно источником и отвратительным условием жизни. Поэтому, хотя смерть разрушает существующее, стирает его следы и сводит на нет индивида, который ее принимает, ее нельзя приравнять к чистому уничтожению бытия. Напротив, она по существу является самосознанием; более того, это самая расточительная форма жизни, которая сама есть излишество и изобилие — сила пролиферации. Если для Гегеля смерть, в которой ничто не утрачивается окончательно, понимается путь к истине, то Батай радикально вычеркивает ее из горизонта смысла.

Во-вторых, Батай прочно закрепляет смерть в сфере *абсолютной траты* (другая характеристика суверенитета), тогда как Гегель пытается удержать ее внутри экономии абсолютного знания и смысла.

¹³ Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель. — М.: Наука, 2000. — 495 с. — ISBN 5-02-008380-1. См. также: Кожев А. Введение в чтение Гегеля. Лекции по Феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе / А. Кожев. — М.: Наука, 2013. — 791 с. — ISBN 978-5-02-026350-5. В особенности приложение II «Идея смерти в философии Гегеля»; Bataille G. Oeuvres complètes XII / G. Bataille. — Paris: Gallimard, 1988 (Батай Ж. Гегель, смерть и жертвоприношение / Ж. Батай // Танатография эроса / С. Л. Фокин (состав.). — СПб.: МИФРИЛ, 1994. — 346 с. — ISBN 5-864574-008-7), в особенности «Hegel, la mort et le sacrifice», «Hegel, l'homme et l'histoire».

¹⁴ См.: Baudrillard J. Death in Bataille / J. Baudrillard // Bataille: A Critical Reader / F. Botting, S. Wilson. (eds.). — Oxford: Blackwell, 1998. — P. 139–141.

Жизнь за пределами полезности, говорит Батай, — это область суверенитета. Таким образом, смерть — это точка, в которой разрушение, подавление и жертва представляют собой настолько необратимую и радикальную трату — трату без остатка, что они больше не могут определяться в качестве негативности. Смерть — это сам принцип избыточности, *антиэкономика*. Отсюда метафора роскоши, *предельная роскошь смерти*.

В-третьих, Батай устанавливает корреляцию между смертью, суверенитетом и сексуальностью. Сексуальность для него неразрывно связана с насилием, с растворением границ тела и «Я» посредством оргиастических и экскрементальных импульсов. Как таковая сексуальность касается двух главных полярных форм человеческих импульсов — экскреции и апроприации, а также режима их табуирования¹⁵. Истина секса и его связь со смертью заключены в опыте утраты границ, разделяющих реальность, события и объекты фантазии.

Для Батая, таким образом, суверенитет принимает различные формы. Но в конечном счете он выражается прежде всего в отказе принять границы, которые навязываются субъекту страхом смерти. Суверенный мир, утверждает Батай, «это мир, в котором предел смерти упразднен. Смерть присутствует в нем, ее присутствие определяет этот мир как мир насилия, однако смерть присутствует только вместе со своим отрицанием. Суверен, — заключает он, — это тот, кто существует так, как если бы смерти не было... Он не больше заботится о границах идентичности, чем о границах смерти — в действительности, это одни и те же границы; он — трансгрессия всех этих границ». Поскольку естественная область запретов включает в себя смерть (наряду с сексуальностью, нечистотами, экскрементами), суверенитет требует «силы нарушить запрет на убийство, пусть и на условиях, которые определяются обычаями». В противовес подчинению, которое всегда коренится в предполагаемой необходимости избегать смерти, суверенность неразрывно связана с риском смерти¹⁶.

¹⁵ Bataille G. Visions of Excess: Selected Writings 1927–1939 / G. Bataille. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1985. – P. 94–95.

¹⁶ The Bataille Reader / F. Botting and S. Wilson. (ed.). – Oxford: Blackwell, 1998. – P. 318–319. См. также: Bataille G. The Accursed Share: An Essay on General Economy. Vol. 1. Consumption / G. Bataille. – New York: Zone, 1988. – 200 p. – ISBN 978-0942299113. (Батай Ж. Проклятая часть / Ж. Батай. – М.: Ладомир, 2006. – 742 с. – ISBN 5-86218-466-X); Bataille G. Erotism: Death and Sensuality / G. Bataille. – San Francisco: City Lights, 1986. – 280 p. – ISBN 978-0872861909.

Трактуя суверенитет как нарушение запретов, Батай вновь открывает вопрос о границах политического. Здесь политика уже не является поступательным движением диалектического разума. Теперь она представляет собой спиральную трансгрессию, различие, которое вносит путаницу в саму идею границы. Точнее, политика — это различие, которое вводится в игру нарушением табу¹⁷.

Биовласть и отношения вражды

Представив прочтение, в котором политика оказывается тождественна работе смерти, мы переходим к суверенитету, который определяется главным образом как право на убийство. В целях аргументации мы связываем понятие биовласти Фуко с двумя другими: понятием чрезвычайного положения и понятием осадного положения¹⁸. Мы исследуем, каким образом чрезвычайное положение и отношения вражды стали нормативной основой права на убийство. В этих случаях власть (не обязательно государственная) постоянно апеллирует к исключению, чрезвычайному положению и сфабрикованному образу врага. Более того, она сама прилагает усилия, чтобы производить исключения, чрезвычайные положения и фиктивных врагов. Таким образом, вопрос заключается в следующем: каковы отношения между политикой и смертью в тех системах, которые могут функционировать только в условиях чрезвычайного положения?

По мнению Фуко, функцией биовласти является разделение людей на тех, кто должен жить, и тех, кто должен умереть. Соответственно, такая власть определяет себя по отношению к биологическому полю, в котором она размещается и которое она берет под контроль. Этот контроль предполагает распределение человеческих видов на группы, разделение населения на подгруппы и установление между ними биологической цензуры. Фуко говорит об этом, используя, казалось бы, такой привычный термин, как «расизм»¹⁹.

¹⁷ Bataille G. The Accursed Share. Vol. 2. The History of Eroticism and Sovereignty / G. Bataille. — New York: Zone Books, 1992. — 460 p. — ISBN 978-0942299205. (Батай Ж. Проклятая часть / Ж. Батай. — М.: Ладомир, 2006. — 742 с. — ISBN 5-86218-466-X).

¹⁸ По поводу осадного положения см.: Шмитт К. Диктатура: от истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / К. Шмитт. — СПб.: Наука, 2005. — 326 с. ISBN 5-02-026895-X.

¹⁹ См.: Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / М. Фуко. — СПб.: Наука, 2005. — С. 77–79, 81–100.

Несложно понять, почему *раса* (а также *расизм*) занимает столь видное место в расчетах биовласти. В конце концов, раса — в большей степени, чем классовое мышление (идеология, определяющая историю как экономическую борьбу между классами) — всегда была тенью, нависшей над западной политической мыслью и практикой, особенно когда речь шла о том, чтобы дегуманизировать другие народы и властвовать над ними. Ссылаясь как на это постоянное присутствие, так и на фантомный мир расы в целом, Арендт обнаруживает его корни в сокрушительном опыте инаковости и предполагает, что расовая политика в конечном счете связана с политикой смерти. Действительно, по выражению Фуко, расизм — это прежде всего технология, позволяющая придать легитимность отравлению биовласти, этому «старому праву суверена на убийство». В экономике биовласти функция расизма состоит в том, чтобы регулировать распределение смерти и делать возможными функции государства, связанные с убийством людей. Это, утверждает Фуко, «условие приемлемости умерщвления»²⁰.

Фуко недвусмысленно утверждает, что суверенное право убивать («право меча») и механизмы биовласти являются частью функционирования всех современных государств²¹; более того, их можно рассматривать как конституирующие элементы современной государственной власти в целом. По мнению Фуко, нацистская Германия представляла собой наиболее полное воплощение государства, отправляющего право на убийство, поскольку там это право проникло во все области, связанные с управлением, защитой и культивацией жизни. Трагедия политической вражды в терминах биологии, организуя военные действия и направляя огонь войны как на своих противников, так и на собственных граждан, нацистское государство открыло путь для ужасающего разрастания права на убийство, кульминацией которого стал проект «окончательного решения». Таким образом, нацистская Германия стала архетипом формы власти, сочетающей в себе черты расистского государства, государства-убийцы и государства-самоубийцы.

Утверждалось, что уникальность нацистского государства заключается в том, что оно смешивает войну и политику — а также расизм, убийство и самоубийство — до такой степени, что они становятся

²⁰ Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2005. – С. 270.

²¹ Там же. С. 253–259.

неразличимыми. Мы полагаем, что восприятие самого существования Другого как покушения на мою жизнь, как смертельной угрозы или абсолютной опасности, физическое устранение которой укрепит мой собственный жизненный потенциал и безопасность, становится неотъемлемой частью образов суверенитета как в раннем, так и в позднем модерне. Признание этого факта задает вектор для большинства традиционных подходов к критике модерна (будь то критика нигилизма и провозглашения воли к власти сущностью бытия; критика реификации, понимаемой как *становление-объектом* человека; или же критика господства обезличенной логики, подчиняющей все расчету и инструментальной рациональности)²². Действительно, с антропологической точки зрения эта критика имплицитно оспаривает определение политических отношений как военных отношений *par excellence*. Кроме того, они оспаривают идею о том, что калькуляция жизни с необходимостью подразумевает смерть Другого, а суверенность заключается в воле и способности убивать для того чтобы жить.

Рассматривая вопрос в исторической перспективе, многие исследователи утверждают, что материальные предпосылки нацистской политики истребления кроются, с одной стороны, в колониальном империализме, а с другой — в переходе к серийному производству технических средств для умерщвления людей — механизмов, разработанных в период между промышленной революцией и Первой мировой войной. По мнению Энцо Траверсо, газовые камеры и печи стали кульминацией длительного процесса дегуманизации и индустриализации смерти, одной из первоначальных черт которого было объединение инструментальной рациональности с производственной и административной рациональностью современного западного мира (фабрика, бюрократия, тюрьма, армия). Став механизированной, серийная казнь превратилась в чисто техническую, безличную, бесшумную и быструю процедуру. Отчасти этому способствовали расистские стереотипы и расцвет классового расизма, который, переводя социальные конфликты индустриального мира в расовые термины, в итоге уравнивал рабочие классы и «людей без гражданства» индустриального мира с «дикарями» колониального мира²³.

²² См. ч. 3, 5 и 6 в книге: Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. — М.: Издательство «Весь Мир», 2003. — 416 с. — ISBN 5-7777-0263-5.

²³ Traverso E. La violence nazie: Une généalogie européenne / E. Traverso. — Paris: La Fabrique Editions, 2002. — 190 p. — ISBN 9782913372146.

В действительности связь между модерном и террором имеет множество истоков. Некоторые из них можно найти в политических практиках старого режима. С этой точки зрения важнейшее значение имеет напряжение между страстью общества к крови и понятиями справедливости и мести. В книге «Надзирать и наказывать» Фуко описывает сцену казни Дамьена, известного неудачным покушением на короля, которая к большому удовольствию толпы длилась несколько часов: длинная уличная процессия перед казнью, парад частей тела (ритуал, ставший стандартной чертой народного насилия), наконец, демонстрация отрубленной головы, насаженной на пику²⁴. Во Франции появление гильотины знаменует собой новый этап «демократизации» средств избавления от врагов государства. Действительно, эта форма казни, которая раньше была прерогативой дворянства, распространяется на всех граждан. В самом деле, обезглавливание считалось менее унижительным, чем повешение, однако инновации в технологиях казни были направлены не только на развитие более «цивилизованных» способов убийства, но и на избавление от большого количества жертв за относительно короткий промежуток времени. В то же время возникает новая культурная чувствительность, в которой убийство врага государства становится продолжением спектакля. Появляются более интимные, зловещие и досужие формы жестокости.

Но никогда смешение разума и террора не было столь явным, как во время Французской революции²⁵. Во время Французской революции террор воспринимался как почти необходимая часть политики. Утверждалось, что отношения между государством и народом должны быть абсолютно прозрачны. Как политическая категория «народ» постепенно превратился из конкретной реальности в риторическую фигуру. Как показал Дэвид Бейтс, теоретики террора считали возможным проводить различие между подлинными проявлениями суверенитета и действиями врага, а также между «ошибкой» гражданина и политическим «преступлением» контрреволюционера. Таким образом, террор стал способом отслеживания изъяны в политическом теле, а политика стала рассматриваться одновременно как подвижная сила разума и как попытка создать

²⁴ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. – М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с. – ISBN 5-93321-010-2.

²⁵ См.: Wokler R. Contextualizing Hegel's Phenomenology of the French Revolution and the Terror / R. Wokler // Political Theory. – 1998. – Vol. 26. – P. 33–55.

пространство, где «ошибка» будет устранена, истина — достигнута, а враг — уничтожен²⁶.

Наконец, террор связан не только с утопической верой в неограниченную силу человеческого разума. Он также явным образом связан с различными нарративами о господстве и освобождении, большинство из которых опирается на характерные для эпохи Просвещения представления об истине и заблуждении, «реальном» и символическом. Маркс, например, сплавляет труд (бесконечный цикл производства и потребления, необходимый для поддержания человеческой жизни) с работой (созданием долговечных артефактов, пополняющих мир вещей). Труд рассматривается как средство исторического самосозидания человечества, причем это самосозидание само является витальным конфликтом, где на карту поставлен выбор пути, ведущего к истине истории — преодолению капитализма, товарной формы и связанных с ними противоречий. Согласно Марксу, с наступлением коммунизма и отменой отношений обмена вещи предстанут такими, какими они реально являются; «реальное» покажет себя таким, каково оно есть на самом деле, а различия между субъектом и объектом, бытием и сознанием будут преодолены²⁷. Однако, когда Маркс ставит освобождение человека в зависимость от упразднения товарного производства, он размывает важнейшую границу между созданной человеком сферой свободы, детерминированной природой сферой необходимости и областью того, что является исторически контингентным.

Приверженность отмене товарного производства и мечта о непосредственном доступе к «реальному» почти неизбежно придают насильственный характер процессам завершения так называемой логики истории и создания человечества. Как показал Стивен Лув, основные постулаты классического марксизма не оставляют иного выбора, кроме как «пытаться ввести коммунизм административным путем, что на практике означает, что социальные отношения должны быть декоммодифицированы насильственно»²⁸. Исторически эти

²⁶ См. гл. 6 в книге: David W. Bates, *Enlightenment Aberrations: Error and Revolution in France* / W. David. — Ithaca, NY: Cornell University Press, 2002. — 280 p. — ISBN 978-0801439452.

²⁷ Marx K. *Capital: A Critique of Political Economy* / K. Marx. — London: Lawrence and Wishart, 1984. 3:817. См. также: Marx K. *Capital* / K. Marx. — Harmondsworth, UK: Penguin, 1986. 1:172 (Маркс К. Капитал: критика политической экономии / К. Маркс. — М.: Эксмо, 2011. — 1195 с. — ISBN 978-5-699-23766-1).

²⁸ Louw S. *In the Shadow of the Pharaohs: The Militarization of Labour Debate and Classical Marxist Theory* / S. Louw // *Economy and Society*. — 2000. — Vol. 29. — P. 240.

попытки принимали такие формы, как милитаризация труда, разрушение различий между государством и обществом и революционный террор²⁹. Можно утверждать, что они были направлены на искоренение множественности (*plurality*), которая является базовым человеческим состоянием. Действительно, преодоление классового разделения, устранение государства, расцвет подлинно всеобщей воли — все это предполагает взгляд на человеческую множественность как на главное препятствие на пути к реализации predetermined телоса истории. Иными словами, субъект марксистской модерности — это, в сущности, субъект, который намерен доказать свою суверенность в смертельной схватке. Как и у Гегеля, нарратив о господстве и освобождении здесь явным образом связан с нарративом об истине и смерти. Террор и убийство становятся средством реализации заранее известного телоса истории.

Любой исторический подход к вопросу о возникновении современного террора должен включать в себя рассмотрение рабства, которое можно считать одним из первых биополитических экспериментов. Во многих отношениях сама структура системы плантаций и ее последствия воплощают эмблематичную и парадоксальную фигуру чрезвычайного положения³⁰. Эта фигура парадоксальна по двум причинам. Во-первых, в контексте плантации человечность раба представляет собой идеальный образ тени. В самом деле, состояние рабства является результатом тройной утраты: утраты «дома», утраты прав на свое тело и утраты политического статуса. Эта тройная утрата тождественна абсолютному господству, «отчуждению по рождению» и социальной смерти (изгнанию из человеческого рода в целом). Несомненно, как политико-правовая структура плантация — это пространство, где

²⁹ О милитаризации труда и переходе к коммунизму см.: Бухарин Н. Экономика переходного периода. Ч. 1. Общая теория трансформационного процесса / Бухарин Н. — М.: 1920. — 160 с.; Троцкий Л. Терроризм и коммунизм / Л. Троцкий. — М.: Директ-Медиа, 2015. — 411 с. — ISBN 978-5-4475-5619-8; о крахе различия между государством и обществом см.: Marx K. The Civil War in France / K. Marx. — Moscow: Progress, 1972. — 90 p.; Lenin V. Selected Works in 3 Vol. Vol. 2 / V. Lenin. — Moscow: Progress, 1977. — 858 p.; о критике «революционного террора» см.: Merleau-Ponty M. Humanism and Terror: An Essay on the Communist Problem / M. Merleau-Ponty. — Boston: Beacon, 1969. — 240 p. — ISBN 978-0807002773; а также см.: Shining and Other Paths: War and Society in Peru, 1980–1995 / S. J. Stern (ed.). — Durham, NC: Duke University Press, 1998. — 552 p. — ISBN 978-0822322177.

³⁰ См.: Hartman S. V. Scenes of Subjection: Terror, Slavery, and Self-Making in Nineteenth Century America / S. V. Hartman. — Oxford: Oxford University Press, 1997. — 296 p. — ISBN 978-0195089844; Friginals M. M. The Sugarmill: The Socioeconomic Complex of Sugar in Cuba, 1760–1860 / M. M. Friginals. — New York: Monthly Review Press, 1976. — 184 p. — ISBN 978-0853453192.

раб принадлежит хозяину. Это не сообщество хотя бы потому, что общество по определению подразумевает осуществление власти слова и мысли. Как говорит Пол Гилрой, «экстремальные модели коммуникации, определяемые институтом плантационного рабства, требуют, чтобы мы признали антидискурсивные и экстралингвистические последствия власти в формировании коммуникативных актов. В конце концов, на плантации не может быть взаимности, она возможна только в условиях бунта и самоубийства, бегства и молчаливого траура, и уж точно там не возникает грамматического единства речи, которое опосредует коммуникацию. Во многих отношениях обитатели плантаций живут не синхронно»³¹. Труд раба нужен и используется. Такова причина, по которой он остается в живых, прибывая в то же время в состоянии травмы, в призрачном мире ужасов, предельной жестокости и унижений. Жизнь раба полна насилия: надсмотрщики склонны к жестокому и несдержанному поведению, а боль, причиняемая телу раба, становится зрелищем³². Насилие — например, порка или лишение раба жизни — здесь становится элементом «манер» — это одновременно прихоть и деструкция в чистом виде ради наведения ужаса³³. Жизнь раба во многих отношениях является формой смерти-при-жизни. Сьюзен Бак-Морсс считает, что рабское состояние порождает противоречие между свободой собственности и свободой личности. Неравные отношения устанавливаются вместе с неравенством власти над жизнью. Эта власть над жизнью другого принимает форму торговли: человечность растворяется до такой степени, что становится возможно сказать, что жизнью раба владеет хозяин³⁴. Поскольку жизнь раба

³¹ Gilroy P. *The Black Atlantic: Modernity and Double Consciousness* / P. Gilroy. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993. – P. 57.

³² См.: Douglass F. *Narrative of the Life of Frederick Douglass, American Slave* / F. Douglass. – Boston: Pub. at the Anti-slavery office, 1847. – 158 p.

³³ Термин «манеры» используется здесь для обозначения связи между социальными нормами и правилами поведения (*social grace*) и социальным контролем. Согласно Норберту Элиасу, манеры воплощают в себе то, что «считается социально приемлемым поведением», «предписания по поведению» и рамки «общительности», см. ч. 2 в кн.: Elias N. *The History of Manners. Vol. 1. The Civilizing Process* / N. Elias. – New York: Pantheon, 1978. – 558 p. – ISBN 0631192212; Douglass F. *Narrative of the Life of Frederick Douglass, American Slave* / F. Douglass. – Boston: Pub. at the Anti-slavery office, 1847. – P. 51. О беспорядочном убийстве рабов см. стр. 67–68: «Чем громче она кричала, тем сильнее он бил; и где кровь текла быстрее, там он бил дольше всего», – говорит Дуглас в своем рассказе о порке своей тети мистером Пламмером. «Он хлестал ее, чтобы она кричала, и хлестал, чтобы она затихла; и только когда усталость одолевала его, он переставал размахивать окровавленной коровьей шкурой..... Это было ужасное зрелище».

³⁴ Buck-Morss S. *Hegel and Haiti* / S. Buck-Morss // *Critical Inquiry*. – 2000. – Vol. 26. – P. 821–866.

подобна «вещи», которой владеет другой человек, его существование предстает как идеальный образ тени.

Несмотря на этот ужас и символическую изоляцию, раб сохраняет возможность альтернативного отношения ко времени, работе и самому себе. Это второй парадоксальный элемент мира плантации как места воплощения чрезвычайного положения. Раб, с которым общаются так, словно в своем существовании он сведен к орудию и средству производства, тем не менее способен вовлечь в свое представление практически любой предмет, инструмент, язык или жест, а затем стилизовать его. Вырываясь из состояния отчуждения, в котором он существует только как фрагмент вещественного мира, раб способен демонстрировать многогранные возможности человеческой коммуникации через музыку и свое тело — то самое тело, которым якобы владеет другой³⁵.

Если в плантационной системе отношения между жизнью и смертью, политика жестокости и символика унижения размыты, то в колонии и при режиме апартеида возникает своеобразная форма террора, которую следует рассмотреть отдельно³⁶. Отличительной чертой этой формы террора является соединение биовласти, чрезвычайно го положения и осадного положения. В этой сцепке решающая роль вновь отведена расе³⁷. Как правило, колониальный мир становился первым испытательным полигоном для расовой сегрегации, запрета смешанных браков, принудительной стерилизации и истребления покоренных народов. Здесь происходит слияние технологий

³⁵ Roger D. Abrahams, *Singing the Master: The Emergence of African American Culture in the Plantation South* / D. Roger. – New York: Pantheon, 1992. – 384 p. – ISBN 978-0140179194.

³⁶ Не стоит забывать, что колониальные формы суверенитета всегда были фрагментарными. Они были сложными, «менее озабоченными легитимацией собственного присутствия и гораздо более жестокими, чем их европейские формы». Важно и то, что «европейские государства никогда не стремились управлять населением колонизированных территорий так же, как своим собственным населением» (см.: Hansen T. B., Stepputat F. *Sovereign Bodies: Citizens, Migrants and States in the Post-Colonial World* / T. B. Hansen, F. Stepputat F. – Princeton, Oxford: Princeton University Press. – 384 p. – ISBN 978-0691121192).

³⁷ Дэвид Тео Голдберг утверждает, что начиная с XIX века существуют как минимум два подхода к рационализации расизма: натурализм (*naturism*) (основанный на утверждении о неполноценности) и историзм (основанный на утверждении об исторической «незрелости» и, следовательно, «обучаемости» туземцев). В частном сообщении (23 августа 2002 г.) он утверждает, что эти две традиции по-разному проявляют себя, когда речь заходит о суверенитете, чрезвычайном положении и формах некровласти. По его мнению, некровласть может принимать различные формы: ужас реальной смерти или более «благожелательную» форму, результатом которой является разрушение культуры, чтобы «спасти народ» от самого себя. См.: Goldberg D. Th. In *The Racial State* / D. Th. Goldberg. – Malden, MA: Blackwell, 2002. – 336 p. – ISBN 978-0631199212.

массовых убийств с бюрократией — этим воплощением западной рациональности³⁸. Арендт развивает тезис о связи между национал-социализмом и традиционным империализмом. По ее мнению, колониальное завоевание раскрыло доселе невиданный потенциал насилия. Во время Второй мировой войны методы, ранее предназначенные для порабощения «дикарей», были распространены на «цивилизованные» народы Европы.

То, что технологии, породившие нацизм, зародились на плантациях или в колониях, или, наоборот, что нацизм и сталинизм, как утверждает Фуко, лишь усилили ряд механизмов, уже существовавших в западноевропейских социальных и политических формациях (подчинение тела, санитарные нормы, социал-дарвинизм, евгеника, медико-правовые теории наследственности, вырождения и расы), в конце концов, не имеет значения. Факт остается фактом: в философской мысли модерна и в европейской политической практике и воображении колония представляет собой место, где суверенитет в основе своей состоит в осуществлении власти вне закона (*ab legibus solutus*) и где «мир» с большой вероятностью оборачивается «бесконечной войной».

В самом деле, эта точка зрения соответствует определению суверенитета, данному Карлом Шмиттом еще в начале двадцатого века, — это власть принимать решения о чрезвычайном положении. Чтобы правильно оценить эффективность колонии как формы террора, нам нужно углубиться в само европейское воображаемое, поскольку оно связано с важнейшим вопросом об окультуривании войны и создании европейского правового порядка (*Jus publicum Europaeum*). В основе этого порядка лежат два ключевых принципа. Первый постулирует юридическое равенство всех государств — равенство, которое, в частности, было применено к праву на ведение войны (то есть лишение жизни). Право на ведение войны означало две вещи. Во-первых, способность убивать или заключать мир признавалась одной из важнейших функций любого государства. В то же время ни одно государство не может претендовать на власть за пределами своих границ. И наоборот, в пределах собственных границ государство не признает над собой никакой другой власти. Во-вторых, государство обязывалось «цивилизовать» способы убийства и обосновывать сам акт убийства рациональными целями.

³⁸ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арендт. — М.: ЦентрКом, 1996. — С. 261–306.

Второй принцип был связан с территориализацией суверенного государства, то есть с определением его границ в контексте вновь установленного глобального порядка. В этом контексте *Jus publicum* быстро приобрел форму разграничения между Европой (где, собственно, должен был царить правовой порядок) и теми частями земного шара, которые доступны для колониального присвоения³⁹. Это разграничение, как мы увидим, имеет решающее значение для оценки эффективности колонии как форма террора. Согласно *Jus publicum*, легитимная война в значительной степени определяется как война одного государства против другого или, точнее, как война между «цивилизованными» государствами. Центральное место государства в системе исчисления войны обусловлено тем, что государство — это модель политического единства, принцип рациональной организации, воплощение идеи всеобщего и образ морали.

В этом отношении колонии напоминают фронтиры. Населенные «дикарями» колонии не организованы по образцу государств и не создают человеческий мир. Их армии не являются отдельным образованием, их войны — это не войны между регулярными армиями. Они не проводят мобилизацию суверенных субъектов (граждан), которые уважают друг друга как врагов. Они не делают различий между комбатантами и некомбатантами, между «врагом» и «преступником»⁴⁰. Следовательно, заключить с ними мир невозможно. Короче говоря, колонии представляют собой зоны, где война и беспорядок, внутренняя и внешняя политика четко не различены или занимают место друг друга. Как таковые колонии представляют собой пространства, где контроль и гарантии правового порядка подвешены *par excellence*, зоны, где насилие чрезвычайного положения должно служить на благо «цивилизации».

Тот факт, что порой колонии управлялись в условиях абсолютного беззакония, проистекает из отрицания какой-либо связи между завоевателем и коренным населением на уровне расы. В глазах завоевателя *жизнь дикаря* — это просто другая форма *животной жизни*, ужасающий опыт, нечто чуждое, невообразимое и немислимое. Согласно Арендт, эта пугающая инаковость дикарей связана

³⁹ Balibar E. Prolegomena to Sovereignty // We, the People of Europe? Reflections on Transnational Citizenship. – Princeton: Princeton University Press, 2003. – P. 133–154.

⁴⁰ Walter E. V. Terror and Resistance: A Study of Political Violence with Case Studies of Some Primitive African Communities / E. V. Walter. – Oxford: Oxford University Press, 1969. – 400 p. – ISBN 978-0196317502.

не столько с цветом их кожи, сколько с тем, что они ведут себя как часть природы, относятся к природе как к своему бесспорному хозяину. Ведь природа, таким образом, остается во всем своем величии непреодолимой реальностью, по сравнению с которой они кажутся фантомами, нереальными и призрачными. Дикари — это как бы «естественные» люди, лишенные специфически человеческого характера, специфически человеческой реальности, «так что, когда европейцы умерщвляли их, они как-то не осознавали, что совершают убийство»⁴¹.

По всем вышеперечисленным причинам право суверена на убийство не подчиняется в колониях никаким правилам. В колониях суверен может убивать в любое время и любым способом. Колониальная война не подчиняется каким бы то ни было правовым и институциональным нормам и не является юридически кодифицированной сферой. Вместо этого колониальный террор постоянно переплетается с колонизаторскими фантазиями о дикой природе, смерти, а также с различными небылицами. Мир не является естественным исходом колониальной войны. В действительности, само различие между войной и миром здесь не имеет смысла. Колониальные войны являются выражением абсолютной враждебности, которая настраивает завоевателя против абсолютного врага⁴². Все проявления войны и враждебности, которые европейское правовое воображение отодвигало на задворки, возрождаются в колониях. Здесь рушится фиктивное различие между «целями» и «средствами» войны. Также рушится и фикция, согласно которой война — это управляемое правилами состязание, в отличие от чистой бойни без рисков или инструментального оправдания. Поэтому бессмысленно пытаться разрешить один из упрямых парадоксов войны, который так хорошо уловил Александр Кожев в своем переосмыслении гегелевской «Феноменологии духа»: ее идеализм, сочетающийся с ее очевидной бесчеловечностью⁴³.

⁴¹ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арендт. — М.: ЦентрКом, 1996. — С. 270.

⁴² О понятии «враг» см.: Lennemi / Lefranc S., Sadoun M (eds.) // *Raisons politiques*. — 2002. — Vol. 5. — ISBN 978-2724629354.

⁴³ Кожев А. Введение в чтение Гегеля. Лекции по Феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе / А. Кожев. — М.: Наука, 2013. — 791 с. — ISBN 978-5-02-026350-5.

Некроволасть и оккупация в позднем модерне

Можно подумать, что вышеизложенные идеи относятся к давнему прошлому. Действительно, когда-то целью имперских войн было уничтожение местных властей, размещение войск и установление новых моделей военного контроля над гражданским населением на завоеванных землях. Группа местных вспомогательных войск могла оказывать помощь в управлении территориями, присоединенными к империи. Внутри империи побежденное население наделялось статусом, закрепляющим его бедственное положение. В этих условиях насилие представляло собой исходную форму права, а исключение из права определяло структуру суверенитета. Каждая стадия империализма также была связана с определенными ключевыми технологиями (канонерская лодка, хинин, пароходные линии, подводные телеграфные кабели, колониальные железные дороги)⁴⁴.

Колониальная оккупация заключалась в захвате, разграничении и утверждении контроля над географической территорией. Таким образом, на завоеванной земле записывался новый набор социальных и пространственных отношений. Формирование новых пространственных отношений (территориализация) в конечном итоге сводилось к созданию границ и вертикалей власти, зон и анклавов, подрыву существующих отношений собственности, классификации людей в соответствии с различными категориями, добыче ресурсов, и, наконец, созданию большого резервуара культурного воображаемого. Это воображаемое наполняло смыслом установление различных прав для разных категорий людей, которое реализовывалось с разными целями в одном и том же пространстве. Таким образом, пространство является тем же сырьем для суверенитета и насилия, которые оно в себя вмещает. Суверенитет означал оккупацию, а оккупация — помещение колонизированных в серую зону между субъектностью и объектностью.

Так было в случае с режимом апартеида в Южной Африке. Здесь структурной формой был тауншип, а хоумленды стали резервациями (сельскими базами), с помощью которых можно было регулировать поток трудовых мигрантов и держать под контролем африканскую

⁴⁴ См.: Headrick D. R. *The Tools of Empire: Technology and European Imperialism in the Nineteenth Century* / D. R. Headrick. – New York: Oxford University Press, 1981. – 221 p. – ISBN 978-0195028324.

⁴⁵ О тауншипах (township) см.: *From Shantytown to Township: An Economic Study of African Poverty and Rehousing in a South African City* / G. G. Maasdorp, A. S. B. Humphreys (eds.). – Cape Town: Juta, 1975. – 157 p. – ISBN 978-0702105692.

урбанизацию⁴⁵. Как показала Белинда Боззоли, тауншип был местом, где «раса и класс становились основанием для жестокого угнетения и бедности»⁴⁶. Как социально-политическая, культурная и экономическая структура тауншип был особым пространственным институтом, научно спланированным в целях контроля⁴⁷. Функционирование хоумлендов и тауншипов предполагало следующее: жесткие ограничения для чернокожих на производство рыночной продукции для белых районов, лишение чернокожих прав на землевладение (за исключением зон резервации) и возможности проживания на белых фермах (за исключением слуг, нанятых белыми), контроль за притоком городского населения и, в более позднее время, отказ в предоставлении африканцам гражданства⁴⁸.

Франц Фанон выразительно описывает структуризацию пространства колониальной оккупации. Прежде всего, утверждает он, колониальная оккупация влечет за собой разделение пространства на определенные зоны. Она предполагает установление границ и внутренних рубежей, олицетворяемых казармами и полицейскими участками; она регулируется языком чистой силы, непосредственного присутствия, системных и прямых действий; она основана на принципе взаимного исключения⁴⁹. Но важнее то, что именно так действует некровласть: «Город, принадлежащий колонизированному народу... является местом дурной славы, населенным людьми с дурной репутацией. Там они рождаются — неважно, где и как; там они умирают — неважно, где и как. Это мир без пространства, люди живут там буквально друг на друге. Город местных — это голодный город, обделенный хлебом, мясом, обувью, углем и светом. Это скрюченная деревня, город, стоящий на коленях»⁵⁰. Здесь суверенитет означает способность определять, кто имеет значение, а кто нет, кто может быть использован как расходный материал, а кто — нет.

⁴⁶ Bozzoli B. Why Were the 1980s «Millenarian»? Style, Repertoire, Space and Authority in South Africa's Black Cities / B. Bozzoli // *Journal of Historical Sociology*. – 2000. – Vol. 13. – P. 79.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ См.: *Up Against the Fences: Poverty, Passes and Privileges in South Africa* / H. Giliomee (ed.). – Cape Town: David Philip, 1985. – 365 p. – ISBN 978-0312833800; *Wilson F. Migrant Labour in South Africa* / F. Wilson. – Johannesburg: Christian Institute of Southern Africa, 1972. – 314 p.

⁴⁹ Fanon F. *The Wretched of the Earth* / F. Fanon. – New York: Grove Weidenfeld, 1991. – P. 39.

⁵⁰ Ibid. P. 37–39.

Колониальная оккупация позднего модерна во многом отличается от оккупации раннего модерна. В частности, она подразумевает сочетание дисциплины, биополитики и некрополюки. Наиболее полным выражением некровласти служит современная колониальная оккупация Палестины.

Здесь колониальное государство в своих ключевых притязаниях на суверенитет и легитимность опирается на нарратив о собственной истории и идентичности, базирующийся на идее божественного права государства на существование. Этот нарратив вступает в конкуренцию с другим нарративом за одно и то же сакральное пространство. И поскольку эти нарративы несовместимы, а два народа неразрывно связаны, демаркация территории на основе чистой идентичности практически неосуществима. В этом случае насилие и суверенитет претендуют на божественное основание: единство народа формируется за счет поклонения одному божеству, а национальная идентичность представляется как идентичность, основанная на противостоянии с Другим, с другими божествами⁵¹. История, география, картография и археология должны подкрепить эти претензии, тем самым тесно связывая идентичность и топографию. Как следствие, колониальное насилие и оккупация в значительной степени подкреплены священным террором истины и исключительности (массовые изгнания, переселение «апатридов» в лагеря беженцев, основание новых колоний). Под террором священного скрываются непрекращающиеся раскопки пропавших костей, непрерывные воспоминания о разорванном теле, изрубленном на тысячу частей, которому уже нельзя вернуть целостность; невозможность вообразить «изначальное преступление», невыразимую смерть: ужас Холокоста⁵².

Возвращаясь к анализу пространства колониальной оккупации Фанона, можно заключить, что колониальная оккупация позднего модерна в Газе и на Западном берегу соответствует трем основным характеристикам специфической структуры террора, которую я назвал некровластью. Первая — это динамика территориальной фрагментации, закрытие и расширение поселений. Этот процесс преследует двойную цель: сделать невозможным любое передвижение и внедрить формы разделения по образцу государства апартеида. Таким образом,

⁵¹ См.: Schwartz R. M. *The Curse of Cain: The Violent Legacy of Monotheism* / R. M. Schwartz. — Chicago: University of Chicago Press, 1997. — 228 p. — ISBN 978-0226741994.

⁵² См.: *L'Art et la mémoire des camps: Représenter exterminer* / L. Flein (ed.). — Paris: Seuil, 2001. — 144 p. — ISBN 978-2020509152.

внутри оккупированных территорий возникает сложная сеть границ и различные изолированные ячейки. По мнению Эяля Вейцмана, благодаря отказу от плоскостного деления территории в пользу принципа трехмерных границ внутри суверенной земли рассеивание и сегментация явным образом переопределяют отношение между пространством и суверенитетом⁵³.

Эти действия, по мнению Вейцмана, образуют «политику вертикальности». Возникающая при этом форма суверенитета может быть названа «вертикальным суверенитетом». В режиме вертикального суверенитета колониальная оккупация использует схемы надземных и подземных переходов, отделяя воздушное пространство от земли. Сама земля делится на поверхность и подземные территории. Колониальная оккупация определяется также характером местности и ее топографическими вариациями (вершины и долины, горы и водоемы). Например, возвышенности обеспечивают стратегические преимущества, недоступные в долинах (лучший обзор и самозащита, паноптическая фортификация). По словам Вейцмана, «поселения можно рассматривать как городские оптические приборы для надзора и осуществления власти». В условиях колониальной оккупации позднего модерна надзор ориентирован как внутрь, так и наружу, а глаз выступает одновременно в роли оружия и средства защиты. Вместо окончательного установления границы, разделяющей две нации, «организация специфической территории Западного берега породила множественные разделения и временные границы, между которыми устанавливаются отношения наблюдения и контроля». В этих условиях колониальная оккупация предполагает не только контроль, наблюдение и разделение, но и изоляцию. Это *фрагментирующая оккупация*, идущая в ногу с урбанизмом, характерным для современного мира (пригородные анклавные или закрытые сообщества)⁵⁴.

С точки зрения инфраструктуры подобная форма колониальной оккупации характеризуется наличием сети быстрых объездных дорог, мостов и туннелей, которые оплетают друг друга сверху и снизу в попытке соблюсти «принцип взаимного исключения» Фанона. По словам Вейцмана, «объездные дороги используются для того, чтобы

⁵³ См.: Weizman E. The Politics of Verticality / E. Weizman. – Text: digital // open-Democracy: [website]. – 2002. – April 25. URL: https://www.opendemocracy.net/ecology-politics/verticality/article_801.jsp.

⁵⁴ См.: Graham St., Marvin S. Splintering Urbanism: Networked Infrastructures, Technological Mobility and the Urban Condition / St. Graham, S. Marvin. – London: Routledge, 2001. – 512 p. – ISBN 978-0415189644.

отделить израильские транспортные сети от палестинских таким образом, чтобы они по возможности не пересекались. В рамках одного и того же ландшафта происходит наложение двух отдельных географий. Там, где пути все же пересекаются, создается импровизированное разделение. Чаще всего выкапываются небольшие грунтовые дороги, позволяющие палестинцам проезжать под скоростными широкими шоссе, по которым между поселениями носятся израильские фургоны и военные машины»⁵⁵.

В условиях вертикального суверенитета и фрагментирующей колониальной оккупации сообщества разделяются по вертикальной оси, что ведет к пролиферации пространств насилия. Зоны конфликта, где происходят боевые столкновения, располагаются не только на земной поверхности, но охватывают также подземное и воздушное пространство. Между землей и небом проводится демаркационная линия. Даже границы воздушного пространства разделены на нижние и верхние слои. Повсюду повторяется символика верха. Оккупация неба, таким образом, приобретает критическое значение, поскольку большая часть надзора осуществляется с воздуха. Для этого мобилизуются различные технологии: сенсоры на борту беспилотных летательных аппаратов, самолеты воздушной разведки, самолеты раннего предупреждения Hawkeye, штурмовые вертолеты, спутники, предназначенные для наблюдения за Землей, техника «голограмматизации» (*hologrammatization*). Убийства становятся точными и целенаправленными.

Такая точность сочетается со средневековой тактикой осадной войны, адаптированной к условиям сетевого расползания городских лагерей беженцев. Организованный и систематический подрыв социальной и городской инфраструктуры противника сопровождает захват ресурсов суши, воды и воздушного пространства. Важнейшим элементом этих методов выведения противника из строя является тактика выжженной земли: разрушение домов и городов, выкорчевывание оливковых деревьев, изрешечивание пулями резервуаров с водой, бомбардировка и глушение электронных коммуникаций, перекапывание дорог, уничтожение трансформаторов, разрытие взлетно-посадочных полос аэропортов, выведение из строя теле- и радиопередатчиков и компьютеров, разграбление культур-

⁵⁵ Weizman E. The Politics of Verticality / E. Weizman. – Text: digital // open-Democracy: [website]. – 2002. – April 25. URL: https://www.opendemocracy.net/ecology-politics/verticality/article_801.jsp.

ных объектов, являющихся политическими символами протопалестинского государства, а также мародерство и разграбление медицинского оборудования — иными словами, *инфраструктурная война*⁵⁶. В то время как вертолеты Apache используются для контроля за воздушным пространством и убийства с высоты, бронированные бульдозеры (Caterpillar D-9) применяются на земле как оружие войны и запугивания. По сравнению с колониальной оккупацией раннего модерна, террор позднего модерна стал, несомненно, более высокотехнологичным⁵⁷.

Как показывает пример Палестины, колониальная оккупация позднего модерна представляет собой сцепку нескольких типов власти: дисциплинарной, биополитической и некрополитической. Такая комбинация обеспечивает колониальной власти абсолютное господство над жителями оккупированной территории. *Осадное положение* само по себе является военным институтом. Оно позволяет убивать, не делая различий между внешним и внутренним врагом. Целые народы становятся мишенью суверена. Осажденные деревни и города закрыты и изолированы от мира. Повседневная жизнь милитаризована. Местные военные командиры могут по своему усмотрению решать, в кого и когда стрелять. Для перемещения между территориальными ячейками требуется официальное разрешение. Местные гражданские институты систематически уничтожаются. Местное население лишается средств к существованию. К публичным казням добавляются скрытые убийства.

Машины войны и гетерономия

Рассмотрев механизмы некровласти в условиях колониальной оккупации позднего модерна, мы хотели бы теперь обратиться к современным войнам. То, что делает эти войны современными, не поддается описанию с помощью прежних теорий «договорного насилия», типологий «справедливых» и «несправедливых» войн, или даже

⁵⁶ См.: Graham St. Clean Territory: Urbicide in the West Bank / St. Graham – Text: digital // open-Democracy: [website]. – 2002. – August 7. URL: https://www.opendemocracy.net/conflict-politicsverticality/article_241.jsp.

⁵⁷ Сравните с множеством новых бомб, которые Соединенные Штаты использовали во время войны в Персидском заливе и войны в Косово, большинство из которых были нацелены на то, чтобы вывести из строя электростанции и распределительные пункты. См.: Ignatieff M. Virtual War / M. Ignatieff. – New York: Metropolitan Books, 2000. – 256 p. – ISBN 978-0312278359.

инструментализма Карла фон Клаузевица⁵⁸. По словам Зигмунта Баумана, войны эпохи глобализации не ставят своей целью завоевание, приобретение и захват территории. В идеале они представляют собой операции в духе «бей-и-беги».

Растущий разрыв между высокотехнологичными и низкотехнологичными средствами ведения войны никогда не был столь очевиден, как во время войны в Персидском заливе и кампании в Косово. И в том и в другом случае доктрина «подавляющей или решающей силы» была реализована в полной мере благодаря военно-технической революции, которая беспрецедентно усилила возможности для разрушения⁵⁹. В качестве примера можно привести воздушную войну, связанную с высотой, боеприпасами, видимостью и разведкой. Во время войны в Персидском заливе использование «умных» бомб, а также боеприпасов, содержащих обедненный уран, высокотехнологичного дальнобойного оружия, электронных датчиков, ракет с лазерным наведением, кассетных и дымовых снарядов, технологий скрытного передвижения, а также беспилотных летательных аппаратов и кибернетической разведки быстро подорвало возможности противника.

В Косово «ослабление» сербского военного потенциала было достигнуто за счет инфраструктурной войны, в ходе которой уничтожались мосты, железные и автомобильные дороги, сети связи, нефтехранилища, тепловые электростанции, очистные сооружения. Очевидно, что реализация подобной военной стратегии, особенно в сочетании с введением санкций, приводит к остановке системы жизнеобеспечения противника. Особенно показателен неизгладимый ущерб, нанесенный жизни мирного населения. Например, разрушение нефтехимического комплекса Панчево на окраине Белграда во время кампании в Косово «привело к настолько высокому загрязнению окрестностей токсичными веществами, такими как винилхлорид, аммиак, ртуть, нефть и диоксин, что всем местным жительницам рекомендовали избегать беременности в течение двух лет, а беременным — делать аборты»⁶⁰.

⁵⁸ См.: Walzer M. *Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations* / M. Walzer. – New York: Basic Books, 1977. – 400p. – ISBN 978-0465037070.

⁵⁹ *Turning Point: The Gulf War and U. S. Military Strategy* / B. Ederington, M. J. Mazarr, (eds.). – Boulder, CO: Westview, 1994. – 290p. – ISBN 978-0813322926.

⁶⁰ Smith Th. W. *The New Law of War: Legitimizing Hi-Tech and Infrastructural Violence* / Th. W. Smith // *International Studies Quarterly*. – 2002. – Vol. 46. – P. 367. Про Ирак см.: Simons G. L., *The Scourging of Iraq: Sanctions, Law and Natural Justice*, 2 ed. / G. L. Simons. – New York: St. Martin's, 1998. – 384 p. – ISBN 978-0312215194. А также: Shehabaldin A., Laughlin

Таким образом, война эпохи глобализации направлена на то, чтобы подчинить себе противника, невзирая на прямые и косвенные последствия военных действий и так называемый «сопутствующий ущерб». В этом смысле современные войны напоминают скорее военную стратегию кочевников, чем современные территориальные войны по принципу «завоевать и присоединить». По словам Баумана, «превосходство кочевников над оседлым населением основывается на скорости их передвижения, их способности незаметно и без предупреждения появляться из ниоткуда и столь же быстро исчезать, перемещаться налегке и не обременять себя имуществом, которое ограничивает мобильность и маневренный потенциал тех, кто ведет оседлый образ жизни»⁶¹.

Теперь мобильность стала глобальной. Важная особенность эпохи глобальной мобильности заключается в том, что государства больше не обладают монополией на военные операции и осуществление права убивать, а «регулярная армия» больше не является единственным средством для выполнения этих функций. Не так-то просто претендовать на высшую и неоспоримую власть в конкретном политическом пространстве. Вместо этого возникает лоскутное одеяло перекрывающихся и неполных прав на управление, прав, которые накладываются друг на друга и переплетаются. В такой ситуации на одной географической территории де-факто присутствуют различные правовые инстанции, множественные подданства, асимметричные сюзеренитеты и анклавы⁶². В этой гетерономии территориальных прав и претензий не имеет смысла настаивать на четком разграничении между «внутренней» и «внешней» политической сферой.

Возьмем Африку, где политическая экономия государственности кардинально изменилась за последнюю четверть двадцатого века.

Jr. W. M. Economic Sanctions against Iraq: Human and Economic Costs / A. Shehabaldin, Jr. W. M. Laughlin // *International Journal of Human Rights*. – 2000. – Vol. 3. – No. 4. – P. 1–18.

⁶¹ «Находясь на расстоянии от своих “целей”, проносясь над теми, кого они сбивают (слишком быстро, чтобы увидеть разрушения, которые они причиняют, и кровь, которую они проливают), пилоты, ставшие теперь внешними пилотами БВС, почти никогда не имеют возможности посмотреть в лицо своим жертвам и увидеть человеческие страдания, которые они посеяли», – добавляет Бауман. «Сегодня профессиональные военные не видят ни трупов, ни ран. Они могут спать спокойно; никакие муки совести не заставят их проснуться» (Bauman Z. Wars of the Globalization Era / Z. Bauman // *European Journal of Social Theory*. – 2001. – Vol. 4. – No. 1. – P. 15). См. также: Bauman Z. *Penser la guerre aujourd'hui* / Z. Bauman // *Cahiers de la Villa Gillet*. – 2002. – No. 16. – P. 75–152.

⁶² Mbembe A. At the Edge of the World: Boundaries, Territoriality, and Sovereignty in Africa / A. Mbembe // *Public Culture*. – 2000. – Vol. 12. – P. 259–284.

Многие африканские государства больше не могут претендовать на монополию на насилие или средства принуждения на своей территории. Они также не могут претендовать на монополию в отношении территориальных границ. Принуждение само по себе стало рыночным товаром. Военная сила покупается и продается на рынке, на котором личность поставщиков и покупателей практически ничего не значит. Городские ополчения, частные армии, армии региональных царьков, частные охранные фирмы и регулярные войска — все они претендуют на право применять насилие и убивать. Соседние государства или повстанческие движения сдают армии в аренду бедным государствам. Негосударственные посредники насилия поставляют два важнейших ресурса принуждения: рабочую силу и полезные ископаемые. Все чаще подавляющее большинство армий состоит из гражданских лиц, детей-солдат, наемников и каперов (*privateers*)⁶³.

Наряду с армиями возникает то, что мы вслед за Делезом и Гваттари можем назвать *машинами войны*⁶⁴. Машины войны состоят из фрагментов вооруженных группировок, которые разделяются или сливаются друг с другом в зависимости от выполняемых задач и обстоятельств. Будучи полиморфными и диффузными формированиями, машины войны характеризуются способностью к метаморфозам. В пространственном отношении они мобильны. Иногда они находятся в сложных связях с государственными формами (от автономии до инкорпорации). Иногда государство может собственными руками превратить себя в машину войны. Более того, оно может присвоить себе уже существующую машину войны или способствовать ее созданию. Что-то машины войны перенимают у регулярных армий, но в то же время они вбирают в себя новые элементы, соответствующие принципу сегментации и детерриториализации. Регулярные армии, в свою очередь, могут охотно перенимать некоторые характеристики машин войны.

Машина войны сочетает в себе множество функций. Ей присущи черты политической организации и торговой компании. Она

⁶³ В международном праве «каперы» определяются как «суда, принадлежащие частным владельцам и плавающие по военному приказу, дающему право лицу, которому он выдан, вести все виды враждебных действий, допустимых на море по обычаям войны». Мы используем этот термин для обозначения вооруженного формирования, действующего независимо от какого-либо политически организованного общества и преследующего частные интересы, независимо от того, скрывается ли оно под маской государства или нет. См. Thomson J. *Mercenaries, Pirates, and Sovereigns* / J. Thomson. — Princeton: Princeton University Press, 1997. — P. 21–22.

⁶⁴ Делез Ж. Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари. — Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. — С. 587–716.

осуществляет захваты и грабежи и даже может чеканить собственные деньги. Чтобы обеспечить добычу и экспорт природных ресурсов, расположенных на контролируемых ими территориях, машины войны устанавливают прямые связи с транснациональными сетями. Машины войны появились в Африке в последней четверти XX века и это было напрямую связано с истощением потенциала постколониальных государств к созданию экономических основ для политической власти и порядка. Этот потенциал включает в себя увеличение доходов, контроль и регулирование доступа к природным ресурсам на четко определенной территории. В середине 1970-х годов, когда способность государства поддерживать этот потенциал начала ослабевать, возникла четкая связь между денежной нестабильностью и пространственной фрагментацией. В 1980-х годах тяжелый опыт обесценивания валюты стал обычным явлением, а несколько стран пережили циклы гиперинфляции (которые могли сопровождаться таким явлением, как поспешная замена валюты). В последние десятилетия XX века денежное обращение влияло на государство и общество по меньшей мере двумя различными способами.

Во-первых, мы наблюдали общее истощение ликвидных средств и их постепенную концентрацию в определенных каналах, доступ к которым подчиняется все более драконовским условиям. В результате резко сократилось число лиц, обладающих материальными средствами контроля и попавших в долговую зависимость. Исторически создание и поддержание зависимости посредством механизма долгов всегда было ключевым аспектом как производства людей, так и установления политических связей⁶⁵. Такие связи имеют решающее значение для определения ценности людей и оценки их полезности. Если их ценность и полезность не подтверждается, их могут низвести до ранга рабов, заложников или клиентов.

Во-вторых, контролируемый приток и фиксация движения денег в зонах добычи специфических ресурсов позволили сформировать анклавную экономику, изменив тем самым прежнюю калькуляцию между людьми и вещами. В свою очередь, концентрация деятельности, связанной с добычей ценных ресурсов, вокруг этих анклавов превратила последние в привилегированные пространства войны и смерти. Сама война подпитывается ростом продаж добытой

⁶⁵ См. гл. 2 и 4 в книге: Miller J. C. *Way of Death: Merchant Capitalism and the Angolan Slave Trade, 1730–1830* / J. C. Miller. – Madison: University of Wisconsin Press, 1988. – 796 p. – ISBN 13978-0299115647.

продукции⁶⁶. Таким образом, возникли новые связи между ведением войны, машинами войны и добычей ресурсов⁶⁷. Машины войны участвуют в формировании транснациональных локальных или региональных экономик. В большинстве стран распад официальных политических институтов под воздействием насилия приводит к формированию экономики ополчения. Машины войны (в данном случае ополченцы или повстанческие движения) быстро превращаются в высокоорганизованные хищнические механизмы, облагающие налогами население на территориях, которые они занимают, и опирающиеся на различные транснациональные сети и диаспоры, оказывающие им как материальную, так и финансовую поддержку.

С новой географией добычи ресурсов связано возникновение беспрецедентной формы правительности, которая заключается в *управлении человеческими множествами*. Добыча и разграбление природных ресурсов военными машинами идет рука об руку с жестокими попытками обездвигнуть и пространственно зафиксировать целые категории людей или, напротив, как это ни парадоксально, освободить их, чтобы заставить их рассеяться на обширных территориях, больше не ограниченных границами территориального государства. Как политическая категория население затем разделяется на повстанцев, детей-солдат, жертв, беженцев или гражданских лиц, которые становятся недееспособными в результате военных действий или просто вырезаются по образцу древних жертвоприношений, а «выжившие», став свидетелями всех этих ужасов, оказываются в лагерях и зонах исключения⁶⁸.

Эта форма правительности отличается от колониального *командования*⁶⁹. Техники осуществления полицейской власти и дисциплины, выбор между реальным подчинением и его имитацией, характерные

⁶⁶ См.: Angola's War Economy: The Role of Oil and Diamonds / Cilliers and Ch. Dietrich (eds.). – Pretoria: Institute for Security Studies, 2000. – 370 p. – ISBN 13978-0620266451.

⁶⁷ См., например: Rapport du Groupe d'experts sur l'exploitation illégale des ressources naturelles et autres richesses de la République démocratique du Congo // United Nations Report. – 2001. – No. 2. – P. 357. Он был представлен генеральным секретарем Совету Безопасности 12 апреля 2001 года. См. также: Snyder R. Does Lutable Wealth Breed Disorder? States, Regimes, and the Political Economy of Extraction / R. Snyder // Comparative political studies. – 2006. – Vol. 39. – No. 8. – P. 943–968.

⁶⁸ См. работу целиком, но в особенности стр. 281–287 в работе: Landau L. B. The Humanitarian Hangover: Transnationalization of Governmental Practice in Tanzania's Refugee-Populated Areas / L. B. Landau // Refugee Survey Quarterly. – 2002. – Vol. 21. – No. 1. – P. 260–299.

⁶⁹ См. ч. 1–3 в книге: Mbembe A. On the Postcolony / A. Mbembe. – Berkeley: University of California Press, 2001. – 292 p. – ISBN 978-0520204355.

для колониального и постколониального господства, постепенно заменяются более радикальной, и поэтому более трагичной, альтернативой. В контексте, когда выбор стоит между жизнью и смертью, технологии разрушения становятся более осязаемыми, более анатомическими и тактильными⁷⁰. Если власть все еще зависит от жесткого контроля над телами (или от их концентрации в лагерях), то новые технологии разрушения озабочены уже не столько тем, как встроить тела в дисциплинарные аппараты, сколько тем, как вписать их, когда придет время, в порядок предельной экономии, то есть экономии массовых убийств. Отсутствие безопасности становится общим местом, что углубляет социальное различие между теми, кто имеет оружие, и теми, кто его не имеет (закон распределения оружия). Война все чаще ведется не между армиями двух суверенных государств, а между различными вооруженными формированиями, одни из которых действуют под маской государства, тогда как другие, хотя и являются негосударственными, контролируют важные территории. При этом под перекрестный огонь попадает гражданское население, которое не вооружено или организуется в ополчения. В тех случаях, когда вооруженным повстанцам не удается полностью захватить власть в свои руки, они провоцируют территориальные разделы и добиваются контроля над целыми регионами, которые управляются по модели феодальных владений (это, как правило, территории, где есть месторождения полезных ископаемых)⁷¹.

Способы убийства не сильно отличаются друг от друга. В случае массовых убийств безжизненные тела быстро превращаются в скелеты. Их морфология отныне вписывает их в регистр недифференцированной общности: реликвии непогребенной боли, пустые телесности, лишённые смысла, странные формы, ввергнутые в жестокое оцепенение. В случае геноцида в Руанде, где большое количество скелетов было если не эксгумировано, то, по крайней мере, сохранено в видимом состоянии, поражает напряжение между странным, леденящим окаменением костей и их упрямым желанием что-то выразить, о чем-то сказать.

⁷⁰ См. также: Talley L., Spiegel P. B., Girgis M. An Investigation of Increasing Mortality among Congolese Refugees in Lugufu Camp, Tanzania, May–June 1999 / L. Talley, P. B. Spiegel, M. Girgis // *Journal of Refugee Studies*. – 2001. – Vol. 14. – No. 4. – P. 412–427.

⁷¹ См. ч. 7 в кн.: Hodges T. *Angola: From Afro-Stalinism to Petro-Diamond Capitalism* / T. Hodges. – Oxford: James Currey, 2001. – 201 p. – ISBN 978-0852558515; Ellis St. *The Mask of Anarchy: The Destruction of Liberia and the Religious Dimension of an African Civil War* / St. Ellis. – London: Hurst, 1999. – 350 p. – ISBN 978-0814722190.

В этих бесстрастных грудах костей, кажется, нет никакой атараксии: ничего, кроме иллюзорного отрицания уже случившейся смерти. В иных случаях, когда физическая ампутация заменяет немедленную смерть, это открывает путь для применения техник разреза, абляции и иссечения, которые также направлены на кости. Следы такой «демиургической» хирургии сохраняются надолго. Физическая целостность тел, которые удалось спасти, уступила место кускам, фрагментам, складкам и обширным ранам, которые трудно закрыть. Их функция — поддерживать в глазах жертвы и окружающих болезненное зрелище произошедшего.

О жертвоприношении и металле

Вернемся к примеру Палестины, где мы находим противостояние двух, казалось бы, несовместимых логик: *логики мученичества* и *логики выживания*. Рассматривая их, мы хотели бы поразмышлять, с одной стороны, о связи между смертью и террором, с другой — о связи между террором и свободой.

Нельзя сказать, что в противостоянии этих двух логик террор находится на одной стороне, а смерть — на другой. Террор и смерть составляют ядро обеих логик. Как напоминает нам Элиас Канетти, выживший — это тот, кто, прошел по тропе смерти, кто неоднократно обнаруживал себя среди павших, но сумел сохранить свою жизнь. Или, если точнее, выживший — это тот, кто сразился с полчищем врагов и сумел не только остаться в живых, но и убить нападавших. В этом смысле можно сказать, что убийство — это базовая ступень выживания. Канетти отмечает, что в логике выживания «каждый человек враг другому». Или, еще более радикально: в логике выживания ужас, испытываемый при виде смерти, превращается в удовлетворение от того, что мертвый человек — это другой. Именно смерть другого, его физическое присутствие в виде трупа, позволяет выжившему почувствовать себя уникальным. И каждый убитый враг при этом лишь усиливает ощущение безопасности⁷².

Иначе обстоит дело с логикой мученичества. Ее олицетворяет фигура «террориста-смертника», которая сама по себе вызывает ряд вопросов: в чем состоит сущностное различие между убийством, которое осуществляется с помощью ракетного выстрела из вертолета или

⁷² См.: Канетти Э. Масса и власть / Э. Канетти. – М.: АСТ, 2015. – С. 279–345.

танка, и убийством, которое осуществляется посредством собственного тела? Препятствует ли различие между видами смертоносного оружия созданию системы общего обмена между способами убивать и способами умирать?

Террорист-смертник не носит военную форму и не размахивает оружием. Кандидат в мученики выслеживает свою цель; его враг — это добыча, для которой он ставит ловушку. Большое значение имеет место засады: автобусная остановка, кафе, дискотека, рынок, контрольно-пропускной пункт, дорога. Как правило, это пространства повседневной жизни.

Помимо места засады есть и другая ловушка: маскировка тела. Кандидаты на мученическую смерть превращают свое тело в камуфляж, скрывающий оружие, которое вот-вот взорвется. В то время как танк или ракета хорошо видны, оружие, носимое в оболочке тела, невидимо. Скрытое таким образом, оно становится частью тела: оно настолько тесно связано с телом, что уничтожает его в момент взрыва, а вместе с ним и тела других людей, если только от них что-то остается. Оно не просто скрывает оружие. Оно само превращается в оружие, причем не в метафорическом, а в буквальном — баллистическом — смысле слова.

В данном случае моя смерть идет рука об руку со смертью Другого. Убийство и самоубийство совершаются в одном и том же акте. Сопротивление и саморазрушение в значительной степени синонимичны. Убить другого и самого себя — значит низвести до статуса кусков мертвой плоти, разбросанных повсюду и с трудом собранных воедино перед погребением. В этом случае речь идет о тактике ближнего боя, войне тело на тело (*guerre au corps-à-corps*). Чтобы убить, нужно подобраться как можно ближе к телу врага. Чтобы взорвать бомбу, необходимо решить вопрос расстояния с помощью работы по сближению и маскировке.

Как мы должны интерпретировать такой способ пролития крови, в котором моя собственная смерть всегда идет рука об руку со смертью другого? Чем он отличается от смерти, причиненной танком или ракетой, в контексте, где цена моего выживания рассчитывается на основе моей способности и готовности убить кого-то другого⁷³? В логике «мученичества» воля к смерти сливается с желанием забрать врага с собой в могилу, захлопнуть дверь жизни перед всеми. Эта логика, как кажется, противоположна той, которая заключается в желании причинить смерть другим, сохраняя собственную жизнь. Канетти описывает

этот момент выживания как момент власти. В этом случае триумф развивается именно из возможности быть там, где других (в данном случае врага) уже нет. Такова логика героизма в классическом понимании: убивать других, удерживая собственную смерть на расстоянии.

В логике мученичества возникает новый семиозис убийства. Он не обязательно основан на отношениях между формой и материей. Как мы уже указывали, тело здесь становится камуфляжем мученика. Само по себе оно не обладает ни властью, ни ценностью. Скорее, его власть и ценность проистекают из процесса абстрагирования, основанного на стремлении к вечности. В этом смысле можно сказать, что мученик достигает момента превосходства, в котором он преодолевает свою смертность, действуя во имя будущего. Иными словами, в смерти будущее растворяется в настоящем.

В своем стремлении к вечности осажденное тело проходит две стадии. Во-первых, оно превращается в простую вещь, в податливую материю. Во-вторых, способ, которым оно предается смерти — самоубийство — придает ему высший смысл. Материя тела, или, опять же, материя, которой тело *является*, наделяется свойствами, которые выводятся не из его вещественной природы, а из расположенного вне тела трансцендентного *номоса*. Осажденное тело превращается в кусок металла, чья функция — посредством жертвоприношения создавать вечную жизнь. Тело удваивает себя и, умирая, буквально и метафорически выходит из осадного положения и оккупации.

В заключение рассмотрим связь между террором, свободой и жертвоприношением. Хайдеггер утверждает, что «бытие-к-смерти» является решающим условием всякой подлинной свободы⁷⁴. Другими словами, человек свободен жить своей жизнью только потому, что он свободен умереть своей смертью. Если Хайдеггер придает бытию-к-смерти экзистенциальный статус и считает его событием свободы, то Батай полагает, что «жертвоприношение в действительности ничего не открывает».

Это не просто абсолютное проявление негативности. Это еще и комедия. Для Батая смерть раскрывает животную сторону человека, которую он также называет «природным существом». Он добавляет: «Чтобы человек в конце концов раскрылся для себя, он должен умереть, но ему придется сделать это еще при жизни, глядя на себя, прекращающего существование». Другими словами, челове-

⁷³ Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М.: Ad Marginem, 1997. – С. 235–266.

⁷⁴ Там же.

ский субъект должен быть жив в момент умирания, должен осознавать свою смерть, жить с ощущением того, что он действительно умирает. Сама смерть должна стать самоосознанием в тот самый момент, когда она уничтожает сознательное существо. «В некотором смысле именно это и происходит (по крайней мере, находится на грани того, чтобы произойти, или происходит неуловимым, ускользающим образом) в обманном маневре жертвоприношения. В жертвоприношении тот, кто приносит себя в жертву, отождествляется с животным в момент смерти. Таким образом, он умирает, видя свою смерть, и даже в каком-то смысле по собственной воле становится единым целым с орудием жертвоприношения. Но это игра!». А для Батая игра так или иначе является средством, с помощью которого человеческий субъект «добровольно обманывает себя»⁷⁵.

Как понятия игры и обмана соотносятся с действиями террориста-смертника? В случае с террористом-смертником жертвоприношение, несомненно, заключается в демонстративном предании себя смерти, в превращении себя в жертву. Жертвуя собой, человек получает власть над своей смертью, встречая ее лицом к лицу. Эта власть может проистекать из веры в то, что разрушение собственного тела не влияет на непрерывность бытия, ведь бытие существует вне нас. Здесь самопожертвование заключается в снятии двойного запрета: на убийство и на самоубийство. Однако, в отличие от первобытных жертвоприношений, здесь нет животного, которое замещало бы собой жертву. Смерть здесь приобретает характер трансгрессии. Но, в отличие от распятия, она не имеет искупительного измерения. Она не связана с гегелевскими парадигмами престижа или признания. Действительно, убитый человек не способен признать своего убийцу, тоже мертвого. Значит ли это, что смерть здесь символизирует чистую аннигиляцию и ничто, избыток и позор?

Независимо от того, рассматриваются ли они с точки зрения рабства или колониальной оккупации, смерть и свобода неразрывно переплетены. Как мы видели, террор является определяющей чертой как рабовладельческого, так и колониального режимов позднего модерна. Оба режима — это также конкретные случаи и опыт несвободы. Жить в условиях современной оккупации — значит постоянно испытывать состояние «боли»: повсюду укрепленные сооружения, военные посты и блокпосты; здания, вызывающие болезненные

⁷⁵ Bataille G. Oeuvres complètes / G. Bataille. – Paris: Gallimard, 1988. – P. 336.

воспоминания об унижениях, допросах и избиваниях; комендантский час, заключающий сотни тысяч людей в тесные дома каждую ночь от заката до рассвета; солдаты, патрулирующие неосвещенные улицы, пугающиеся собственных теней; дети, ослепленные резиновыми пулями; родители, опозоренные и избитые на глазах у членов своих семей; солдаты мочатся на заборы, стреляют по водонапорным бакам на крышах, скандируют громкие и оскорбительные лозунги, стучат в хрупкие жестяные двери, чтобы напугать детей, отбирают документы или выбрасывают мусор посреди жилых кварталов; пограничники опрокидывают овощные киоски или закрывают границы по своей прихоти; ломают кости; стреляют и погибают — форменное безумие⁷⁶.

В таких обстоятельствах жизненная дисциплина и необходимые тяготы (испытание смертью) отличаются чрезмерностью. Террор, смерть и свободу связывает экстатическое представление о временности и политике. Будущее здесь может быть достоверно предвосхищено, но не в настоящем. Само настоящее — это лишь момент видения, разглядывания еще не наступившей свободы. Смерть в настоящем — то посредник искупления. Далекая от столкновения с пределом, границей или барьером, она переживается как «освобождение от террора и рабства»⁷⁷. Как отмечает Гилрой, это предпочтение смерти продолжению рабства указывает на природу самой свободы (или к ее отсутствию). Если это отсутствие является самой природой существования раба или колонизированного, то это же отсутствие является и способом, с помощью которого он принимает во внимание свою смертность. Ссылаясь на практику индивидуального или массового самоубийства рабов, загнанных в угол охотниками за рабами, Гилрой предполагает, что в этом случае смерть может воплощать собой власть. Ведь смерть — это именно то, благодаря чему и над чем мы имеем власть. Но это также и пространство, где действуют свобода и отрицание.

⁷⁶ См.: Hass A. *Drinking the Sea at Gaza: Days and Nights in a Land under Siege* / A. Hass. — New York: Henry Holt, 1996. — 400p. — ISBN 978-0805057409.

⁷⁷ Gilroy P. *The Black Atlantic: Modernity and Double Consciousness* / P. Gilroy. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993. — P. 63.

Заключение

Мы показали, что современные формы подчинения жизни власти смерти (некрополитика) глубоко перестраивают отношения между сопротивлением, жертвенностью и террором. Мы также продемонстрировали, что понятия биовласти недостаточно для объяснения современных форм подчинения жизни власти смерти. Более того, мы выдвинули понятие некрополитики, или некровласти, для объяснения различных способов, с помощью которых в современном мире оружие применяется с целью максимального уничтожения людей и создания *миров смерти*, то есть новых и уникальных форм социального существования, в которых огромные массы населения оказываются в жизненных условиях, придающих им статус *живых мертвецов*. Также мы описали топографию репрессивных форм жестокости (в частности, плантации и колонии) и предположили, что современная форма некровласти стирает границы между сопротивлением и самоубийством, жертвой и исполнением, мученичеством и свободой.

Библиография

1. Jackson R. Introduction: Sovereignty at the Millennium / R. Jackson // *Political Studies*. – 1999. – Vol. 47 – No 3. – P. 423–430.
2. Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2005. – 312 с. – ISBN 5-02-026848-8.
3. Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Дж. Агамбен. – М.: Издательство «Европа», 2011. – 256 с. – ISBN 978-5-9739-0202-5.
4. Шмитт К. Диктатура: от истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / К. Шмитт. – СПб.: Наука, 2005. – 326 с. ISBN 5-02-026895-X.
5. Шмитт К. Теория партизана: Промежуточное замечание по поводу понятия политического / К. Шмитт. – М.: Праксис, 2007. – 301 с. – ISBN 978-5-901574-66-9.
6. Арндт Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арндт. – М.: ЦентрКом, 1996. – 672 с. – ISBN 5-87129-006-X.
7. Агамбен Дж. Средства без цели: Заметки о политике / Дж. Агамбен. – М.: Гилея, 2015. – 148 с. – ISBN 978-5-87987-097-8.
8. Probing the Limits of Representation: Nazism and the «Final

Solution» / S. Friedlander (ed.). – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. – 414 p. – ISBN 978-0674707665.

9. Ogilvie B. Comparer l'incomparable / B. Ogilvie // *Multitudes*. – 2001. – Vol. 7. – P. 130–166.

10. *Deliberative Democracy: Essays on Reason and Politics* / J. Bohman, W. Rehg (eds.). – Cambridge, MA: mit Press, 1997. – 477 p. – ISBN 978-0262522410.

11. Habermas J. *Between Facts and Norms* / J. Habermas. – Cambridge, MA: mit Press, 1996. – 676 p. – ISBN 978-0262581622.

12. *What Is Enlightenment? Eighteenth-Century Answers and Twentieth-Century Questions* / J. Schmidt. (ed.). – Berkeley: University of California Press, 1996. – 563 p. – ISBN 978-0520202269.

13. Касториадис К. *Воображаемое установление общества* / К. Касториадис. – М.: Гнозис, Логос, 2003. – 480 с. – ISBN 5-8163-0047-4.

14. Castoriadis C. *Figures of The Thinkable* / C. Castoriadis. – Stanford: Stanford University Press, 1999. – 303 p. – ISBN 978-0804756181.

15. Gilroy P. *The Black Atlantic: Modernity and Double Consciousness* / P. Gilroy. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993. – 280 p. – ISBN 978-0674076068.

16. Гегель Г. В. Ф. *Феноменология духа* / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Наука, 2000. – 495 с. – ISBN 5-02-008380-1.

17. Кожев А. *Введение в чтение Гегеля. Лекции по Феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе* / А. Кожев. – М.: Наука, 2013. – 791 с. – ISBN 978-5-02-026350-5.

18. Батай Ж. *Гегель, смерть и жертвоприношение* / Ж. Батай // *Танатография эроса* / С. Л. Фокин (состав.). – СПб.: МИФРИЛ, 1994. – 346 с. – ISBN 5-864574-008-7.

19. Baudrillard J. *Death in Bataille* / J. Baudrillard // *Bataille: A Critical Reader* / F. Botting, S. Wilson. (eds.). – Oxford: Blackwell, 1998. – 236 p. – ISBN 978-0631199571.

20. Bataille G. *Visions of Excess: Selected Writings 1927–1939* / G. Bataille. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1985. – 304 p. – ISBN 978-0816612802.

21. *The Bataille Reader* / F. Botting and S. Wilson. (ed.). – Oxford: Blackwell, 1998. – 368 p. – ISBN 978-0631199595.

22. Батай Ж. *Проклятая часть* / Ж. Батай. – М.: Ладомир, 2006. – 742 с. – ISBN 5-86218-466-X.

23. Bataille G. *The Accursed Share: An Essay on General Economy. Vol. 1. Consumption* / G. Bataille. – New York: Zone, 1988. – 200 p. – ISBN

978-0942299113.

24. Bataille G. *Erotism: Death and Sensuality* / G. Bataille. – San Francisco: City Lights, 1986. – 280 p. – ISBN 978-0872861909.

25. Bataille G. *The Accursed Share. Vol. 2. The History of Eroticism and Sovereignty* / G. Bataille. – New York: Zone Books, 1992. – 460 p. – ISBN 978-0942299205.

26. Хабермас Ю. *Философский дискурс о модерне* / Ю. Хабермас. – М.: Издательство «Весь Мир», 2003. – 416 с. – ISBN 5-7777-0263-5.

27. Traverso E. *La violence nazie: Une généalogie européenne* / E. Traverso. – Paris: La Fabrique Editions, 2002. – 190 p. – ISBN 9782913372146.

28. Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы* / М. Фуко. – М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с. – ISBN 5-93321-010-2.

29. Wokler R. *Contextualizing Hegel's Phenomenology of the French Revolution and the Terror* / R. Wokler // *Political Theory*. – 1998. – Vol. 26. – P. 33–55.

30. David W. Bates, *Enlightenment Aberrations: Error and Revolution in France* / W. David. – Ithaca, NY: Cornell University Press, 2002. – 280 p. – ISBN 978-0801439452.

31. Marx K. *Capital: A Critique of Political Economy* / K. Marx. – London: Lawrence and Wishart, 1984.

32. Marx K. *Capital* / K. Marx. – Harmondsworth, UK: Penguin, 1986.

33. Маркс К. *Капитал: критика политической экономии* / К. Маркс. – М.: Эксмо, 2011. – 1195 с. – ISBN 978-5-699-23766-1.

34. Louw S. *In the Shadow of the Pharaohs: The Militarization of Labour Debate and Classical Marxist Theory* / S. Louw // *Economy and Society*. – 2000. – Vol. 29. – P. 239–263.

35. Бухарин Н. *Экономика переходного периода. Ч. 1. Общая теория трансформационного процесса* / Бухарин Н. – М.: 1920. – 160 с.

36. Троцкий Л. *Терроризм и коммунизм* / Л. Троцкий. – М.: Директ-Медиа, 2015. – 411 с. – ISBN 978-5-4475-5619-8.

37. Marx K. *The Civil War in France* / K. Marx. – Moscow: Progress, 1972. – 90 p.

38. Lenin V. *Selected Works in 3 Vol. Vol. 2* / V. Lenin. – Moscow: Progress, 1977. – 858 p.

39. Merleau-Ponty M. *Humanism and Terror: An Essay on the Communist Problem* / M. Merleau-Ponty. – Boston: Beacon, 1969. – 240 p. – ISBN 978-0807002773.

40. *Shining and Other Paths: War and Society in Peru, 1980–1995* /

S. J. Stern (ed.). – Durham, NC: Duke University Press, 1998. – 552 p. – ISBN 978-0822322177.

41. Hartman S. V. Scenes of Subjection: Terror, Slavery, and Self-Making in Nineteenth Century America / S. V. Hartman. – Oxford: Oxford University Press, 1997. – 296 p. – ISBN 978-0195089844.

42. Friginals M. M. The Sugarmill: The Socioeconomic Complex of Sugar in Cuba, 1760–1860 / M. M. Friginals. – New York: Monthly Review Press, 1976. – 184 p. – ISBN 978-0853453192.

43. Douglass F. Narrative of the Life of Frederick Douglass, American Slave / F. Douglass. – Boston: Pub. at the Anti-slavery office, 1847. – 158 p.

44. Elias N. The History of Manners. Vol. 1. The Civilizing Process / N. Elias. – New York: Pantheon, 1978. – 558 p. – ISBN 0631192212.

45. Buck-Morss S. Hegel and Haiti / S. Buck-Morss // *Critical Inquiry*. – 2000. – Vol. 26. – P. 821–866.

46. Roger D. Abrahams, Singing the Master: The Emergence of African American Culture in the Plantation South / D. Roger. – New York: Pantheon, 1992. – 384 p. – ISBN 978-0140179194.

47. Hansen T. B., Stepputat F. Sovereign Bodies: Citizens, Migrants and States in the Post-Colonial World / T. B. Hansen, F. Stepputat F. – Princeton, Oxford: Princeton University Press. – 384 p. – ISBN 978-0691121192.

48. Goldberg D. Th. In The Racial State / D. Th. Goldberg. – Malden, MA: Blackwell, 2002. – 336 p. – ISBN 978-0631199212

49. Balibar E. Prolegomena to Sovereignty // *We, the People of Europe? Reflections on Transnational Citizenship*. – Princeton: Princeton University Press, 2003. – P. 133–154.

50. Walter E. V. Terror and Resistance: A Study of Political Violence with Case Studies of Some Primitive African Communities / E. V. Walter. – Oxford: Oxford University Press, 1969. – 400 p. – ISBN 978-0196317502.

51. Taussig M. Shamanism, Colonialism, and the Wild Man: A Study in Terror and Healing / M. Taussig. – Chicago: University of Chicago Press, 1987. – 538 p. – ISBN 978-0226790138.

52. Lennemi / Lefranc S., Sadoun M (eds.) // *Raisons politiques*. – 2002. – Vol. 5. – ISBN 978-2724629354.

53. Headrick D. R. The Tools of Empire: Technology and European Imperialism in the Nineteenth Century / D. R. Headrick. – New York: Oxford University Press, 1981. – 221 p. – ISBN 978-0195028324.

54. From Shantytown to Township: An Economic Study of African Poverty and Rehousing in a South African City / G. G. Maasdorp, A. S. B. Humphreys (eds.). – Cape Town: Juta, 1975. – 157 p. – ISBN

978-0702105692.

55. Bozzoli B. Why Were the 1980s «Millenarian»? Style, Repertoire, Space and Authority in South Africa's Black Cities / B. Bozzoli // *Journal of Historical Sociology*. – 2000. – Vol. 13. – P. 78–110.

56. Up Against the Fences: Poverty, Passes and Privileges in South Africa / H. Giliomee (ed.). – Cape Town: David Philip, 1985. – 365 p. – ISBN 978-0312833800.

57. Wilson F. Migrant Labour in South Africa / F. Wilson. – Johannesburg: Christian Institute of Southern Africa, 1972. – 314 p.

58. Fanon F. The Wretched of the Earth / F. Fanon. – New York: Grove Weidenfeld, 1991. – P. 320. – ISBN 978-0802141323.

59. Schwartz R. M. The Curse of Cain: The Violent Legacy of Monotheism / R. M. Schwartz. – Chicago: University of Chicago Press, 1997. – 228 p. – ISBN 978-0226741994.

60. L'Art et la mémoire des camps: Représenter exterminer / L. Flem (ed.). – Paris: Seuil, 2001. – 144 p. – ISBN 978-2020509152.

61. Weizman E. The Politics of Verticality / E. Weizman. – Text: digital // open-Democracy: [website]. – 2002. – April 25. URL: https://www.opendemocracy.net/ecology-politicsverticality/article_801.jsp.

62. Graham St., Marvin S. Splintering Urbanism: Networked Infrastructures, Technological Mobility and the Urban Condition / St. Graham, S. Marvin. – London: Routledge, 2001. – 512 p. – ISBN 978-0415189644.

63. Graham St. Clean Territory: Urbicide in the West Bank / St. Graham – Text: digital // open-Democracy: [website]. – 2002. – August 7. URL: https://www.opendemocracy.net/conflict-politicsverticality/article_241.jsp.

64. Ignatieff M. Virtual War / M. Ignatieff. – New York: Metropolitan Books, 2000. – 256 p. – ISBN 978-0312278359.

65. Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations / M. Walzer. – New York: Basic Books, 1977. – 400p. – ISBN 978-0465037070.

66. Turning Point: The Gulf War and U. S. Military Strategy / B. Ederington, M. J. Mazarr, (eds.). – Boulder, CO: Westview, 1994. – 290p. – ISBN 978-0813322926.

67. Smith Th. W. The New Law of War: Legitimizing Hi-Tech and Infrastructural Violence / Th. W. Smith // *International Studies Quarterly*. – 2002. – Vol. 46. – P. 367.

68. Simons G. L., The Scourging of Iraq: Sanctions, Law and Natural Justice, 2 ed. / G. L. Simons. – New York: St. Martin's, 1998. – 384 p. –

ISBN 978-0312215194.

69. Shehabaldin A., Laughlin Jr. W. M. Economic Sanctions against Iraq: Human and Economic Costs / A. Shehabaldin, Jr. W. M. Laughlin // *International Journal of Human Rights*. – 2000. – Vol. 3. – No. 4. – P. 1–18.

70. Bauman Z. Wars of the Globalization Era / Z. Bauman // *European Journal of Social Theory*. – 2001. – Vol. 4. – No. 1. – P. 11–28.

71. Bauman Z. Penser la guerre aujourd'hui / Z. Bauman // *Cahiers de la Villa Gillet*. – 2002. – No. 16. – P. 75–152.

72. Mbembe A. At the Edge of the World: Boundaries, Territoriality, and Sovereignty in Africa / A. Mbembe // *Public Culture*. – 2000. – Vol. 12. – P. 259–284.

73. Thomson J. Mercenaries, Pirates, and Sovereigns / J. Thomson. – Princeton: Princeton University Press, 1997. – P. 219. – ISBN 978-0691086583.

74. Делез Ж. Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари. — Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – 895 с. – ISBN 978-5-9757-0526-6.

75. Miller J. C. Way of Death: Merchant Capitalism and the Angolan Slave Trade, 1730–1830 / J. C. Miller. – Madison: University of Wisconsin Press, 1988. – 796 p. – ISBN 13978-0299115647.

76. Angola's War Economy: The Role of Oil and Diamonds / Cilliers and Ch. Dietrich (eds.). – Pretoria: Institute for Security Studies, 2000. – 370 p. – ISBN 13978-0620266451.

77. Rapport du Groupe d'experts sur l'exploitation illégale des ressources naturelles et autres richesses de la République démocratique du Congo // *United Nations Report*. – 2001. – No. 2. – P. 357.

78. Snyder R. Does Lootable Wealth Breed Disorder? States, Regimes, and the Political Economy of Extraction / R. Snyder // *Comparative political studies*. – 2006. – Vol. 39. – No. 8. – P. 943–968.

79. Landau L. B. The Humanitarian Hangover: Transnationalization of Governmental Practice in Tanzania's Refugee-Populated Areas / L. B. Landau // *Refugee Survey Quarterly*. – 2002. – Vol. 21. – No. 1. – P. 260–299.

80. Mbembe A. On the Postcolony / A. Mbembe. – Berkeley: University of California Press, 2001. – 292 p. – ISBN 978-0520204355.

81. Talley L., Spiegel P. B., Girgis M. An Investigation of Increasing Mortality among Congolese Refugees in Lugufu Camp, Tanzania, May–June 1999 / L. Talley, P. B. Spiegel, M. Girgis // *Journal of Refugee Studies*.

– 2001. – Vol. 14. – No. 4. – P. 412–427.

82. Hodges T. Angola: From Afro-Stalinism to Petro-Diamond Capitalism / T. Hodges. – Oxford: James Currey, 2001. – 201 p. – ISBN 978-0852558515.

83. Ellis St. The Mask of Anarchy: The Destruction of Liberia and the Religious Dimension of an African Civil War / St. Ellis. – London: Hurst, 1999. – 350 p. – ISBN 978-0814722190.

84. Канетти Э. Масса и власть / Э. Канетти. – М.: АСТ, 2015. – 576 с. – ISBN 978-5-17-089748-3.

85. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М.: Ad Marginem, 1997. – 461 с. – ISBN 5-88059-021-6.

86. Bataille G. Oeuvres complètes / G. Bataille. – Paris: Gallimard, 1988. – 656 p. – ISBN 978-2070713059.

87. Hass A. Drinking the Sea at Gaza: Days and Nights in a Land under Siege / A. Hass. – New York: Henry Holt, 1996. – 400p. – ISBN 978-0805057409.

Necropolitics

Achille Mbembe — Research Professor of History and Politics, University of the Witwatersrand; Johannesburg, Republic of South Africa; e-mail: Achille.Mbembe@wits.ac.za

Transl.: Alexey Antipov — Candidate of Philosophy, Research Associate, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; Moscow, Russia; e-mail: nelson02@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7048-3373

Editor: Mihail ZHURAVLEV — PhD student of the Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; Moscow, Russia; e-mail: zj-mk@yandex.ru

Scientific editor (consultant): Alexey Valeryevich Kylasov — Doctor of Cultural Studies, Professor, Plekhanov Russian Economic University; Moscow, Russia; e-mail: kylasov@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5350-6214

Keywords: biopower, necropolitics, war, sovereignty

In this essay Cameroonian researcher Achille Mbembe draws on Michel Foucault's concept of sovereign power, Giorgio Agamben's discourse on homo sacer, and Frantz Fanon's decolonial approach to situate the notion of biopower in the space of postcolony and demonstrates its insufficiency for understanding contemporary forms of subjugating life to the power of death. Mbembe introduces the notion of necropolitics, or necropower, to explain the various ways in which weapons are used in the modern world to create «worlds of death». He argues that the colony in general and slave plantations in particular gave rise to those necropolitical practices that remain relevant today. Mbembe describes the postcolonial locus as a place where diffuse and not always exclusively state power inscribes an 'economy of death' into relations of governance and production, and argues that whereas in the colonial era violence was solely a means of achieving profit, in the space of postcolony it becomes an end in itself.

References

1. Jackson R. Introduction: Sovereignty at the Millennium / R. Jackson // *Political Studies*. – 1999. – Vol. 47 – No 3. – P. 423–430.
2. Foucault M. Nuzhno zashchishchat' obshestvo: Kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1975–1976 uchebnom godu [Society Must Be Defended: Lectures at the Collège de France, 1975–1976] / M. Foucault. – St. Petersburg: Nauka, 2005. – 312 p. – ISBN 5-02-026848-8. (In Russian)
3. Agamben G. Homo sacer. Suvernaya vlast' i golaya zhizn' [Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life] / G. Agamben. – Moscow: Izdatel'stvo «Evropa», 2011. – 256 p. – ISBN 978-5-9739-0202-5. (In Russian)
4. Schmitt C. Diktatura: ot istochikov sovremennoy idei suvereniteta do proletarskoy klassovoy bor'by [Dictatorship: From the Origins of the Modern Concept of Sovereignty to Proletarian Class Struggle] / C. Schmitt. – St. Petersburg: Nauka, 2005. – 326 p. – ISBN 5-02-026895-X. (In Russian)
5. Schmitt C. Teoriya partizana: Promezhutochnoe zamechanie po povodu ponyatiya politicheskogo [The Theory of the Partisan: A Critical Note on the Concept of the Political] / C. Schmitt. – Moscow: Praxis, 2007. – 301 p. – ISBN 978-5-901574-66-9. (In Russian)
6. Arendt H. Istoki totalitarizma [The Origins of Totalitarianism] / H. Arendt. – Moscow: TsentrKom, 1996. – 672 p. – ISBN 5-87129-006-X. (In Russian)
7. Agamben G. Sredstva bez tseley: O nekotorykh aspektakh zhizni i politiki [Means Without End: Notes on Politics] / G. Agamben. – Moscow: Ad Marginem, 2000. – 204 p. – ISBN 5-93466-024-3. (In Russian)
8. Probing the Limits of Representation: Nazism and the «Final Solution» / S. Friedlander (ed.). – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. – 414 p. – ISBN 978-0674707665.
9. Ogilvie B. Comparer l'incomparable / B. Ogilvie // *Multitudes*. – 2001. – Vol. 7. – P. 130–166.
10. Deliberative Democracy: Essays on Reason and Politics / J. Bohman, W. Rehg (eds.). – Cambridge, MA: mit Press, 1997. – 477 p. – ISBN 978-0262522410.
11. Habermas J. Between Facts and Norms / J. Habermas. – Cambridge, MA: mit Press, 1996. – 676 p. – ISBN 978-0262581622.
12. What Is Enlightenment? Eighteenth-Century Answers and Twentieth-Century Questions / J. Schmidt. (ed.). – Berkeley: University of California Press, 1996. – 563 p. – ISBN 978-0520202269.

13. Castoriadis C. Voobrazhaemoe ustanovlenie obshchestva [The Imaginary Institution of Society] / C. Castoriadis. – Moscow: Gnosis, Logos, 2003. – 480 p. – ISBN 5-8163-0047-4. (In Russian)

14. Castoriadis C. Figures of The Thinkable / C. Castoriadis. – Stanford: Stanford University Press, 1999. – 303 p. – ISBN 978-0804756181.

15. Gilroy P. The Black Atlantic: Modernity and Double Consciousness / P. Gilroy. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993. – 280 p. – ISBN 978-0674076068.

16. Hegel G. W. F. Fenomenologija dukha [Phenomenology of Spirit] / G. W. F. Hegel. – Moscow: Nauka, 2000. – 495 p. – ISBN 5-02-008380-1. (In Russian)

17. Kozhev A. Vvedenie v chtenie Gegelya. Lektsii po Fenomenologii dukha, chitavshiesya s 1933 po 1939 g. v Vysshei prakticheskoi shkole [Introduction to the Reading of Hegel. Lectures on the Phenomenology of Spirit, Delivered from 1933 to 1939 at the Higher Practical School] / A. Kozhev. – Moscow: Nauka, 2013. – 791 p. – ISBN 978-5-02-026350-5. (In Russian)

18. Bataille G. Gegel', smert' i zhertvoprinoshenie [Hegel, Death, and Sacrifice] / G. Bataille // Tanatografija Erosa [Thanatology of Eros] / S. L. Fokin (ed.). – Saint Petersburg: Mifril, 1994. – 346 p. – ISBN 5-864574-008-7. (In Russian)

19. Baudrillard J. Death in Bataille / J. Baudrillard // Bataille: A Critical Reader / F. Botting, S. Wilson. (eds.). – Oxford: Blackwell, 1998. – 236 p. – ISBN 978-0631199571.

20. Bataille G. Visions of Excess: Selected Writings 1927–1939 / G. Bataille. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1985. – 304 p. – ISBN 978-0816612802.

21. The Bataille Reader / F. Botting and S. Wilson. (ed.). – Oxford: Blackwell, 1998. – 368 p. – ISBN-978-0631199595.

22. Bataille G. Prokljataja chast' [The Accursed Share] / G. Bataille. – Moscow: Ladomir, 2006. – 742 p. – ISBN 5-86218-466-X. (In Russian)

23. Bataille G. The Accursed Share: An Essay on General Economy. Vol. 1. Consumption / G. Bataille. – New York: Zone, 1988. – 200 p. – ISBN 978-0942299113.

24. Bataille G. Erotism: Death and Sensuality / G. Bataille. – San Francisco: City Lights, 1986. – 280 p. – ISBN 978-0872861909.

25. Bataille G. The Accursed Share. Vol. 2. The History of Eroticism and Sovereignty / G. Bataille. – New York: Zone Books, 1992. – 460 p. – ISBN 978-0942299205.

26. Habermas J. Filosofskij diskurs o moderne [The Philosophical Discourse on Modernity] / J. Habermas. – Moscow: Ves' Mir, 2003. – 416 p. – ISBN 5-7777-0263-5. (In Russian)
27. Traverso E. La violence nazie: Une généalogie européenne / E. Traverso. – Paris: La Fabrique Editions, 2002. – 190 p. – ISBN 9782913372146.
28. Foucault M. Nadzirat' i nakazyvat': Rozhdenie tjur'my [Discipline and Punish: The Birth of the Prison] / M. Foucault. – Moscow: Ad Marginem, 1999. – 480 p. – ISBN 5-93321-010-2. (In Russian)
29. Wokler R. Contextualizing Hegel's Phenomenology of the French Revolution and the Terror / R. Wokler // Political Theory. – 1998. – Vol. 26. – P. 33–55.
30. David W. Bates, Enlightenment Aberrations: Error and Revolution in France / W. David. – Ithaca, NY: Cornell University Press, 2002. – 280 p. – ISBN 978-0801439452.
31. Marx K. Capital: A Critique of Political Economy / K. Marx. – London: Lawrence and Wishart, 1984.
32. Marx K. Capital / K. Marx. – Harmondsworth, UK: Penguin, 1986.
33. Marx K. Kapital: kritika politicheskoj jekonomii [Capital: Critique of Political Economy] / K. Marx. – Moscow: Eksmo, 2011. – 1195 p. – ISBN 978-5-699-23766-1. (In Russian)
34. Louw S. In the Shadow of the Pharaohs: The Militarization of Labour Debate and Classical Marxist Theory / S. Louw // Economy and Society. – 2000. – Vol. 29. – P. 239–263.
35. Bukharyin N. Ekonomika perekhodnogo perioda. Ch. 1. Obshchaja teorija transformatsionnogo processa [Economics of the Transitional Period. Vol. 1. General Theory of the Transformation Process] / N. Bukharyin. – Moscow: 1920. – 160 p. (In Russian)
36. Trotsky L. Terrorizm i kommunizm [Terrorism and Communism] / L. Trotsky. – Moscow: Direkt-Media, 2015. – 411 p. – ISBN 978-5-4475-5619-8. (In Russian)
37. Marx K. The Civil War in France / K. Marx. – Moscow: Progress, 1972. – 90 p.
38. Lenin V. Selected Works in 3 Vol. Vol. 2 / V. Lenin. – Moscow: Progress, 1977. – 858 p.
39. Merleau-Ponty M. Humanism and Terror: An Essay on the Communist Problem / M. Merleau-Ponty. – Boston: Beacon, 1969. – 240 p. – ISBN 978-0807002773.
40. Shining and Other Paths: War and Society in Peru, 1980–1995 /

S. J. Stern (ed.). – Durham, NC: Duke University Press, 1998. – 552 p. – ISBN 978-0822322177.

41. Hartman S. V. Scenes of Subjection: Terror, Slavery, and Self-Making in Nineteenth Century America / S. V. Hartman. – Oxford: Oxford University Press, 1997. – 296 p. – ISBN 978-0195089844.

42. Friginals M. M. The Sugarmill: The Socioeconomic Complex of Sugar in Cuba, 1760–1860 / M. M. Friginals. – New York: Monthly Review Press, 1976. – 184 p. – ISBN 978-0853453192.

43. Douglass F. Narrative of the Life of Frederick Douglass, American Slave / F. Douglass. – Boston: Pub. at the Anti-slavery office, 1847. – 158 p.

44. Elias N. The History of Manners. Vol. 1. The Civilizing Process / N. Elias. – New York: Pantheon, 1978. – 558 p. – ISBN 0631192212.

45. Buck-Morss S. Hegel and Haiti / S. Buck-Morss // Critical Inquiry. – 2000. – Vol. 26. – P. 821–866.

46. Roger D. Abrahams, Singing the Master: The Emergence of African American Culture in the Plantation South / D. Roger. – New York: Pantheon, 1992. – 384 p. – ISBN 978-0140179194.

47. Hansen T. B., Stepputat F. Sovereign Bodies: Citizens, Migrants and States in the Post-Colonial World / T. B. Hansen, F. Stepputat F. – Princeton, Oxford: Princeton University Press. – 384 p. – ISBN 978-0691121192.

48. Goldberg D. Th. In The Racial State / D. Th. Goldberg. – Malden, MA: Blackwell, 2002. – 336 p. – ISBN 978-0631199212

49. Balibar E. Prolegomena to Sovereignty // We, the People of Europe? Reflections on Transnational Citizenship. – Princeton: Princeton University Press, 2003. – P. 133–154.

50. Walter E. V. Terror and Resistance: A Study of Political Violence with Case Studies of Some Primitive African Communities / E. V. Walter. – Oxford: Oxford University Press, 1969. – 400 p. – ISBN 978-0196317502.

51. Taussig M. Shamanism, Colonialism, and the Wild Man: A Study in Terror and Healing / M. Taussig. – Chicago: University of Chicago Press, 1987. – 538 p. – ISBN 978-0226790138.

52. L'ennemi / Lefranc S., Sadoun M (eds.) // Raisons politiques. – 2002. – Vol. 5. – ISBN 978-2724629354.

53. Headrick D. R. The Tools of Empire: Technology and European Imperialism in the Nineteenth Century / D. R. Headrick. – New York: Oxford University Press, 1981. – 221 p. – ISBN 978-0195028324.

54. From Shantytown to Township: An Economic Study of African Poverty and Rehousing in a South African City / G. G. Maasdorp, A. S. B. Humphreys (eds.). – Cape Town: Juta, 1975. – 157 p. – ISBN 978-0702105692.

55. Bozzoli B. Why Were the 1980s «Millenarian»? Style, Repertoire, Space and Authority in South Africa's Black Cities / B. Bozzoli // *Journal of Historical Sociology*. – 2000. – Vol. 13. – P. 78–110.

56. Up Against the Fences: Poverty, Passes and Privileges in South Africa / H. Giliomee (ed.). – Cape Town: David Philip, 1985. – 365 p. – ISBN 978-0312833800.

57. Wilson F. Migrant Labour in South Africa / F. Wilson. – Johannesburg: Christian Institute of Southern Africa, 1972. – 314 p.

58. Fanon F. The Wretched of the Earth / F. Fanon. – New York: Grove Weidenfeld, 1991. – P. 320. – ISBN 978-0802141323.

59. Schwartz R. M. The Curse of Cain: The Violent Legacy of Monotheism / R. M. Schwartz. – Chicago: University of Chicago Press, 1997. – 228 p. – ISBN 978-0226741994.

60. L'Art et la mémoire des camps: Représenter exterminer / L. Flem (ed.). – Paris: Seuil, 2001. – 144 p. – ISBN 978-2020509152.

61. Weizman E. The Politics of Verticality / E. Weizman. – Text: digital // open-Democracy: [website]. – 2002. – April 25. URL: https://www.opendemocracy.net/ecology-politicsverticality/article_801.jsp.

62. Graham St., Marvin S. Splintering Urbanism: Networked Infrastructures, Technological Mobility and the Urban Condition / St. Graham, S. Marvin. – London: Routledge, 2001. – 512 p. – ISBN 978-0415189644.

63. Graham St. Clean Territory: Urbicide in the West Bank / St. Graham – Text: digital // open-Democracy: [website]. – 2002. – August 7. URL: https://www.opendemocracy.net/conflict-politicsverticality/article_241.jsp.

64. Ignatieff M. Virtual War / M. Ignatieff. – New York: Metropolitan Books, 2000. – 256 p. – ISBN 978-0312278359.

65. Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations / M. Walzer. – New York: Basic Books, 1977. – 400 p. – ISBN 978-0465037070.

66. Turning Point: The Gulf War and U. S. Military Strategy / B. Ederington, M. J. Mazarr, (eds.). – Boulder, CO: Westview, 1994. – 290p. – ISBN 978-0813322926.

67. Smith Th. W. The New Law of War: Legitimizing Hi-Tech and Infrastructural Violence / Th. W. Smith // *International Studies Quarterly*. – 2002. – Vol. 46. – P. 367.

68. Simons G. L., The Scourging of Iraq: Sanctions, Law and Natural Justice, 2 ed. / G. L. Simons. – New York: St. Martin's, 1998. – 384 p. –

ISBN 978-0312215194.

69. Shehabaldin A., Laughlin Jr. W. M. Economic Sanctions against Iraq: Human and Economic Costs / A. Shehabaldin, Jr. W. M. Laughlin // *International Journal of Human Rights*. – 2000. – Vol. 3. – No. 4. – P. 1–18.

70. Bauman Z. Wars of the Globalization Era / Z. Bauman // *European Journal of Social Theory*. – 2001. – Vol. 4. – No. 1. – P. 11–28.

71. Bauman Z. Penser la guerre aujourd'hui / Z. Bauman // *Cahiers de la Villa Gillet*. – 2002. – No. 16. – P. 75–152.

72. Mbembe A. At the Edge of the World: Boundaries, Territoriality, and Sovereignty in Africa / A. Mbembe // *Public Culture*. – 2000. – Vol. 12. – P. 259–284.

73. Thomson J. Mercenaries, Pirates, and Sovereigns / J. Thomson. – Princeton: Princeton University Press, 1997. – P. 219. – ISBN 978-0691086583.

74. Deleuze G., Guattari F. Tsytyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya [A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia] / G. Deleuze, F. Guattari. – Yekaterinburg: U-Faktoriya; Moscow: Astrel, 2010. – 895 p. – ISBN 978-5-9757-0526-6. (In Russian)

75. Miller J. C. Way of Death: Merchant Capitalism and the Angolan Slave Trade, 1730–1830 / J. C. Miller. – Madison: University of Wisconsin Press, 1988. – 796 p. – ISBN 13978-0299115647.

76. Angola's War Economy: The Role of Oil and Diamonds / Cilliers and Ch. Dietrich (eds.). – Pretoria: Institute for Security Studies, 2000. – 370 p. – ISBN 13978-0620266451.

77. Rapport du Groupe d'experts sur l'exploitation illégale des ressources naturelles et autres richesses de la République démocratique du Congo // *United Nations Report*. – 2001. – No. 2. – P. 357.

78. Snyder R. Does Lootable Wealth Breed Disorder? States, Regimes, and the Political Economy of Extraction / R. Snyder // *Comparative political studies*. – 2006. – Vol. 39. – No. 8. – P. 943–968.

79. Landau L. B. The Humanitarian Hangover: Transnationalization of Governmental Practice in Tanzania's Refugee-Populated Areas / L. B. Landau // *Refugee Survey Quarterly*. – 2002. – Vol. 21. – No. 1. – P. 260–299.

80. Mbembe A. On the Postcolony / A. Mbembe. – Berkeley: University of California Press, 2001. – 292 p. – ISBN 978-0520204355.

81. Talley L., Spiegel P. B., Girgis M. An Investigation of Increasing Mortality among Congolese Refugees in Lugufu Camp, Tanzania, May–June 1999 / L. Talley, P. B. Spiegel, M. Girgis // *Journal of Refugee Studies*.

– 2001. – Vol. 14. – No. 4. – P. 412–427.

82. Hodges T. Angola: From Afro-Stalinism to Petro-Diamond Capitalism / T. Hodges. – Oxford: James Currey, 2001. – 201 p. – ISBN 978-0852558515.

83. Ellis St. The Mask of Anarchy: The Destruction of Liberia and the Religious Dimension of an African Civil War / St. Ellis. – London: Hurst, 1999. – 350 p. – ISBN 978-0814722190.

84. Canetti E. Massa i vlast' [Crowds and Power] / E. Canetti. – Moscow: AST, 2015. – 576 p. – ISBN 978-5-17-089748-3. (In Russian)

85. Heidegger M. Bytie i vremya [Being and Time] / M. Heidegger. – Moscow: Ad Marginem, 1997. – 461 p. – ISBN 5-88059-021-6. (In Russian)

86. Bataille G. Oeuvres complètes / G. Bataille. – Paris: Gallimard, 1988. – 656 p. – ISBN 978-2070713059.

87. Hass A. Drinking the Sea at Gaza: Days and Nights in a Land under Siege / A. Hass. – New York: Henry Holt, 1996. – 400 p. – ISBN 978-0805057409.

Низовая биополитика. Интервью Джорджо Агамбена журналу *Vacarme*

Джорджо Агамбен — профессор философии, Европейская высшая школа (EGS); Саас-Фе, Швейцария; e-mail: gioagamben@yahoo.it.

Интервьюеры: Стани Греле, Матье Потт-Бонвиль

Пер. с фр.¹: Михаил Шестаков — студент РГПУ им. А. И. Герцена; Санкт-Петербург, Россия; e-mail: mikhail.a.shestakov@gmail.com

Ключевые слова: биополитика, субъект, политический пессимизм, низовая биополитика

Политический потенциал интеллектуального наследия Джорджо Агамбена является давним предметом дискуссий. Агамбен известен прежде всего своей концепцией биополитики, которая значительно расширяет область применения этого понятия Мишелем Фуко. В своих работах он подвергает серьезной критике устоявшиеся в западной культуре модели политического действия, однако, как отмечают оппоненты, не предлагает или попросту не видит им никакой альтернативы. В академической среде утверждение о пессимизме и нигилизме мысли Агамбена является своеобразным клише. Более того, мишенью для критики стали публицистические работы Агамбена последних лет, в которых философ допускает ряд неоднозначных заявлений о пандемии COVID-19 и конфликте России и Украины. Изначально получившая признание среди левых теоретиков, мысль Агамбена сегодня активно апроприруется консерваторами, в том числе российскими. Данное интервью позволяет прояснить отдельные аспекты политических взглядов Агамбена и дает ключ к пониманию связи среднего периода его творчества, на который пришлась публикация наиболее известных его трудов, и позднего, связанного с большим вниманием к христианской теологии. В интервью Агамбен излагает центральную для своих работ теорию субъекта, а также говорит об авторах, оказавших на него

¹ Перевод Шестакова Михаила по изданию: Une biopolitique mineure. Entretien avec Giorgio Agamben // *Vacarme*. – 1999. – №. 10. Публикуется с любезного разрешения редакции журнала.

наибольшее влияние — в частности, наряду с Фуко и Беньямином, он упоминает Делеза с его понятием «линии ускользания»².

ДЖОРДЖО АГАМБЕН — ФИЛОСОФ, разрабатывающий вслед за Фуко теорию «биополитики». Под биополитикой он понимает структуру власти, генеалогия которой прослеживается вплоть до Античности; с тех пор она не переставала распространяться, пока не стала доминирующей формой политики в современных государствах, где «чрезвычайное положение — не исключение, а правило»³. Подлинным объектом биополитики является «голая жизнь», *zoé* — так древние греки называли «сам факт жизни, общий для всех живых существ (будь то животные, люди или боги)»⁴, отличный от *bios* — «способа или формы жизни индивида либо группы»⁵. Объектом для суверенной власти, согласно Агамбену, служит не жизнь конкретного гражданина, имеющего право голоса и находящегося под защитой права, а голая и лишенная голоса жизнь беженцев, изгнанников, людей, исключенных из политического пространства — жизнь *homo sacer*, «человека священного», чье биологическое тело может быть произвольно подвергнуто исправлению, заключению или казни. Модели города, полиса, якобы исконно определяющей западную политику, Агамбен противопоставляет лагерь — «номос современности», парадигму «политизации голый жизни», которая стала нормой власти. Структура западной политики, отмечает он, это не голос, а лишение права голоса, исключение из сообщества — *ban*⁶.

Этот тезис, безусловно, актуален и сегодня. Меры, принимаемые государством для регулирования сферы здравоохранения, обеспечения занятости, контроля над иммиграцией и запрета наркоти-

² Организаторами интервью выступили французские политические активисты Стани Греле и Матье-Поттом Бонвиль (последний является видным исследователем философии Фуко и главным редактором левого критического журнала *Vacarme*, в котором интервью и было опубликовано в 1999 году). Бонвиль и Греле как опытные политические деятели устраивают Джорджо Агамбену настоящий допрос с пристрастием, выясняя его отношение к низовым политическим движениям. Несмотря на то, что с момента беседы прошел уже не один десяток лет, у читателя не возникнет сомнений в актуальности затронутых в ней тем. — *Прим. пер.*

³ Беньямин В. Учение о подобии / В. Беньямин. Москва: Издательский центр РГГУ, 2012. — 290 с. — ISBN 978-5-7281-1276-1.

⁴ Агамбен Дж. *Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь* / Дж. Агамбен. — М.: Издательство «Европа», 2011. — С. 7.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 40.

ков, раскрывают подлинную биополитическую природу его действий. Эти меры обращены именно к *zoé*, к жизням, которые захвачены категориями и диспозитивами власти, обращающимися с ними соответствующим образом — как с доступными жизнями, которыми можно управлять. Прежде всего речь идет о нелегальных мигрантах, для которых модель лагеря — это действительность. Однако в похожей ситуации находятся и люди, употребляющие наркотики, заключенные в тюрьмы или реабилитационные центры, а также безработные, принуждаемые к трудоустройству или обреченные на жизнь в нищете при мизерном социальном обеспечении, и многие другие. Не случайно во время недавних дискуссий вокруг PACS⁷ часто звучали зооморфные метафоры, ведь даже в Парламенте, который является сердцем полисной системы, символом права голоса⁸, *bios* уступает место *zoé* как только дело доходит до обсуждения законов о жизни.

Однако Джорджо Агамбен не ограничивается лишь констатацией фактов. В его работах неоднократно встречаются, на пророческий манер, призывы и возвещения «грядущей политики»⁹. Эта политика может возникнуть только там, где сегодня реализуется суверенная власть, но чтобы стать «другой», политика должна если не оторваться от своего места, то, по меньшей мере, противопоставить себя ему — или даже подорвать его основания. И вполне возможно, что группы людей, наиболее подверженные воздействию биовласти, опираясь на собственный опыт и то сопротивление, которое они ей оказывают, формируют сегодня ту самую альтернативную политику, провозвестником которой является Агамбен. Будучи включенными в механизмы биовласти и не имея реальных способов вырваться из них (как может ВИЧ-инфицированный человек избежать взаимодействия с медицинской властью, безработный — постановки на учет в центре занятости, беженец, не имеющий документов — очередей у окошка регистрации в миграционной службе или вовсе заключения в лагерях и пунктах временного размещения?), эти люди изобретают низовую биополитику, противопоставляя ее господствующей. Они требуют того, что позволит им жить: доступа к антиретровирусной

⁷ PACS, Pacte civil de solidarité — Гражданский договор солидарности (фр.), законодательная система во Франции, наделявшая минимальными правами внебрачные гражданские союзы, в том числе однополые. Была принята 15 ноября 1999 г., данное интервью было опубликовано полтора месяца спустя, 2 января 2000 г. — *Прим. пер.*

⁸ Само слово парламент происходит от фр. parler — говорить, голосовать. — *Прим. пер.*

⁹ Агамбен Дж. Грядущее сообщество / Дж. Агамбен. — Москва: Три квадрата, 2008. — 144 с.

терапии, безусловного базового дохода, легализации и контроля качества наркотиков. Они противостоят власти на ее собственной территории: в государственных и медицинских учреждениях, в судах. В некотором смысле, они стремятся «найти *bios* своей *zoé*».

Vacarme: В первую очередь мы хотели встретиться с вами для того, чтобы поговорить о вашей концепции биополитики. При этом в определенном смысле мы находимся по другую сторону баррикад. Ряд близких нам движений (в том числе те, в которых состоим мы сами), таких как движения за права нелегальных мигрантов и прекариата, сообщества больных СПИДом или только зарождающееся движение людей, употребляющих наркотики, как нам кажется, действуют именно в очерченном вами «политическом пространстве, где исключение стало правилом», и образуют ту самую «неопределенную почву», «смутную зону неразличимости» между *bios* и *zoé*. Однако вы почти не упоминаете их в своих работах. Они угадываются между строк, но воспринимаются скорее как объекты для социального действия (в случае с лагерями, органами соцобеспечения, медицинской властью), нежели как субъекты. Вы крайне пронизательны в отношении господствующей биополитики — биополитики, изобретающей врага; кропотливо реконструируя ее генеалогию, вы биополитики, изобретающей врага; тщательно реконструируя ее генеалогию, вы обнаруживаете ее главный очаг — *homo sacer*, голую жизнь, захваченную суверенной властью, а также анализируете формирование ее диспозитивов, таких как лагерь. Однако вы воздерживаетесь от проекта ответных биополитик — биополитик протеста и реапроприации, низовых биополитик, одним словом, «нашей» биополитики — биополитики социальных движений (таких, например, как Act Up)¹⁰. При этом вы утверждаете, что подобные рассуждения возможны и даже необходимы: «...именно отталкиваясь от этой неопределенной почвы, — пишете вы в одной из своих работ, — от этой смутной зоны неразличимости, мы должны сегодня вновь отыскивать другой путь для политики, другое тело, другое слово. Ни под каким предлогом я бы не хотел отказаться от этой неразличимости между публичным и частным, между биологическим и политическим, между *zoé* и *bios*. Именно в ней я должен вновь обнаружить свое пространство —

¹⁰ Act Up, AIDS Coalition to Unleash Power — СПИД-коалиция мобилизации силы (англ.), международное движение прямого действия, направленное на защиту прав и повышение качества жизни больных СПИДом. — *Прим. пер.*

здесь или нигде. Меня может заинтересовать только политика, отталкивающаяся от данного осознания». И тем не менее вы не исследуете конкретные формы борьбы, политическая практика которых связана именно с осознанием или даже с опытом чрезвычайного положения¹¹. Разве зародыш той самой другой биополитики, о которой вы грезите, не содержится в требованиях безусловного базового дохода со стороны безработных, или необходимого лечения со стороны больных СПИДом, или в борьбе людей, употребляющих наркотики, за контроль их качества?

Джорджо Агамбен: В некотором смысле ваш вопрос следовало бы переадресовать. Ответ на него должен быть дан самими действующими лицами описанных вами процессов. Вы заметили, что упомянутые социальные движения и субъекты «угадываются у меня между строк, но скорее как объекты, чем как субъекты». Это мне и кажется здесь главным: проблема в субъекте, который рассматривается мной только в рамках процессов субъективации и десубъективации, или даже оказывается неким зазором (или остатком) внутри этих процессов. Кто выступает субъектом этой новой биополитики — низовой биополитики, о которой вы говорите? Это извечная проблема для классической политической мысли: когда нужно, к примеру, определить, кто является революционным субъектом. Кто-то продолжает связывать это понятие с определенным классом, с пролетариатом. Эта проблема по-прежнему актуальна, но когда мы вступаем на новую территорию — территорию биополитики и биовласти, — она встает особенно остро. Современное государство, на мой взгляд, работает как своего рода машина десубъективации, размывающая все классические идентичности, и в то же время, как это хорошо показал Фуко, выступает машиной, заново кодирующей (прежде всего в юридическом ключе) размытые идентичности — всегда имеет место ресубъективация, реидентификация этих разрушенных субъектов, лишенных всякой идентичности. Сегодня, как мне видится, политический

¹¹ Русскоязычный термин «чрезвычайное положение» не отражает амбивалентности, которую артикулирует философия Агамбена. Дословно это выражение можно перевести как «состояние исключения»: это положение одновременно является само по себе исключением из привычного положения дел, и при этом допускает исключения из правовых норм, дает возможность исключать из общества конкретных индивидов или их группы, тех самых *homo sacer*. Таким образом, в данном контексте подразумевается, что такие члены общества, как, например, мигранты, одновременно осознают чрезвычайное положение в государстве, и также на личном опыте переживают состояние собственного исключения из общества. — *Прим. пер.*

ландшафт представляет собой поле битвы, на котором разворачиваются оба этих процесса: одновременно уничтожение всего того, что составляло традиционную идентичность — я говорю об этом, разумеется, без какой-либо ностальгии, — и незамедлительная ресубъективация как со стороны государства, так и со стороны самих субъектов. Эту тему вы и затронули в своем вопросе: сейчас решающий конфликт для каждого из его участников, включая и новых субъектов, которых вы перечислили, разыгрывается на территории, которую я называю *zoé*, биологической жизнью. Действительно, обратного пути нет: уже не может быть и речи о возвращении к оппозициям классической политики, четко разделяющей публичное и частное, политическое тело и индивидуальное — я в этом убежден. Но на этой же самой территории мы оказываемся в ситуации прямой угрозы подчинения (*assujétissement*) со стороны биовласти. Здесь есть двусмысленность, риск. Согласно Фуко, этот риск состоит в том, что наделяя себя новой идентичностью, вводя новую идентичность в текущую ситуацию, производя нового субъекта, мы производим субъекта, подчиненного государству, и поэтому, вопреки своей воле, вновь запускаем бесконечный процесс субъективации и подчинения, которым как раз и определяется биовласть. Я убежден, что мы не сможем избежать этой проблемы.

Vacarme: Но риск это или апория? Любая субъективация неизбежно является подчинением или же мы можем вывести нечто вроде максимы, рецепта субъективации, который позволил бы избежать подчинения?

Джорджо Агамбен: В поздних работах Фуко как раз присутствует апория, которая кажется мне весьма примечательной. С одной стороны, он постоянно развивает тему «заботы о себе», утверждая, что нужно заботиться о себе, прибегать к различным практикам себя. Однако иногда он заявляет ровно противоположное: нужно избавиться от себя. Несколько раз он как бы вскользь замечает, что «жизни конец, если мы заикливаемся на идентичности; искусство жить — в том, чтобы разрушать идентичность, разрушать психологию». Вот, собственно, и апория: забота о себе, которая в конечном итоге должна привести к избавлению от себя. В таком случае мы могли бы поставить вопрос следующим образом: какой должна быть практика себя, отличная от процесса субъективации и, напротив, приводящая к избавлению от себя, находящая свою идентичность только

в избавлении от себя? Необходимо удерживаться одновременно в ситуации двунаправленного движения десубъективации и субъективации. Очевидно, что на этой зыбкой почве сложно устоять. Речь идет о том, чтобы определить зону между процессом субъективации и противоположным процессом десубъективации, между идентичностью и не-идентичностью, зону *no man's land*. Определить ее нужно потому, что именно она могла бы стать территорией новой биополитики. Именно поэтому такие движения, как упомянутое вами движение больных СПИДом, представляют особый интерес. Почему? Потому что именно в этом случае идентичность формируется на пороге тотальной десубъективации, нередко сопряженной с буквальной угрозой смерти. Я думаю, что мы стоим как раз на этом пороге. В книге об Освенциме, посвященной проблеме свидетельства, я попытался рассмотреть свидетеля в качестве модели такой субъективности, которая может быть предметом только своей собственной десубъективации. Свидетель не свидетельствует ни о чем другом, кроме собственной десубъективации. Выжившие свидетельствуют только в пользу погибших «мусульман»¹². В последней части книги я сосредоточился на определении субъекта как того, кто пребывает между субъективацией и десубъективацией, между речью и немотой. Это не какое-то вещественное пространство, скорее — просто зазор между двумя процессами. Однако это только начало. Мы едва коснулись новой структуры субъективности, а она очень сложна и требует длительной разработки. И нам действительно следует ей заняться...

¹² *Der Muselmann* — мусульманин (нем.), так на жаргоне концлагерей называли истощенного человека-мумию, живого мертвеца, который прекратил сопротивление и утратил всякий разум и волю. Это именование возможно отсылает к «буквальному определению арабского слова муслим, которое обозначает человека, безусловно предавшего себя воле Бога» или же просто «издалека группа таких больных напоминала мусульман во время молитвы». Для Джорджо Агамбена этот термин обозначает фигуру несвидетельствуемого: «Свидетель свидетельствует обычно во имя правды и справедливости, и они придают его словам прочность и полноту. Но здесь свидетельство, в сущности, равняется тому, что в нем отсутствует; содержит в своей сердцевине не-свидетельствуемое, которое лишает выживших авторитета. «Подлинные» свидетели — это те, кто не свидетельствовал и никогда не смог бы этого сделать. Это те, кто «достиг дна», мусульмане, канувшие. Выжившие, в качестве псевдосвидетелей, говорят вместо них, по доверенности: свидетельствуют об отсутствующем свидетельстве. Говорить по доверенности, однако, не имеет здесь никакого смысла: канувшим нечего сказать, у них нет ни наставлений, ни воспоминаний, которые они могли бы нам передать. У них нет «истории», «лица» и, тем более, «мыслей». Тот, кто берет на себя бремя свидетельствовать за них, знает, что должен свидетельствовать о невозможности свидетельствовать». См.: Агамбен Дж. Homo sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель / Дж. Агамбен. — Москва: Издательство «Европа», 2015. — 192 с. — ISBN 978-5-9739-0208-7.

Это ведь практика, а не просто некий принцип. Я не думаю, что сейчас мы можем опираться на какие-то общие принципы, за исключением необходимости быть внимательными к тому, чтобы вновь не попасть в ловушку ресубъективации, которая оборачивается подчинением. Иными словами, нам следует становиться субъектами только в качестве очередного стратегического или тактического хода, не более. е. Вот почему очень важно увидеть в практике себя, реализуемой каждым человеком или упомянутыми социальными движениями, очерчивание возможных зон между субъективацией и десубъективацией. Это касается любой сферы: отталкиваясь от понятия заботы о себе Фуко, мы можем расширить его на всякую практику себя, в том числе и на ту повседневную мистику, какой является близость, интимность, на все те зоны, где мы соприкасаемся с зоной незнания или десубъективации, будь то сексуальная жизнь или вообще любой аспект телесной жизни. В этих вполне повседневных сферах жизни для действующего лица, субъекта, происходит срыв покровов, он соприкасается с десубъективацией — такая вот банальная житейская мистика. Так что нужно быть внимательным ко всему, что может предоставить нам зону такого рода. Пока что все это выглядит очень расплывчато, но, думаю, именно такой подход может сформировать парадигму низовой биополитики.

Vacarme: Вы говорите об идентичности лишь как о дефекте или риске для субъекта. Но все же: не обладает ли определенным весом по крайней мере та идентичность, которая навязывается «сверху», иногда с помощью закона (миграционное законодательство), иногда с помощью оскорблений (гомофобные ярлыки), так что для многих эта идентичность становится, если можно так сказать, объективной? Другими словами, какой простор для десубъективации оставляют нам наши социальные условия?

Джорджо Агамбен: В данный момент я работаю с посланиями апостола Павла¹³. Он задается вопросами: что значит мессианическая жизнь? Что нам делать теперь, когда мы пребываем в мессианическом времени? Какими теперь должны наши действия по отношению

¹³ Книга Агамбена «Оставшееся время: комментарий к Посланию к Римлянам» выйдет спустя несколько месяцев после публикации данного интервью. Ввиду этого ссылки на нее не даются, несмотря на достаточно точное воспроизведение Агамбеном своего будущего текста. Ознакомиться с источником можно в русском переводе: Агамбен Д. Оставшееся время: комментарий к Посланию к Римлянам / Пер. с итал. М.: 2018. 224 с. — *Прим. пер.*

к государству? И здесь обнаруживается проблема того самого двунаправленного движения, которая кажется мне крайне любопытной. С одной стороны Павел призывает оставаться в тех социальных, юридических, идентитарных условиях, в которых ты уже находишься. Если ты раб — оставайся рабом. Врач? Продолжай им быть. Замужняя женщина? Будь ей. «Каждый оставайся в том звании, в котором призван» [6, I Кор., VII, 20]. И при этом он отмечает, что если ты и призван рабом, «не смущайся, но... воспользуйся» [6, I Кор., VII, 21] этим, извлеки из этого что-либо. То есть проблема не в том, чтобы изменить свой юридический статус, изменить свою жизнь, а чтобы суметь использовать, найти какое бы то ни было применение своему текущему положению. Павел поясняет эту мысль с помощью изящного выражения «как не»: «имеющие жен должны быть, как не имеющие, и плачущие, как не плачущие, и радующиеся, как не радующиеся, и покупающие, как не приобретающие» [6, I Кор., VII, 29–30]. Важно не путать это с позицией «*как если бы*», речь здесь именно о «*как не*». В самом буквальном смысле: если ты плачешь, будь как не-плачущий, если ты радуешься, будь как не-радующийся, если ты раб, будь как не-раб. Это весьма любопытно, поскольку речь здесь идет о таких жизненных стратегиях, которые не подразумевают прямого столкновения с властью — мы сохраняем прежний правовой и социальный статус, и при этом полностью трансформируем его в форме «как не». Мне кажется, что понятие «пользования» в данном смысле очень интересно как практика, субъект которой не может быть четко определен. Ты остаешься рабом, но, поскольку ты используешь этот свой статус в модусе «как не», рабом ты уже не являешься.

Vacarme: Каким образом такое «пользование» может быть реализовано политически, в собственно политических условиях? Ведь можно усмотреть в нем чисто индивидуальное, этическое или даже религиозное обращение мысли, в любом случае единичное и, скажем так, «частное». Но как подобное обращение со своим собственным статусом, позволяющее больше не быть субъектом, может быть связано с политикой? В чем его значимость для сообщества, для борьбы, для сопротивления и так далее?

Джорджо Агамбен: Безусловно, эти идеи Павла часто рассматриваются как связанные с внутренним опытом, с интериоризацией. Но я полагаю, что это ошибка. Напротив, Павел сосредоточен на проблемах мессианского сообщества, к которому он обращается в своих посланиях.

К примеру, та же тема «пользования» со временем всплывает в очень острой форме — форме критики права — во францисканском движении¹⁴. Монашеские ордена, практикующие крайнюю бедность, отказываются от всякой собственности, и в то же время должны пользоваться некоторыми благами. Это обстоятельство привело к серьезному конфликту с Церковью. Церковь вполне была готова признать, что они отказываются от права собственности — будь то право отдельного человека или всего ордена, ведь отказом от собственности их орден и определялся, — но требовала, чтобы они квалифицировали свой образ жизни как право пользования. Такая правовая модель нам хорошо знакома — это узуфрукт, право пользования, отдельное от права собственности. Но проблема в том, что францисканцы настаивали на обратном: «нет — говорили они, — это не право пользования, а пользование без права». Они называли это *usus pauper*¹⁵. Фактически это открытие такой зоны совместной жизни, которой можно пользоваться, не имея на это права и не претендуя на него. При этом францисканцы не критикуют собственность как таковую, они просто оставляют все права Церкви, как бы говоря: «Собственность? Мы не хотим ей владеть. Мы ей пользуемся». Так что можно сказать, что мы имеем дело с чисто политической проблемой, или, по крайней мере, с проблемой сообщества.

Vacarme: И все-таки, является ли чистой случайностью то, что, размышляя о подобной альтернативе, вы отсылаете именно к религиозной сфере? Порой, читая ваши книги, обращаешь внимание на какой-то пророческий тон, когда речь заходит об определении «другой политики» и «другого пути для политики». Так, вы пишете: «...если допустимо сделать пророчество о грядущей политике, то она перестанет быть борьбой за завоевание государства или контроль над ним со стороны новых или старых социальных субъектов и станет борьбой между государством и не-государством (человечеством), между невозможным разъединением случаев индивидуального своеобразия и государственной организацией». Какое место вы сами отводите этому тону и этим отсылкам в своей работе?

¹⁴ В дальнейшем Агамбен посвятит этому феномену отдельную книгу цикла *Номо sacer*: «Высочайшая бедность: монашеские правила и форма жизни», она увидит свет в 2011 г. — *Прим. пер*

¹⁵ *Usus pauper* — бедное пользование, просто пользование (лат.)

Джорджо Агамбен: В текстах Павла меня интересует не столько религия, сколько та конкретная область (связанная с религией, но не тождественная ей), каковой является мессианическое, — область, очень близкая к политике. К тому же решающее значение для меня здесь имеет другой автор, далеко не столь религиозный — Вальтер Беньямин, который рассматривает мессианическое как парадигму политического или, скажем, исторического времени. Я сосредоточен именно на этом. И я действительно думаю, что проиллюстрированная Беньямином в первом из тезисов «О понятии истории» ситуация, при которой теология как сущность, пусть скрытая, должна помочь историческому материализму выиграть партию у своих врагов, все так же допустима и актуальна — как раз она и позволяет нам иначе взглянуть на время и на субъект. Вы также спросили о пророчестве... На днях я прослушивал записи лекций Фуко, и в одной из них он говорит о существовании в нашей культуре четырех фигур, изрекающих истину: это пророк, мудрец, учитель и тот, кого он называет паресиастом, — кто имеет храбрость говорить правду. Пророк говорит о будущем, и притом не от своего имени, а от лица некоего высшего порядка. Напротив, паресиаст, с которым Фуко, несомненно, отождествляет себя, говорит от своего имени и о том, что истинно здесь и сейчас. Конечно, Фуко не считает эти фигуры совершенно отдельными и не имеющими пересечений. Но все же и я скорее предпочту роль паресиаста, нежели пророка. Да, фигура пророка, безусловно, важна, и катастрофа нашего времени в том, что она окончательно нас покинула, — еще пятьдесят лет назад именно пророк становился политическим лидером, тогда как сегодня эта роль полностью утрачена. В то же время мне кажется, что мы больше не можем обращать свои мысли к будущему. Мы должны мыслить в мессианической актуальности, в *kairós* — времени «сейчас». Однако это весьма сложная модель времени, поскольку она не является ни грядущим временем, эсхатологическим будущим, вечностью, ни временем историческим, профанным, — это лишь кусок, изъятый из профанного времени и в результате трансформировавшийся в нечто отдельное. Беньямин заметил, что в описании бесклассового общества Маркс фактически секуляризировал феномен мессианического времени, — и это действительно так. Но при этом ввиду всех апорий, которые этот концепт порождает (касаемо транзита власти и прочего), он в итоге стал тем подводным рифом, который привел Революцию к крушению. Мы просто не располагаем такой моделью

времени, которая позволила бы нам это помыслить. В любом случае, я считаю, что мессианическое — это всегда профанное, а не религиозное. Это как раз окончательный кризис религиозного, когда оно скатывается в профанное. В связи с этим можно упомянуть журнал «Тиккун», недавно основанный во Франции группой молодых людей, моих знакомых. Его можно назвать подлинно мессианическим журналом, ведь понятие *тиккун* в лурианской каббале означает мессианское искупление, восстановление. Для меня это интересный феномен, поскольку журнал представляет собой острокритическое, крайне политизированное издание, при этом избравшее мессианический тон, но остающееся исключительно светским, профанным. Авторы журнала, помимо прочего, выдвигают теорию Блума — так они называют новых безымянных субъектов, представляющих собой случайные единичности, опустошенные, готовые ко всему, способные распространяться повсюду, но при этом неуловимые, не имеющие никакой идентичности, хотя, в то же время, в любой момент способные ее обрести¹⁶. Проблема, которую они ставят в своих текстах: как трансформировать Блум, как Блум может совершить скачок за пределы самого себя?

Vacarme: Вот в этом, пожалуй, нам и трудно проследовать за вашей мыслью. Не в том, что касается мессианической позиции, а в том, что вы говорите об этих «случайных единичностях». Как бы это сказать... Когда слушаешь вас, складывается впечатление, что намечающаяся новая биополитика в вашем понимании подразумевает скорее бегство или исход, нежели сопротивление и борьбу. С одной стороны, вы очень точно идентифицируете врага, противника — совершенно определенного, цельного, сплоченного, с очень четким родословным древом, регулярно воспроизводимыми диспозитивами и т. д. С другой стороны, перед лицом определенности противника вы будто бы ратуете за некую политику неопределенности — растворения, ускользания: вместо того чтобы создавать коллективные субъекты, нам следует учиться «избавляться от себя», вместо того чтобы требовать прав, мы должны представлять себе некие «пользования без права», вместо противостояния государству нам нужно позиционировать себя как «не-государство». Но всегда ли у нас есть пространство

¹⁶ В 2022 г. этот основополагающий текст коллектива Тиккун вышел на русском языке в издании: Тиккун. Теория Блума. — М.: Гилея, 2022. — 126 с. — ISBN: 978-5-87987-154-8. — *Прим. пер.*

для маневра? Нам кажется, что власть биополитических аппаратов (все тех же органов здравоохранения, социального обеспечения, миграционного контроля и пр.) обусловлена их чудовищной силой захвата. Уж простите, но разве десубъективация — это не роскошь, которую могут позволить себе лишь те, кто каким-то образом уклоняется от аппаратов биовласти? Как «избавиться от себя», избежать ресубъективации, как быть не-государством, если ты имеешь статус ВИЧ-положительного, «ББДшника»¹⁷, «наркомана» — то есть если ты буквально схвачен категориями и диспозитивами биовласти? Не выходит ли так, что очень часто мы просто вынуждены действовать именно как те, кто мы есть, а вовсе не «как не», в вашей терминологии? Короче говоря, может возникнуть ощущение, что вы ратуете за непостоянство и ускользание там, где захватывающая сила и существенный вес противника не оставляет нам иного выбора, кроме как противостоять ему.

Джорджо Агамбен: Я понимаю проблему. Полагаю, все зависит от того, что мы понимаем под «бегством» и «ускользанием». Этот мотив мы находим у Делеза: «линия ускользания», похвала ускользанию. Однако вы справедливо протестуете. Понятие бегства не подразумевает наличие какого-то места, куда мы могли бы сбежать. Нет, это бегство совершенно особенное — бегство без направления, бегство в никуда. Разве есть место, куда мы могли бы сбежать? В некоторых случаях, например, до падения Берлинской стены, можно было наглядно представить бегство за ее пределы, потому что эти пределы были ясны — была стена (однако были ли даже тогда места, в которые люди стремились сбежать?). Для меня задача состоит в том, чтобы помыслить бегство, не предполагающее побега, то есть движения, связанного с конкретным местом. Только в таком случае бегство может иметь политическое значение. И есть еще одна проблема, тоже, как мне кажется, имеющая отношение к теме нашего разговора. Эта проблема обнаруживается, когда Маркс критикует Штирнера. В «Немецкой идеологии» он посвящает более ста страниц этому теоретику анархизма, отвергая его различие бунта и революции. Штирнер рассматривает бунт как личный, эгоистический акт самоустранения. Революция же для Штирнера — политический акт, нацеленный на столкновение с институтами и их разрушение,

¹⁷ RMIste, от Revenu minimum d'insertion (фр.) — получатель безусловного базового дохода (ББД) — *Прим. пер.*

тогда как бунт, напротив, этого не подразумевает. Можно оставить государство в покое — оно само себя уничтожит. То есть достаточно лишь самоустраниться — сбежать. Маркс сурово критикует этот мотив, однако тот факт, что он уделяет ему сотню страниц, показывает, что проблема очень серьезна. Оппозиции бунта и революции Маркс противопоставляет некое единство. Он не разводит политическую и анархически-индивидуальную сферу, но ищет способ их объединить: для него пролетарий совершает непосредственно политический акт всегда из эгоистических соображений, то есть ради бунта. В данном случае, даже если это влечет за собой определенные последствия, я все же склонен мыслить как Маркс, в сторону единства этих двух жестов, или, скажем, промежуточного положения между ними. Я склонен мыслить не в том духе, что следует провести четкий раздел и отделить бегство от революции, как это обычно делается, а в том, что каждое действие, проистекающее из единичной потребности индивида, пролетария, не имеющего никакой идентичности, никакой сущности, будет также и политическим действием. Я считаю, что мы не должны противопоставлять политику и бегство, революцию и бунт, нам следует мыслить за пределами подобных оппозиций. Это было проблемой и для Маркса — так родилась апория класса. Класс не обладает сознанием — пролетариат существует как субъект, но сознания у него нет. Отсюда ленинская проблема партии: нужно нечто, не отличающееся от класса, нечто олицетворяющее этот самый класс, но в то же время являющееся для него органом сознания. Это тоже апория. Так что я не утверждаю, что существует единственно верное решение проблемы связи между линиями ускользания, которые суть жесты бунта, и чисто политической линией. Ни партийная модель, ни модель действия без партии тут не подходит — следует изобрести нечто новое. Потому что дальше мы сталкиваемся с проблемой политической организации, проблемой партии-класса, которая формирует новое «мы»: партия следит за тем, чтобы каждое действие было политическим, не личным, не индивидуальным, тогда как класс, наоборот, представляет собой бесконечное производство не политических действий, а индивидуальных бунтов. Решения у меня нет, но проблема очевидна.

Vacarme: Более того, эта проблема встает перед всеми, кто пытается создать коллектив — или некое «мы» — вне агрегирующих машин, которыми являются политические партии, и не прибегая к помощи

какого бы то ни было высокого принципа вроде Республики, Клас-са или Человека. То, что *Vacarme* позиционирует себя близким к ассоциациям больных, безработных и прекариата, объясняется именно тем, что они изобретают нечто вроде политики от первого лица — новые формы организации, где исчезают различия между социальным и политическим, классом и его сознанием, единичным и универсальным, где политическое значение действий имманентно самим действиям.

Джорджо Агамбен: Совершенно верно. Следует изобрести практику, которая дала бы всему этому родиться. Конечно, это уже не столь существенная тема для разговора, но все же, возвращаясь к моей текущей работе, есть еще кое-что, что я обнаружил в текстах Павла. Его послания представляют собой тяжбу с иудейским законом, делящим людей на иудеев и не-иудеев, на евреев и язычников. Что же он предпринимает в отношении этого разделения? Павла часто изображают в качестве проповедника универсализма, того, кто противопоставил подобным разделениям на иудеев и не-иудеев, своих и чужих, некий новый универсальный принцип, в качестве отца кафелической, то есть вселенской, Церкви. Однако если взглянуть в тексты его посланий, то обнаружится ровно обратное. Перед лицом разделений, навязанных законом (Павел рассматривает иудейский закон с его разделением на иудеев и не-иудеев, но то же самое можно сказать и о разделении на граждан и не-граждан и пр.), вместо того чтобы противопоставлять этнической разобщенности некий универсальный принцип, что склонны делать мы в эпоху прав человека, он прибегает к очень тонкому приему: разделяет само разделение. Закон делит на иудеев и не-иудеев? Что ж, тогда я разделю эту разделительную линию другой разделительной линией. Подобных случаев много, к примеру, разделение на иудеев по плоти и иудеев по духу, по дыханию. Дихотомия плоти и духа разделяет само исчерпывающее разделение человечества на иудеев и не-иудеев. Эта новая разделительная линия создает иудеев, которые не являются иудеями, потому что они таковы только по плоти, но не по духу, и также язычников, которые являются язычниками по плоти, но по духу они не язычники. Таким образом, это разделение производит остаток. Павел помещает остаток в это разделение на иудеев и не-иудеев. Получается своего рода тончайший разрез поверх уже существующей линии разреза. В сущности, дело обстоит гораздо интереснее: Павел

не выдвигает универсальный принцип, он вызывает сбой в разделении закона, он вводит остаток. Ведь иудей по духу — не не-иудей, он тоже иудей или, можно сказать, он — не-не-иудей. Павел всюду действует таким образом — вместо обоснования универсального принципа он разделяет разделение. И в остатке оказывается новый, но неопределимый субъект — он всегда в остатке, потому что он может находиться по обе стороны, как со стороны не-иудеев, так и со стороны иудеев. Есть нечто ценное в том, чтобы сегодня вновь представить себе понятие народа и, возможно, помыслить его так, как предлагал Делез, говоря о миноритарном народе — о народе как меньшинстве. Речь здесь скорее не о проблеме меньшинств, а о том, чтобы представлять народ всегда как остаток по отношению к разделению, как то, что остается или сопротивляется разделению, — не как субстанцию, а как зазор. Следовало бы действовать согласно этому методу разделения разделений, а не задаваться вопросом, каким бы мог быть универсальный объединяющий принцип, который дал бы нам общее самоопределение. Напротив, перед лицом разделений, которые производит закон, разрезов, которые он постоянно совершает, нужно добиваться их сбоя, сопротивляясь, оставаясь в остатке. Быть в остатке — оставаться и сопротивляться, эти действия имеют общий корень¹⁸.

Vacarme: Именно это произошло во Франции с нелегальными мигрантами. Закон устанавливал критерии, и задачей было не взывать к общему принципу гостеприимства, а демонстрировать, что в конечном счете этим критериям не соответствует никто: и такое положение создает людей, которых невозможно ни депортировать, ни вписать в рамки закона. Стратегия ассоциаций мигрантов заключалась в том, чтобы показать, что возможно усложнять критерии до тех пор, пока альтернатива между легальным и нелегальным статусом окончательно не утратит свой смысл. Это важный ориентир.

Джорджо Агамбен: Это как раз то, что меня поразило в идеях Павла. В Библии мы не раз находим что-то подобное в образах пророков, всегда пророчествующих об остатке Израиля. Они обращают свою речь ко всему Израилю, но возвещают, что только остаток спасется. Так происходит у Исаии, у Амоса, да и во всем пророческом дискурсе. Под остатком здесь понимается не количественная величина,

¹⁸ Французские глаголы «rester» (оставаться) и «résister» (сопротивляться) восходят к общему латинскому корню, на что обращает внимание Агамбен. В русском языке также имеется схожая однокоренная связь, к примеру, «оставаться» и «отстаивать». — *Прим. пер.*

но тот образ, который народ должен принять в решающий момент — в данном случае, речь идет о моменте спасения или избрания, но мы можем подставить сюда и многое другое. Народ должен сделать себя остатком, принять образ остатка. В каждой конкретной ситуации стоит обращать на это внимание: кто в данной ситуации мог бы позиционировать себя в качестве остатка? Это не связано с различием большинства и меньшинства. Речь о другом. Все люди, весь народ принимает этот образ, если момент действительно решающий.

Vacarme: И все же — какое место оставляет этим «конкретным ситуациям» и «решающим моментам» столь беспощадная критика нынешней эпохи, как ваша? Кажется, что вы склоняетесь не столько к случаю, жесту, кайросу, как сами говорите, сколько к неразрешимым апориям, тупику и поражению — в частности, когда вы, вновь перекликаясь с Дебором, говорите о неразрешимости конфликта тоталитаризма и демократии, о бессмысленности этой альтернативы. В одной из своих работ вы также пишете об «опыте абсолютного бессилия, когда мы каждый раз сталкиваемся с одиночеством и немотой именно там, где надеемся на компанию и диалог». Что вы имеете в виду?

Джорджо Агамбен: Меня часто упрекали или, как минимум, приписывали мне пессимизм, в котором я, наверное, не отдаю себе отчет. Я не замечаю ничего подобного. У Маркса есть фраза, ее цитировал Дебор, и она мне очень близка: «Безнадежные условия общества, в котором я живу, наполняют меня надеждой». Я разделяю этот взгляд: надежда дается отчаявшимся. Я не считаю себя пессимистом. Ответу на ваш вопрос так: когда я писал процитированные вами слова, я подразумевал ужасную политическую ситуацию 1980-х годов. Я размышлял о Войне в заливе и последовавших за ней других войнах, в частности, в Югославии. Можно сказать, что новый образ господства вырисовывается перед нашим взором весьма четко. Пожалуй, впервые перед нами столь ясно воплощается модель спектакля. Не только в массмедиа — она, так сказать, воплощается политически. Симона Вейль однажды сказала, что не следует рассматривать войну как факт, относящийся к внешней политике, — ее нужно рассматривать и как факт политики внутренней. И мне кажется, в этих войнах мы как раз столкнулись с абсолютной неразличимостью, неразделимостью внутренней политики и внешней. Сегодня это уже звучит тривиально: мы то и дело слышим из уст разного рода экспертов, что внешняя и внутрен-

няя политика — это одно и то же. Однако я настаиваю: здесь нет никакого личного или психологического пессимизма. Это лишь еще один способ постановки проблемы субъекта. Это то, что мне действительно нравилось в Симондоне: можно сказать, что он всегда мыслит индивидуацию как сосуществование двух принципов — индивидуального, то есть личного, и безличного, Однако я настаиваю: здесь нет никакого личного или психологического пессимизма. Это лишь еще один способ постановки проблемы субъекта. Это то, что мне действительно нравилось в Симондоне: можно сказать, что он всегда мыслит индивидуацию как сосуществование двух принципов — индивидуального, личного, и безличного, не-индивидуального (*impersonnelle*). То есть жизнь всегда разворачивается сразу в двух регистрах— личном и безличном. Они всегда соотносены друг с другом, даже если четко разделены. Я полагаю, что безличным в нашем случае можно было бы назвать порядок безличной силы, с которым соотносится всякая жизнь. А десубъективацией можно назвать ежедневный опыт соприкосновения с безличной силой — тем, что превосходит нас и, вместе с тем, заставляет нас жить. Итак, искусство жизни, как мне кажется, можно было бы свести к такому вопросу: как соотноситься с этой безличной силой? Как субъект может соотноситься с силой, которая ему не принадлежит, которая превосходит его? Это в определенном смысле поэтическая проблема. Римляне называли эту силу гением — безличным творческим началом, дающим начало жизни. Это одна из возможных моделей. Субъект в таком случае — это и не сознательный субъект, и не безличная сила, а то, что пребывает между ними. Десубъективация имеет не только темное, мрачное значение. Это не просто уничтожение всякой субъективности. Есть другой полюс, более плодотворный и поэтический, где субъект есть исключительно субъект собственной десубъективации. Так что позвольте мне отвергнуть ваше обвинение: я уверен, что вы большие пессимисты, чем я...

Библиография

1. Беньямин В. Учение о подобии / В. Беньямин. Москва: Издательский центр РГГУ, 2012. – 290 с. – ISBN 978-5-7281-1276-1.
2. Агамбен Дж. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Дж. Агамбен. – М.: Издательство «Европа», 2011. – 256 с. – ISBN 978-5-9739-0202-5.
3. Агамбен Дж. Грядущее сообщество / Дж. Агамбен. – М.: Три квадрата, 2008. – 144 с.
4. Агамбен Дж. Средства без цели: заметки о политике / Дж. Агамбен. – М.: Гилея, 2015. – 148 с. – ISBN 978-5-87987-097-8.
5. Агамбен Дж. Номо sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель / Дж. Агамбен. – Москва: Издательство «Европа», 2015. – 192 с. – ISBN 978-5-9739-0208-7.
6. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. В 2-х томах. Канонические. – Л.: «Духовное Просвещение» 1990. – 1200 с.
7. Тиккун. Теория Блума. – М.: Гилея, 2022. – 126 с. – ISBN: 978-5-87987-154-8.

A minor biopolitics. Interview with Giorgio Agamben

Giorgio Agamben — Professor of Philosophy, European Graduate School (EGS); Stegmatte, 3906 Saas-Fee, Switzerland; e-mail: gioagamben@yahoo.it

Interviewers: Stany Grelet, Mathieu Potte-Bonville

Transl.: Mikhail Shestakov — student of Russian State Pedagogical University in the name of A. I. Herzen (Herzen University); St. Petersburg, Russia; e-mail: mikhail.a.shestakov@gmail.com

Keywords: biopolitics, subject, political pessimism, minor biopolitics

The political potential of Giorgio Agamben's intellectual legacy is a long-standing topic of discussions. Agamben is primarily known for his concept of biopolitics, which significantly expands the scope of Michel Foucault's application of this concept. In his works he seriously criticises the models of political action established in Western culture, but, as his opponents point out, he does not offer or simply does not see any alternative to them. In academic circles, the claim that Agamben's thought is pessimistic and nihilistic is a kind of cliché. Moreover, Agamben's publicistic works of recent years, in which the philosopher makes a number of ambiguous statements about the COVID-19 pandemic and the conflict between Russia and Ukraine, have become a target for criticism. Initially recognised among left-wing theorists, Agamben's thought is now being actively appropriated by conservatives, including Russian conservatives. This interview helps to clarify certain aspects of Agamben's political views and provides a key to understanding the relationship between his middle period, when his most famous works were published, and his late period, when he focused on Christian theology. In the interview, Agamben outlines the theory of the subject central to his work, and discusses the authors who have most influenced him — in particular, along with Foucault and Benjamin, he mentions Deleuze and his notion of the «line of flight».

References

1. Benjamin W. Uchenie o podobii [Doctrine of the similar] / W. Benjamin. – Moscow: Izdatelskiy tsentr RGGU, 2012. – 290 p. – ISBN: 978-5-7281-1276-1. (In Russian)
2. Agamben G. Homo sacer. Suverennaa vlast i golaya zhizn' [Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life] / G. Agamben. – Moscow: Izdatel'stvo Evropa, 2011. – 256 p. – ISBN: 978-5-9739-0202-5. (In Russian)
3. Agamben G. Gryadushchee soobshchestvo [The Coming Community] / G. Agamben. – Moscow: Tri kvadrata, 2008. – 144 p. (In Russian)
4. Agamben G. Sredstva bez tseli: zamechaniia o politike [Means Without End: Notes on Politics] / G. Agamben. – Moscow: Gileya, 2015. – 148 p. – ISBN: 978-5-87987-097-8. (In Russian)
5. Agamben G. Homo sacer. Chto ostayotsia posle Osventsima: arkhiv i svidetel' [Homo Sacer. Remnants of Auschwitz: The Witness and the Archive] / G. Agamben. – Moscow: Izdatel'stvo Evropa, 2015. – 192 p. – ISBN: 978-5-9739-0208-7. (In Russian)
6. Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta. V 2-kh tomakh. Kanonicheskie [The Bible: The Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testament. In 2 Vol. Canonical]. – Leningrad: Dukhovnoe Prosveshchenie, 1990. – 1200 p. (In Russian)
7. Tikkun. Teoriya Bluma [Tiqqun. Theory of Bloom]. – Moscow: Gileya, 2022. – 126 p. – ISBN: 978-5-87987-154-8. (In Russian)

Подписано в печать 22.12.2024

Тираж 200 экз.

Типография «Наука»

Москва, Шубинский переулок, д. 6